

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Н. Тихомиров

РЫСАК

ЕГО ВЫДЕРЖКА, ВЫЕЗДКА И ПОДГОТОВКА НА ПРИЗ

Энциклопедия
Конника

URSS

Н. Тихомиров

РЫСАК

**Его выдержка, выездка
и подготовка на приз**

Издание третье

URSS
МОСКВА

Тихомиров Н.

Рысак: Его выдержка, выездка и подготовка на приз. Изд. 3-е.
М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 240 с. (Энциклопедия конника.)

Вниманию читателей предлагается книга, в свое время получившая широкую известность у российских коннозаводчиков и любителей лошадей. В ней подробно рассматриваются вопросы подготовки рысаков, в том числе уход за жеребьями, работа с ними в манеже, проблемы ковки и конской упряжи, выдержка лошади, подготовка к скачкам на приз и т. д. В книге также описывается история выведения орловского рысака — знаменитой породы лошадей, созданной в России.

Несмотря на то что книга была написана очень давно (первое ее издание вышло в 1879 году), она и наши дни представляет интерес для специалистов в области коневодства, дрессировщиков лошадей, жокеев и тренеров, обучающих верховой езде.

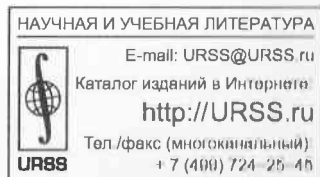
Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».
117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.
Формат 60×90/16. Печ. л. 15. Зак. № ГУ-23.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-397-02248-4

© Н. Тихомиров, 1879, 2011

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
оформление, 2011

10685 ID 132321

Его Сіятельству
Графу
И л л а р і о н у І в а н о в и ч у
В О Р О Н Ц О В У - Д А Ш К О В У
посвящаетъ авторъ.

Предисловіе къ 1-му изданію.

Представляя эту книгу на благосклонный судъ гг. коннозаводчиковъ и любителей лошадей, мы должны прежде всего попросить полного снисхожденія съ ихъ стороны къ тѣмъ недостаткамъ, которые легко могутъ оказаться въ ней. При составленіи книги мы не пользовались ни печатными сочиненіями, ни совѣтами какихъ-либо *авторитетовъ* въ дѣлѣ коннозаводства, а изложили исключительно только то, что намъ выяснила наша многолѣтняя практика. — Вотъ почему мы смѣемъ надѣяться, что трудъ нашъ будетъ не бесполезенъ, особенно въ виду той поразительной бѣдности, которой отличается наша литература по дѣлу коневодства, выѣздки лошадей и подготовки ихъ на призы. А между тѣмъ каждая специальность должна имѣть свою литературу, какъ для того, чтобы дать возможность всякому, занимающемуся этой специальностью, совершенствоваться въ ней, такъ и для того, чтобы ознакомлять подробно со всѣми своими отраслями желающихъ впервые заняться ею. Такихъ начинающихъ коннозаводчиковъ въ настоящее время найдется не мало на Руси, и имъ-то по преимуществу мы желали принести нашею книгой посильную пользу-помощь въ дѣлѣ столь сложномъ и требующемъ всесторонняго изученія. Если книга наша не можетъ сообщить опытнымъ коннозаводчикамъ и любителямъ лошадей что-либо новое и интересное для нихъ, то — какъ знать — быть-можетъ она самой своею неполнотою и недостатками вызоветъ въ

нихъ желаніе подѣлиться своей опытностью и составить болѣе полное руководство, всецѣло посвященное дѣлу русскаго коннозаводства и его отдѣльнымъ отраслямъ. — Мы будемъ безконечно счастливы, если трудъ нашъ принесетъ хоть малѣйшую пользу тѣмъ, кто нуждается въ его помощи. Всякую дѣльную рецензію на эту книгу, всякій добрый совѣтъ и указаніе на наши промахи мы примемъ съ глубочайшею признательностью.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Выпуская въ свѣтъ *второе*, значительное дополненное изданіе составленнаго мною „Рысакъ“, я, прежде всего, считаю долгомъ выразить гг. коннозаводчикамъ и любителямъ лошадей глубочайшую благодарность за то, воплотивъ неожиданное для меня, сочувствіе, съ которымъ было принято первое изданіе этой книги.

Кромѣ радостнаго и ободрительнаго чувства, которое поселяетъ въ душѣ человѣка удачный исходъ всякаго предпріятія, особенно когда это предпріятіе является результатомъ трудовъ, итогомъ многолѣтней практики и занятій, — успѣхъ перваго изданія дорогъ для меня и потому, что онъ во очію подтверждаетъ, что высокая и благородная страсть къ коневодству — къ скромнымъ поклонникамъ которой принадлежу и я — не упадаетъ на Руси, а, напротивъ, разростается все шире и шире, проникая во всѣ слои общества. Для всякаго любителя пріятно сознавать это и убѣждаться, что мы свято чтимъ драгоцѣнный даръ и драгоцѣнное наслѣдіе, завѣщанное Россіи гениемъ незабвеннаго гр. А. Г. Орлова. Будемъ надеяться, что наслѣдіе это переживетъ не только насъ, но и дѣтей нашихъ и послужитъ вѣчнымъ украшеніемъ и славою Россіи и одною изъ ея важнѣйшихъ экономическихъ отраслей, — словомъ, будетъ тѣмъ же, чѣмъ мы его видимъ и въ наши дни, сохраненнымъ уже болѣе, чѣмъ за столѣтній періодъ времени.

Но, конечно, частная инициатива и поддержка ничтожна передъ тою помощью, которую всегда встрѣчало коневодство у нашего

правительства и безъ которой едва-ли оно могло-бы такъ широко развиваться и совершенствоваться. Въ этомъ отношеніи самой глубокой признательности заслуживаютъ люди, по своему высокому общественному положенію имѣющіе прямое вліяніе на судьбы русскаго коннозаводства и оказывающіе ему полное сочувствіе. Къ числу такихъ людей принадлежитъ извѣстный коннозаводчикъ г. Министръ Императорскаго Двора гр. И. И. Воронцовъ-Дашковъ*), который не только постоянно вліяетъ на правительственную поддержку и на приведеніе въ блестящее, соотвѣтствующее назначенію состояніе правительственныхъ заводовъ, но не останавливается и передъ личными пожертвованіями на нужды русскаго коннозаводства. Такъ, напр., графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, какъ извѣстно, жертвуетъ ежегодно 6,000 руб. на устроенную по его инициативѣ *школу наѣзди-никовъ* при Хрѣновскомъ заводѣ, которая, какъ мы надѣемся, дастъ въ близкомъ будущемъ значительное число опытныхъ наѣзди-ковъ и такимъ образомъ устранить замѣчающійся въ нихъ повсюду недостатокъ, тѣмъ болѣе, что руководство молодыми учениками ввѣрено графомъ опытному наѣзднику бывшему у князя Трубецкаго, Тихону Петрову.

Такое личное пожертвованіе и такое благотворное учрежденіе, равно какъ и самая дѣятельность графа на пользу русскаго коннозаводства, не можетъ не заслуживать въ сердцахъ любителей орловской рысистой породы самой глубочайшей признательности, и я позволю себѣ гордиться тѣмъ высокимъ вниманіемъ, которымъ почтилъ графъ мой скромный трудъ, позволивъ посвятить эту книгу его имени.

Н. Тихомировъ.

*) Графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ имѣетъ обширный заводъ, прославленный такими рысаками, какъ: *Пытухъ, Петель, Ментикъ, Святъ, Батырь, Надала* и друг.

Время жеребости и уходъ за маткой.

Каждый коннозаводчикъ или управляющій коннымъ заводомъ неуклонно должны слѣдить за тѣмъ, чтобы время случки всякой кобылы было записано. Это необходимо для того, чтобы всегда знать заранѣе то время, когда она должна будетъ жеребиться и когда, слѣдовательно, потребуетъ за собой извѣстнаго ухода и наблюденія со стороны служащихъ при заводѣ.

Нормальный срокъ жеребости кобылы со дня случки до дня принесенія приплода—*одиннадцать* мѣсяцевъ. Но нерѣдко бываютъ случаи, что кобылы или не доношиваютъ до этого срока и жеребятся ранѣе его, или, наоборотъ, перенашиваютъ и жеребятся позднѣе.

Намъ пришлось видѣть жеребеніе и подавать помощь маткѣ, жеребившейся послѣ случки черезъ 10 мѣсяцевъ 16 дней, и другой маткѣ, жеребившейся черезъ 11 мѣсяцевъ 18 дней. Обѣ эти матки были молоды и ожеребились въ первый разъ обѣ кобылками. Первая кобылка, хотя была и не доношена, черезъ сутки послѣ рожденія уже твердо стояла на ногахъ и подходила къ матери для сосанія. Раннее рожденіе не имѣло также никакихъ вредныхъ вліяній на ея дальнѣйшее физическое развитіе и вполнѣдствіи она была сильной и крѣпкой лошадейю, только довольно долго нельзя было предугадать цвѣта ея шерсти. Отъ вороного отца и сѣрой матки она родила свѣтло-игреневою, а вполнѣдствіи цвѣтъ этотъ перешелъ въ темносѣрый.

Вторая кобылка, принесенная 18-ю днями позже нормальнаго срока, родилась хорошо сформированной и черезъ нѣсколько часовъ послѣ появленія на свѣтъ свободно ходила по деннику, какъ будто была уже двухнедѣльнымъ жеребенкомъ. Приведа эти два, лично намъ извѣстные, примѣра ненормальной, по сроку, жеребо-

сти, въ обоихъ случаяхъ не имѣвшей вреднаго вліянія на физическое развитіе жеребятъ, мы не беремся входить въ подробный разборъ причинъ ранняго или поздняго жеребенія матокъ, такъ какъ, во-первыхъ, это входить въ область ветеринарныхъ наукъ, а во-вторыхъ и потому, что науки эти не успѣли еще выработать ничего сколько-нибудь опредѣленно-объясняющаго этотъ вопросъ. Мы можемъ замѣтить только, что ненормальность эта не находится въ связи съ физическимъ развитіемъ лошади, такъ какъ намъ не разъ случалось наблюдать, что одна и та же матка въ первый годъ не донашивала плода, а на второй перенашивала, и наоборотъ. Изъ числа же гадательныхъ предположеній, приводимыхъ ветеринарами въ объясненіе этого явленія, можно указать на слѣдующія:

1. У хорошо кормленной матки скорѣе формируется въ утробѣ жеребенокъ, и поэтому роды наступаютъ прежде, чѣмъ бы слѣдовало.
2. Если матка даетъ жеребчика, то перенашиваетъ.
3. Молодая матка, будучи сильнѣй старой, перенашиваетъ, а старая не донашиваетъ, и т. д.

Практика положительно противорѣчитъ всѣмъ этимъ теоріямъ, и нерѣдко случается наблюдать совершенно противоположныя явленія. Такъ, наприимѣръ, намъ нѣсколько разъ приходилось видѣть, что тощія матки жеребились ранѣе, нежели сытныя, старыя позже молодыхъ, и т. д. Мы не рѣшаемся даже утверждать, чтобы большій или меньшій моціонъ имѣлъ какое-нибудь очевидное вліяніе на сокращеніе или продолженіе нормальнаго срока жеребости. Какъ бы то ни было, но отклоненія отъ нормальнаго срока такъ незначительны и рѣдки, что не исключаютъ возможности принять своевременно извѣстныя мѣры предосторожности при наступленіи жеребости.

На хорошо устроенномъ и организованномъ заводѣ принесеніе жеребенка маткой отнюдь не должно быть неожиданнымъ событіемъ или сюрпризомъ, а напротивъ—событіемъ ожидаемымъ всѣми служащими, отъ конюха до управляющаго заводомъ, и они всѣ принимаютъ извѣстныя мѣры для предупрежденія всякихъ несчастій.

Мѣры эти состоятъ, по нашему мнѣнію, въ слѣдующемъ уходѣ за жеребой маткой. Въ послѣдніе два мѣсяца жеребости ее не слѣдуетъ пускать на прогулку съ другими матками, а надо поставить

въ отдѣльный денникъ, изъ котораго можно выводить ее на прогулку черезъ день и водить въ уздечкѣ или въ недоуздекѣ въ поводу полчаса или часъ на открытомъ воздухѣ. Эта прогулка прекращается за пять дней до выжеребки, когда всякій моціонъ внѣ денника дѣлается опаснымъ, такъ какъ малѣйшее споткновеніе или оступъ могутъ имѣть чрезвычайно вредное вліяніе на исходъ жеребости. Въ это время въ денникъ настиляется обильная подстилка и матка оставляется въ совершенномъ покоѣ.

За полмѣсяца до выжеребенія учреждается ночное дежурство конюховъ, которымъ смотритель завода подробно объясняетъ правила ухода за кобылой, равно какъ и обращаетъ ихъ вниманіе на долженствующіе появиться признаки жеребости.

Уходъ состоитъ въ слѣдующемъ:

1. Не слѣдуетъ много поить матку за одинъ разъ, а лучше поить чаще, наприим. разъ пять въ день, но понемногу, чтобы не обременять желудка.

2. Въ кормъ давать хорошаго сѣна. Кромѣ этого, можно посоветовать давать лошади раза три въ день овсянку съ водой (овсяную кашу), какъ отличный питательный и удобоваримый кормъ, нисколько не отягчающій и безъ того отягченный въ это время животъ лошади.

Дежурный конюхъ долженъ на ночь ложиться въ корридорѣ около денника жеребой лошади и имѣть подъ рукой ножницы и суровыя нитки. Спать ему отнюдь не дозволяется, такъ какъ онъ долженъ неуклонно слѣдить въ это время за лошадыю, чтобы, при появленіи первыхъ признаковъ близкой жеребости, онъ могъ сообщить объ этомъ своевременно старшему конюху или завѣдующему заводомъ. Признаки наступающей выжеребки состоятъ въ томъ, что матку начинаетъ часто слабѣть, она совершенно перестаетъ пить воду или начинаетъ пить ее меньше, чѣмъ обыкновенно. Замѣтивъ все это, опытный конюхъ удваиваетъ надзоръ и при появленіи послѣдняго признака—истеченія воды изъ дѣтородавой петли—даетъ знать, кому слѣдуетъ, о наступающемъ жеребеніи.

Матки жеребятся, по большей части, лежа, и это положеніе—самое благопріятное. Нужно только наблюсти, чтобы матка не легла задомъ близко къ стѣнѣ и чтобы это обстоятельство не помѣшало выходу приплода. Если кобыла ляжетъ въ такомъ положеніи, то

ее слѣдуетъ осторожно заславить подняться и перемѣнить его, что матка сдѣлаетъ очень скоро, такъ какъ отъ слабости и боли она не въ состояніи долго держаться на ногахъ. Прежде всего выходить пузырь (сорочка) и въ немъ переднія ножки съ положенной на нихъ головкой. Если все это идетъ правильно и въ должномъ порядкѣ, въ такомъ случаѣ слѣдуетъ оставить кобылу въ покоѣ и только слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ родовъ. Если же выходъ плода происходитъ въ неправильномъ направленіи, то слѣдующій за этимъ долженъ, обмывъ руку въ постное масло, ввести ее тихо въ маточный рукавъ и постараться дать плоду по возможности правильное направленіе къ выходу. Все это слѣдуетъ производить какъ можно осторожнѣе, безъ излишней суетни и шума, но вмѣстѣ съ тѣмъ развязно и проворно. Лошадь же слѣдуетъ ласкать и уговаривать, особенно если она лежитъ непокойно, стараясь дать ей понять, что ей хотятъ дать помощь.

Если окружающіе кобылу люди увѣрены, что она окончитъ роды, не вставая на ноги, и если ея роды идутъ правильно, тогда можно, по выходѣ по колѣна переднихъ ногъ жеребенка и головы, быстро порвать или перерѣзать ножницами пузырь, т. е. оболочку, въ которой находится жеребенокъ, и, взявъ послѣдняго за ноги и за голову, слегка поддерживать и тащить, помогая этимъ матери. Это легкое подтаскиваніе должно идти въ тактъ съ потугами, т. е. съ тѣми усиліями, которыя дѣлаетъ сама матка, чтобъ освободиться отъ плода; подтаскивать же надо по возможности къ низу, такъ какъ иначе можно разорвать промежность.

Если же, наоборотъ, кобыла лежитъ непокойно и по временамъ дѣлаетъ попытки встать на ноги, тогда отнюдь не слѣдуетъ прорывать или прорѣзать пузыря до тѣхъ поръ, пока жеребенокъ не выйдетъ по локти. Это правило очень важно въ томъ отношеніи, что если кобыла вдругъ отъ чего-нибудь приподнимется на ноги, тогда жеребенокъ долженъ будетъ уйти обратно въ маточный рукавъ и тамъ, лишенный предохранительной оболочки (пузыря), навѣрное будетъ залить родильными водами, черезъ нѣсколько секундъ выйдетъ оттуда уже мертвымъ, и вмѣсто новаго питомца въ заводскихъ книгахъ явится отмѣтка, что *матка скинула*.

Послѣ же выхода жеребенка по локти (мышки) пузырь можно прорывать безъ всякаго опасенія, такъ какъ, еслибъ матка и встала

на ноги, жеребенокъ уже не можетъ уйти обратно въ маточный рукавъ.

Впрочемъ, бываютъ случаи, когда пузырь прорывается и самъ собою; тогда надо всѣми мѣрами стараться предупредить внезапное встананье матки въ неудобные для этого моменты. Если матка жеребится стоя, тогда двое конюховъ должны держать на вѣсу полотно или вдвое сложенную попону, для того, чтобы жеребенокъ вышелъ на нее, а не упалъ бы на землю.

Когда все окончится благополучно, отрѣзаютъ ножницами, съ возможною поспѣшностью, шнуръ пуповины, чтобы такимъ образомъ поскорѣе отдѣлить связь между матерью и жеребенкомъ; въ противномъ случаѣ, если кобыла внезапно поднимется и этимъ движеніемъ натянетъ пуповину, то послѣдняя можетъ оборваться очень близко къ животу жеребенка, такъ что впослѣдствіи невозможно будетъ завязать ее. Поэтому лучше отрѣзать пуповину поскорѣе, хотя бы и не въ томъ мѣстѣ, гдѣ бы слѣдовало, а нѣсколько выше, и уже послѣ отрѣзать, какъ слѣдуетъ, у живота.

При этомъ должно обратить вниманіе на то, нѣтъ ли опухоли на животѣ новорожденнаго, и именно около основанія пупка, и если таковая будетъ замѣчена, тогда перевязывать пупокъ ниткою надо не очень близко къ животу и при перевязкѣ слѣдуетъ сколько возможно нажать эту опухоль, для того, чтобы не втянуть ее какъ-нибудь въ узелъ нитки. Опухоль происходитъ отъ расширенія пупочнаго кольца и нѣкоторые называютъ ее *грыжею*. Отъ чего происходитъ это явленіе, мы не беремся объяснить. Знаемъ только, что оно очень опасно, и опасно именно въ томъ отношеніи, что въ расширенное отверстіе кольца можетъ выйти кишка, которая въ это время еще очень тонка и слаба, и если, по неопытности дѣлающаго перевязку пупка, кишка эта попадетъ въ узелъ, которымъ завязывается пуповина, тогда быстро наступаетъ воспаленіе кишекъ, а за нимъ и смерть жеребенка, родившагося хотя и благополучно, но не долго прожившаго и не надолго, слѣдовательно, мелькнувшаго въ заводскихъ книгахъ.

Если же перевязка пупка сдѣлана правильно, въ такомъ случаѣ опухоль не грозитъ никакой опасностью и, по мѣрѣ возраста жеребенка, проходитъ сама собою, не оставляя никакихъ признаковъ. Это самоизлѣченіе происходитъ, по нашему мнѣнію, потому, что

съ возрастомъ жеребенка утолщается и кромка пупочнаго кольца, вслѣдствіе чего самъ собою суживается діаметръ этого кольца. Впрочемъ, мнѣнія своего мы не намѣрены выдавать за авторитетное и охотно признаемъ, что этотъ весьма важный вопросъ требуетъ еще много разработки.

Послѣ того, какъ пупокъ будетъ перевязанъ, жеребенка вспрыскиваютъ соленою водою для того, чтобы матка охотнѣе облизала его и сняла бы съ него такимъ образомъ всѣ клейкія нечистоты. Если къ этому времени матка все еще лежитъ и не встаетъ, то осторожно подпосать къ ея головѣ жеребенка; а если уже встала, тогда этого дѣлать не нужно, такъ какъ она сама не замедлитъ подойти къ нему.

Когда кобыла освободится отъ послѣдыша (мѣста), тогда слѣдуетъ вымыть ей вымя, хвостъ и заднія ноги теплою водою и послѣ этого подпустить жеребенка къ соскамъ. Мыть кобылу необходимо потому, что отъ нечистотъ, которыя жеребенокъ, при сосаніи, неминуемо будетъ обтирать головою и шеей, у него сдѣлается зудъ и черезъ нѣсколько дней онъ начнетъ сильно чесаться.

Если матка не допуститъ послѣ выжеребки обмытъ себя, тогда по-неволѣ это дѣло придется отложить на нѣсколько дней. Подобную нетерпимость къ мытью послѣ родовъ надо замѣтить и при послѣдующихъ жеребеніяхъ принять это къ свѣдѣнію, для того чтобы производить хоть предварительное обмываніе за нѣсколько часовъ передъ жеребеніемъ. Впрочемъ, со строгою лошадыю и это предварительное обмываніе слѣдуетъ производить осторожнѣе и не запугивать ее.

У нѣкоторыхъ жеребятъ при рожденіи находится въ рту кусокъ какой-то сгустившейся крови, какъ бы печени, для чего и слѣдуетъ каждому новорожденному жеребенку разжимать ротъ, чтобы онъ скорѣе могъ вдохнуть въ себя воздухъ, и если окажется во рту эта печень, то надо извлечь ее оттуда. Это разжиманіе важно еще потому, что поздри жеребенка въ это время не могутъ вдыхать воздухъ, такъ какъ бываютъ затянuty клейкою нечистотой.

По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, жеребенокъ встаетъ на ноги и начинаетъ искать сосковъ матери. Ему необходимо оказать тутъ помощь и поддержать его, такъ какъ онъ еще не твердо стоитъ на ногахъ, и направить голову къ соскамъ. Это нужно сдѣлать

только въ первый разъ, такъ какъ онъ скоро окрѣпаетъ и уже самъ легко находитъ соски.

Первое молоко матери имѣетъ нѣкоторую клейкость, и поэтому многіе предполагаютъ, что оно не должно быть вкусно; а слѣдовательно и жеребенокъ долженъ пить его неохотно. Въ виду этого предположенія, иногда сдаиваютъ это первое молоко и потомъ уже подпускаютъ жеребенка сосать. Другіе же, напротивъ, держатся того мнѣнія, что первое молоко служить для жеребенка лѣкарственнымъ средствомъ, дѣйствуя благотворно на очищеніе всѣхъ кишечныхъ каналовъ. Кто правъ, кто виноватъ—судить не беремся, а выскажемъ только свое личное мнѣніе объ этомъ дѣлѣ, основанное на многочисленной практикѣ и примѣрахъ.

Мы находимъ, во-первыхъ, что сдаивать первое молоко совершенно не слѣдуетъ, такъ какъ когда матка начинаетъ уже сильно причинать, вымя и соски у ней наливаются и дѣлаются полными, тогда и молоко само начинаетъ сходить по каплямъ еще задолго до выжеребки. Слѣдовательно, жеребенокъ принимаетъ уже не первое молоко, да и едва-ли оно горько и невкусно для него.

Мы тоже не можемъ повѣрить въ частное лѣкарственное значеніе этого молока и въ его разрѣшающее дѣйствіе. У всѣхъ жеребятъ, надъ которыми мы дѣлали наблюденія, послѣ перваго же сосанія являлся не поносъ, а, напротивъ, запоръ,—первыя испраженія выходили у нихъ очень туго, жеребята очень непокойно подготавливались къ нимъ, вертѣли хвостомъ и даже старались подкидывать задомъ, такъ что конюхъ, для облегченія этого акта, долженъ былъ, намазавъ руку саломъ или мыломъ, выбирать изъ задняго прохода твердые шарики. Впрочемъ, запоръ при послѣдующихъ раззахъ обыкновенно не повторяется, если только не бываетъ воспаленія кишекъ.

Матку послѣ выжеребенія надо выдерживать относительно корма и питья точно такъ же, какъ выдерживаютъ лошадь послѣ сильной ѣзды. Это правило очень важно и на него слѣдуетъ обращать строгое вниманіе. Намъ пришлось разъ наблюдать за кобылой, которая долго страдала при выжеребкѣ,—ея пульсъ болѣе восьми часовъ послѣ родовъ не приходилъ въ нормальное состояніе и билъ въ минуту болѣе 42 разъ.

Въ кормъ матки полезно давать пшеничныхъ отрубей, смоченныхъ подоя, а за неимѣніемъ ихъ—овсянки. Въ томъ случаѣ, если послѣдшій (мѣсто) не выходитъ долго, полезно подбавить въ питье матки ржаного солода.

Содержаніе матки и жеребенка.

Спустя 5—6 дней послѣ родовъ кобыла совершенно оправляется, а потому и является возможность давать ей вволю сѣна и воды. Очень полезно также давать ей, до выгона на пастбище, по 2—3 гарнца овсянки, такъ какъ этотъ кормъ благотворно дѣйствуетъ какъ на количество, такъ и на питательность молока, и *немолочной* маткѣ безъ него бываетъ даже трудно кормить жеребенка. Спустя 9 дней послѣ родовъ матка вновь *покрывается* (случается) съ жеребцомъ. Этотъ срокъ самый удобный, такъ какъ изъ многочисленныхъ наблюденій оказалось, что къ этому времени матка сильно приходитъ *въ охоту*, скорѣе подпускаетъ жеребца и вѣрнѣе дѣлается жеребой, т. е. непустующей.

Жеребенка не слѣдуетъ помѣщать въ очень свѣтлый денникъ, такъ какъ это можетъ повредить его молодымъ глазамъ, а потому онъ и ставится съ маткой въ полутемный денникъ, въ которомъ и остается дней шесть, пока не окрѣпнутъ копыта. По минованіи этого срока, матку выводятъ изъ денника на прогулку, и жеребенокъ выходитъ за ней. При этомъ необходимо стараться, чтобы жеребенокъ привыкалъ какъ можно постепеннѣе къ свѣту и чтобы на его глаза, привыкшіе къ полутемному деннику, ни въ какомъ случаѣ не могъ губительно повліять яркій солнечный свѣтъ. Во избѣжаніе этого, слѣдуетъ выводить въ первый разъ изъ денника матку съ жеребенкомъ сначала въ манежъ, а гдѣ такового не имѣется, то на открытый дворъ, но не иначе, какъ въ пасмурный день или подъ вечеръ, когда солнце уже низко стоитъ на горизонтѣ и лучи его не такъ ослѣпительно-ярки. Выйдя въ первый разъ съ маткой въ манежъ или на открытый воздухъ, жеребенокъ сначала робѣетъ и жметъ къ матери; но какъ скоро оглядится

то начинаетъ сильно бѣгать и такъ увлекается этимъ, что готовъ скакать до упада. Но какъ ни пріятно видѣть эту игривость въ молодомъ жеребенкѣ, все-таки отнюдь не слѣдуетъ допускать его скакать, сколько ему вздумается, такъ какъ отъ этого у него можетъ сдѣлаться сильное сердцебіеніе, а послѣ, въ денникѣ, поносъ. Поэтому, замѣтивъ, что молодой скакунъ запрыгался, слѣдуетъ остановить его; для этого стоитъ только хлопнуть бичомъ или постучать объ стѣну,—жеребенокъ испугается этихъ звуковъ, немедленно остановится, подойдетъ къ матери и будетъ ходить съ нею нѣсколько времени шагомъ; но какъ только забудетъ про испугъ, то опять начнетъ скакать до тѣхъ поръ, пока вновь не будетъ остановленъ тѣмъ же способомъ.

Воздухъ и моціонъ благотѣльно дѣйствуютъ на новорожденного рысака, и онъ такъ быстро усиливается и крѣпнѣетъ, что скоро представляется возможность выпускать его съ маткой ежедневно на нѣсколько часовъ въ загонъ, безъ всякаго риска изнурить его.

Но не одинъ только воздухъ и моціонъ оказываютъ благотѣльное вліяніе на физическое развитіе жеребенка; ему также способствуетъ—и, разумѣется, еще въ большей степени—здоровое, питательное молоко матери, а это находится въ прямой связи съ питательностью и изобиліемъ того корма, который ей дается. При уходѣ за недавно родившей и вновь слученной маткой, отнюдь не слѣдуетъ упускать изъ вида того обстоятельства; что пища, потребленная ею, распредѣляется на три части. Первая часть выдѣляется въ пользу формирующагося въ ея утробѣ плода, вторая часть идетъ въ молоко для кормимаго ею жеребенка и только третья часть идетъ на поддержаніе ея собственнаго существованія. Отсюда ясно, что, для достиженія всего этого, маткѣ должно давать не малое количество корма и, притомъ, самаго хорошаго качества и питательности. При этомъ слѣдуетъ наблюдать, чтобы и *одножанный* кормъ, на который впослѣдствіи должна будетъ перейти матка, вполне соответствовалъ, по своимъ качествамъ, ощущаемой въ немъ потребности, т. е. былъ бы здоровъ, питателенъ и всегда въ надлежащемъ количествѣ. Съ этою цѣлью необходимо выбирать для матокъ самыя лучшія пастбища, расположенныя на возвышенныхъ, не болотистыхъ, мѣстахъ и съ сильною для рас-

тельности травъ почвой, которая встрѣчается обыкновенно на запущенныхъ поляхъ. Также, во избѣжаніе недостатка въ травѣ, или за неимѣніемъ удобныхъ мѣстностей, очень полезно улучшать траву посредствомъ травосѣянія. Хорошія породы посѣянныхъ травъ и ихъ сильная растительность вполне обезпечать лѣтнее продовольствіе матокъ и доставлять имъ въ изобиліи превосходный питательный кормъ, благотвительно вліяющій какъ на самихъ матокъ, такъ и на жеребятъ.

Въ высшей степени важно, чтобы въ лѣтнее время на пастбищахъ была въ изобиліи чистая вода, причемъ естественныя водохранилища, рѣки и ручьи, слѣдуетъ предпочитать искусственнымъ. Хотя и предполагаютъ (быть-можетъ, вполне основательно), что колодезная вода несравненно лучше для лошадей, нежели проточная или прудовая, такъ какъ лошади пьютъ ея меньше и лучше утоляютъ жажду, но это, еще ничѣмъ не подтвержденное и, во всякомъ случаѣ, не столь важное, преимущество колодезной воды передъ прудовой или проточной должно быть только принято къ свѣдѣнію, и при опредѣленіи способа лѣтняго поенія несравненно важнѣе сообразоваться съ мѣстными условіями. Тамъ, гдѣ вода находится не особенно глубоко подъ землею, можно рыть колодцы, а тамъ, гдѣ она находится глубоко, лучше предпочесть рѣки, рѣчки, ручьи и пруды. При томъ же въ теченіе лѣта понадобится переносить загонъ, за истощеніемъ корма, нѣсколько разъ, и потому на каждомъ новомъ мѣстѣ придется рыть колодезь, а это крайне невыгодно, особенно тамъ, гдѣ нужно рыть его на значительную глубину; по близости же рѣчекъ и ручьевъ загонъ могутъ быть переносимы легко, и вода во все лѣто будетъ отличаться одинаковыми качествами и свойствами, чего иногда трудно бываетъ достигнуть при перемѣнѣ колодцевъ.

Въ загонахъ пасутся матки съ недавно родившимися жеребятами обоюго пола и съ годовыми кобылками (жеребчики этого возраста остаются при заводѣ), а также двухгодовалыя кобылки. За нѣсколько дней до выгона этихъ лошадей въ загонъ, ихъ соединяютъ въ общій табунъ и пускаютъ въ ливады, то-есть въ огороженные лужайки, находящіяся вблизи завода, для того, чтобы всѣ матки предварительно обнюхались между собою. Въ противномъ случаѣ можетъ выйти довольно непріятная суматоха: стоявшія въ

разныхъ денникахъ матки, ссѣданныя въ первый разъ вмѣстѣ, бросаются другъ на друга, чтобы драться, гоняются одна за другой, причемъ теряютъ своихъ жеребятъ, и т. д. Во избѣжаніе этого, въ ливаду прежде всего выпускаются кобылки-годовички, которыя свыкаются обыкновенно скоро—въ день, много въ два. Одновременно съ ними въ другую ливаду выпускаютъ кобылокъ-двухлѣтокъ и по прошествіи 2—3 дней соединяютъ обѣ партіи вмѣстѣ, т. е. въ одной ливадѣ. Со взрослыми матками поступаютъ нѣсколько иначе: ихъ загоняютъ въ ливаду не всѣхъ вдругъ, а по выбору. Сначала выпускаютъ строгихъ и особенно игривыхъ матокъ и даютъ имъ вдосталь набѣгаться, послѣ чего къ нимъ уже пускаютъ степенныхъ смиренныхъ матокъ. Черезъ день или два послѣ вывода въ ливаду взрослыхъ матокъ къ нимъ присоединяютъ и первыя двѣ партіи, уже соединенныя въ одну, и такимъ образомъ получается полный табунъ свыкнувшихся лошадей. Хотя теперь между ними и не должно случаться непріятностей, но, тѣмъ не менѣе, на первое время все-таки необходимъ бдительный надзоръ нѣсколькихъ лишнихъ конюховъ, для того, чтобы во-время предупредить всякую случайность. Замѣтивъ поползновеніе къ дракѣ или къ излишней шалости, конюхъ хлопаетъ бичомъ и останавливаетъ оковкомъ: *шалишь*.

Когда все обойдется благополучно, табунъ переводится на настоящее пастбище—въ загонъ. Какъ бы ни была хороша и питательна трава въ загонѣ, но въ первое время необходимо все-таки давать лошадямъ на ночь сухаго корма, т. е. сѣна или яровой соломы. Это дѣлается главнымъ образомъ для того, чтобы сдѣлать переходъ съ сухаго корма на сырой какъ можно менѣе ощутительнымъ для желудка лошади и чтобы отъ слишкомъ рѣзкой перемѣны у ней не сдѣлался поносъ. То же правило слѣдуетъ соблюдать и осенью, при постановкѣ лошадей вновь на сухой кормъ.

Когда жеребенку исполнится три мѣсяца, его можно будетъ приучать есть овсянку или дробленый овесъ. Это дѣлается такимъ образомъ: конюхъ, лаская жеребенка, подноситъ къ его мордѣ, на ладони, немного овсянки, и когда жеребенокъ привыкнетъ къ такому кормленію и будетъ ѣсть охотно овсянку съ руки, тотъ же конюхъ подноситъ ему шайку съ водой, въ которой разведена и тщательно размѣшана овсяная мука. Овсяный кормъ имѣетъ пре-

красное вліяніе на жеребятъ и въ высшей степени способствуетъ ихъ развитію. Кромѣ того, жеребенокъ, въ изобиліи получающій овсяный кормъ, не такъ часто и сосетъ матку и потому менѣе изнуряетъ ее, а осенью, когда его отнимутъ отъ матери, не такъ скучается по ней и скорѣе принимается за кормъ. Притомъ жеребенокъ, не кормленнаго ничѣмъ, кромѣ молока матери, и щипавшаго въ загонѣ траву, очень трудно, по возвращеніи изъ загона, ставить на сухой кормъ и вообще выдерживать въ то время, когда его придется отнимать отъ матери. Такіе жеребята, по возвращеніи въ конюшню, обыкновенно сильно худѣютъ (зачивриваются).

Въ каждомъ загонѣ долженъ быть устроенъ сарай, въ который загоняются лошади для отдыха и ночевки. Ихъ выгоняютъ изъ него рано утромъ, до восхода солнца, а потомъ, когда обсохнутъ роса, сдѣлается жарче и появятся несносные для лошадей слѣпы, лошадей гоняютъ на водопой и послѣ ставятъ опять въ сарай на отдыхъ, откуда ихъ вновь выпускаютъ не ранѣе 4 часовъ пополудни, когда уже свалитъ жаръ.

Это время роздыха въ сараѣ не должно пропадать даромъ, и конюхи въ продолженіе его занимаются съ жеребятами, приучая ихъ къ чисткѣ. Для этого они водятъ по нимъ щеткой или обтираютъ соломой. На все это жеребята соглашаются легко, такъ какъ чистка освобождаетъ ихъ отъ пота и уничтожаетъ нечистоты, отъ которыхъ главнымъ образомъ развивается на ихъ тѣлѣ зудъ.

Кромѣ того, конюхи должны въ это время приучать жеребятъ, чтобъ они позволяли поднимать ногу, такъ какъ это можетъ значительно облегчить необходимую чистку копытъ. Поднявши ногу жеребенка, конюхъ долженъ осторожно, при помощи желѣзнаго крючка, выбрать набившіеся въ копыта навозъ и землю. За исполненіемъ этого мы рекомендуемъ наблюдать самымъ тщательнымъ образомъ, такъ какъ всѣ нечистоты, накапливающіяся въ копытахъ, могутъ разрушительно вліять на нѣжный, еще неразвившійся низъ копыта (полотно) и на тонкую, еще неполную стрѣлку. Вообще за копытомъ жеребенка требуется самый строгій надзоръ, такъ какъ по своему строенію оно легко забираетъ въ себя грязь, навозъ и т. п. фекаліи нечистоты. Хотя для подправки копытъ и призывается раза два въ лѣто кузнецъ, но его участіе въ этомъ дѣлѣ огра-

ничивается только тѣмъ, что онъ поправитъ подвернувшуюся шпору или обрѣжетъ отломившійся рогъ и т. п. Ясно, что всего этого далеко недостаточно и что надзоръ со стороны конюховъ необходимъ. Копыто жеребенка растетъ, если можно такъ выразиться, *савочкомъ* и снизу совершенно пусто; поэтому грязь, набирающаяся въ копыто, проходитъ очень далеко внутрь его и тамъ сдавливается и засыхаетъ, отъ чего стѣнки копытнаго рога распираются и въ копытѣ дѣлается жаръ. Вслѣдствіе этого жеребенокъ безъ всякой видимой причины начинаетъ хромать на одну ногу, или ходить на всѣхъ ногахъ какъ-то неправильно, какъ будто разбитый. Неопытные конюхи, не видя никакихъ наружныхъ поврежденій, ни опухолей, ни ушибовъ на ногахъ, принимаютъ объяснять себѣ это тѣмъ, что жеребенокъ, будто-бы, мытится и что мытъ иступилъ въ ноги. Во избѣжаніе всего этого и слѣдуетъ ежедневно расчищать копыта, тѣмъ болѣе, что исполнять это нетрудно и не долго, а между тѣмъ жеребенокъ приучается къ даванію ноги, такъ что есть вѣроятіе предположить, что и при ковки онъ не будетъ такъ строгъ, какъ не приученный къ этому жеребенокъ.

Отниманіе жеребятъ отъ матокъ.

Жеребятъ отнимаютъ отъ матокъ по большей части осенью, по возвращеніи изъ загонѣвъ въ конюшню, что въ Московской губерніи происходитъ всегда въ половинѣ или въ концѣ сентября, смотря по состоянію погоды и обилію корма на отавахъ и на убраныхъ поляхъ. Отнимать жеребятъ, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ тотчасъ-же по возвращеніи изъ загона, а нужно нѣсколько повременить, хотя-бы для того, чтобы жеребята пользовались еще немного свѣжимъ воздухомъ и погуляли бы съ матками на волѣ въ ливадахъ или на огороженныхъ дворахъ. Кромѣ того, нѣкоторое промедленіе въ отниманіи необходимо еще и потому, что по возвращеніи изъ загонѣвъ кормъ маткамъ перемѣняется и вмѣсто травы имъ дается на почъ сѣно или яровая солома. Глядя, какъ матки ѣдятъ этотъ кормъ, жеребята начинаютъ его пробовать и

вскорѣ приучаются къ нему. Рѣдкій коннозаводчикъ не сѣетъ у себя *кормовой моркови*, такъ какъ этотъ корнеплодъ имѣетъ превосходное вліяніе на количество и качество молока матки, да и самъ по себѣ составляетъ превосходный и здоровый кормъ. За нѣсколько дней передъ отнятіемъ жеребенка начинаютъ давать маткамъ эту морковь въ рубленномъ видѣ, вмѣстѣ съ ними ее охотно ѣдятъ жеребята и, кромѣ того, сосутъ у матокъ улучшенное этимъ кормомъ молоко. Вмѣстѣ съ тѣмъ морковь, въ сыромъ видѣ, служитъ, какъ вполнѣ вѣрно замѣчаютъ, прекраснымъ средствомъ противъ мыта и всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ болѣзней, и у жеребятъ, питавшихся морковью, его или вовсе не бываетъ, или если и бываетъ то очень легкій.

Отниманіе жеребятъ отнюдь не должно быть производимо одновременно, и при этомъ надо сообразоваться съ ихъ возрастомъ. Такъ, напримѣръ, жеребятъ, родившихся въ январѣ и февралѣ, не слѣдуетъ отнимать одновременно съ жеребятами, родившимися въ маѣ, и т.д. Кромѣ того, слѣдуетъ принять во вниманіе, случена ли матка, подъ которой находится жеребенокъ, и *приняла ли* она, т. е. жеребя ли. Это узнается отчасти по тому, приходила ли она вновь въ охоту послѣ случки или нѣтъ: если приходила, то, слѣдовательно, не жереба, а если не приходила, то, слѣдовательно, понесла*). Отъ жеребой матки, понесшей послѣ ранней случки, бывшей въ февралѣ, мартѣ или апрѣлѣ, слѣдуетъ отнимать жеребенка вскорѣ послѣ возвращенія изъ загоновъ, для того чтобъ онъ не истощилъ матки и не отнял бы у ней силы для питанія находящагося въ ея утробѣ плода. Подъ холостыми же матками можно оставлять жеребятъ до глубокой осени— до тѣхъ поръ, когда матки совсѣмъ перестанутъ выпускаться на пастбище.

Отнятыхъ жеребятъ слѣдуетъ ставить въ конюшнѣ подальше отъ матокъ, для того, чтобъ они не могли слышать взаимнаго ржанія. Этимъ достигается то, что какъ matka, такъ и жеребенокъ несравненно скорѣе забываютъ другъ друга. Жеребята ставятся по нѣсколько штукъ въ одинъ денникъ, но при этомъ необ-

*) Замѣтимъ кстати, что случать кобылъ, вновь приходящихъ въ охоту послѣ первой случки, слѣдуетъ только до 1-го іюля, послѣ-же этого числа надо стараться не допускать случки.

ходимо сообразоваться съ возрастомъ, поломъ и характеромъ соединяемыхъ жеребятъ, для того, чтобъ одинъ другаго не забижалъ. Соединять отъемышей по два и по три въ одномъ денникѣ полезно потому, что имъ въ компаніи несравненно веселѣе,—они скорѣе забываютъ матокъ и охотнѣе ѣдятъ кормъ. Но какъ скоро они свыкнутся съ отнятіемъ, ихъ слѣдуетъ развести по отдѣльнымъ денникамъ, такъ какъ общій кормъ, даваемый на всѣхъ жеребятъ, находящихся въ денникѣ, не можетъ распредѣляться между ними вполнѣ равномерно,—часто бойкій и сильный жеребенокъ отпугиваетъ отъ корма слабого, отъ чего послѣдній будетъ худѣть, а первый, наѣдаясь за двоихъ, можетъ заболѣть отъ чрезмѣрнаго пресыщенія. Да, наконецъ, въ общемъ денникѣ, при такомъ произвольномъ порядкѣ въ полученіи корма, конюху трудно замѣтить во-время, если жеребенокъ отъ чего бы то ни было заболѣетъ. Онъ узнаетъ это только тогда, когда уже обнаружится полная слабость, упадокъ силъ, тогда какъ въ отдѣльномъ денникѣ отъ конюха не могутъ скрыться самые первичные припадки начинающейся болѣзни, всегда выражающіеся уменьшеніемъ аппетита. Въ отдѣльномъ денникѣ, увидѣвъ, что жеребенокъ не сѣлъ своей порціи, конюхъ начинаетъ наблюдать за нимъ и, какъ только онъ опять найдетъ въ его кормушкѣ несѣденный кормъ, немедленно доноситъ управляющему заводомъ, или старшему конюху. Болѣзнь изслѣдуется въ самомъ зародышѣ, поэтому являются всѣ шансы во-время прекратить ее и, въ случаѣ чего-либо серьезнаго, не запоздать приглашеніемъ ветеринара, если только такового не находится при заводѣ. Въ отдѣльномъ денникѣ, кромѣ того, конюху легче приучить жеребенка, безъ всякой суетливости, къ нѣкоторымъ приемамъ, наприм. къ надѣванію недоуздки и т. п., тогда какъ въ общемъ денникѣ это рѣдко удается такъ хорошо. Если конюхъ войдетъ туда съ недоуздкой и станетъ его надѣвать на одного жеребенка, другой, навѣрное, испугается этого, бросится въ сторону и этимъ напугаетъ и того, на котораго хотятъ надѣть недоуздку, такъ что тотъ постарается не дать конюху сдѣлать это.

Уходъ за отъемышами до двухъ лѣтъ.

Когда жеребенокъ примется за кормъ и забудетъ мать, его необходимо приучать, какъ мы уже говорили, къ надѣванію недоуздки, для того, чтобы, въ случаѣ надобности, его можно было вывести—показать кому-либо на выводеѣ и водить въ манежъ, гдѣ таковой имѣется, или для прогулки на *варокъ* (огороженный дворикъ). Недоуздки для жеребятъ дѣлаются нѣсколько иначе и называются *раскидными*. Они шьются такъ, что пряжка приходится наверху; разстегнувъ ее, недоуздокъ можно раскинуть, надѣвать съ обѣихъ сторонъ головы и застегивать пряжку, не переноса, слѣдовательно, недоуздка, при надѣваніи, за уши жеребенка, что можетъ скорѣе напугать его, и впослѣдствіи онъ не будетъ давать надѣвать недоуздокъ. Когда въ первый разъ жеребенка станутъ выводить на недоуздки, отнюдь не слѣдуетъ сильно тянуть его за поводъ, такъ какъ отъ этого онъ почувствуетъ давленіе на затылокъ и будетъ сильно осаживать назадъ, надѣясь этимъ освободиться отъ принужденія, и не пойдетъ впередъ. Во избѣжаніе этого, слѣдуетъ держать поводъ на слаби, подойти поближе къ жеребенку съ одной какой-нибудь стороны и выйти съ нимъ рядомъ изъ денника. При этомъ можно допустить, въ случаѣ упрямства или непонятливости, чтобы конюхъ, ведущій жеребенка, слегка подталкивалъ его въ бокъ, одновременно съ этимъ поддерживая его на поводѣ. Въ случаѣ же полного непослушанія слѣдуетъ, взявъ жеребенка какъ сказано, велѣть другому конюху зайти сзади и подогнать его. Если все обойдется благополучно и если съумѣютъ не запугать жеребенка при первыхъ выводкахъ изъ денника, то и послѣ этого онъ будетъ выходить смѣло и допустить безъ принужденія надѣвать на себя недоуздокъ.

Чистка для жеребятъ такъ же необходима, какъ и для взрослыхъ лошадей. Чистить жеребенка надо съ слѣдующими предосторожностями: надѣвъ на него недоуздокъ, поводъ должно продѣть въ кольцо, ввернутое въ стойку двери стойла, но именно только продѣть, а

завязывать не слѣдуетъ. Это дѣлается для того, что если при связанномъ поводѣ жеребенокъ, во время чистки, чего-нибудь испугается и вдругъ осадитъ назадъ или бросится въ сторону, тогда привязанный недоуздокъ натянется, и жеребенокъ при этомъ движеніи почувствуетъ сильное давленіе на затылокъ; испугавшись этого, онъ немедленно обнаружитъ стараніе освободиться отъ повода и скинуть недоуздокъ, вслѣдствіе чего потянетъ поводъ на себя, будетъ биться на немъ и тянуть его до тѣхъ поръ, пока не упадетъ. Послѣдствіемъ этого можетъ быть пугливость, въ особенности при чисткѣ головы, которую послѣ этого жеребятъ иногда и совсѣмъ перестаютъ давать чистить, равно какъ не даютъ заводить недоуздка за уши, чувствуя боль въ затылкѣ. При незавязанномъ же недоуздки, если жеребенокъ, вслѣдствіе испуга, и рванется въ сторону или осадитъ, то онъ только выдернетъ изъ кольца поводъ, за который конюхъ всегда успѣетъ схватиться и уговоритъ жеребенка. Слѣдовательно, этимъ напугать его нельзя. Когда же жеребенокъ вполне привыкнетъ къ чисткѣ и будетъ стоять совершенно спокойно, тогда можно будетъ его и привязывать.

Авторъ книги „Въ память Сметанки“ г. Гиппіатровъ, предлагаетъ держать жеребятъ постоянно въ недоуздкахъ, съ привязанными къ нимъ недлинными поводками, за которые можно всегда легко ловить ихъ въ случаѣ надобности. По нашему мнѣнію, это крайне неудобно, на томъ основаніи, что жеребенокъ, нагнувшись за сѣномъ или роясь въ подстилку, легко можетъ наступить ногою на поводъ и при подъемѣ головы дернетъ имъ самъ себя; а то можетъ произойти и слѣдующее: когда жеребенокъ начнетъ чесать себѣ шею заднею ногою, что бываетъ довольно часто, то зацѣпитъ ею за недоуздокъ, испугается этого и упадетъ. Ясно, что при такихъ случаяхъ онъ сильно пугается и начинаетъ биться до тѣхъ поръ, пока конюхъ не замѣтитъ этого и не придетъ его успокоить; а скоро ли это случится и что выйдетъ изъ этого—Богъ вѣсть.

Корму въ первую зиму дается жеребятамъ волю, т. е. столько, сколько они могутъ съѣсть, а съѣсть они могутъ до 2½ гарнцевъ овсянаго корма въ сутки. Эту порцію имъ слѣдуетъ давать, разумѣется, не за одинъ разъ, а дѣлить на три или на четыре части. Очень полезно разнообразить пищу, чтобы одно и то же имъ не прискучило; но продуктъ долженъ оставаться все тотъ же—овесъ.

Тамъ, напр., жеребятъ можно кормить нѣсколько времени овсянкой, т. е. овсяной мукой, разведенной въ водѣ въ видѣ каши, дробленными овсомъ и, наконецъ, цѣльнымъ сыромолотнымъ овсомъ. На вторую зиму полуторникамъ дача овсянки прекращается и дается одинъ только цѣльный овесъ—по три гарнца въ день. Исполняя это правильно, отнюдь не слѣдуетъ бояться, что столь питательный кормъ отяготитъ ихъ; напротивъ, онъ только будетъ способствовать ихъ росту и развитію. Кормя такимъ образомъ жеребятъ, надо наблюдать также, чтобъ и моціонъ соответствовалъ корму. Черезъ день, много черезъ два ихъ необходимо выпускать для моціона въ манежъ, на варокъ или въ ливаду.

Вообще правильный и обильный кормъ при соответствующемъ, не изнурительномъ, моціонѣ имѣетъ огромное вліяніе на жеребятъ, и заводчикъ, кормящій обильно своихъ питомцевъ, всегда больше выиграетъ, нежели заводчикъ, скупающійся на кормъ, такъ какъ кормъ не пропадаетъ даромъ,—воспитывавшійся на неэкономическихъ началахъ жеребенокъ выходитъ мощнѣе, рослѣе и красивѣе, что мы имѣли возможность видѣть нѣсколько разъ на дѣлѣ. Хотя изумительна быстрота, съ которою формируется изъ жеребенка лошадь, но все-таки необходимо стараться всѣми мѣрами облегчить природѣ этотъ великій и дѣятельный трудъ. Утягиваніемъ и выгладываніемъ тутъ ничего не сдѣлаешь и чего не посѣлѣ, того не пожвешь, а только помѣшаешь и испортишь дѣло въ самомъ зародышѣ.

Тамъ, гдѣ есть манежъ, очень полезно черезъ двѣ гонки производить третью, болѣе продолжительную, до легкаго пота (если нѣтъ сильныхъ морозовъ),—отъ этого потѣнія отходятъ отъ кожи плоть и нечистота, и жеребенокъ послѣ такой гонки отлично очищается щеткой, на которой и остается вся эта нечистота. Послѣ такой чистки жеребята не чешутся и шерсть у нихъ дѣлается глянцевитѣе *), да и самимъ-то имъ легче.

Лѣтомъ и весною не слѣдуетъ выпускать въ общій загонъ или на пастбище годовалыхъ жеребчиковъ, такъ какъ они раздражаются отъ присутствія молодыхъ кобылокъ и могутъ гоняться не только за ними, но даже и за взрослыми матками. Последнія, не отвѣчая

на ихъ любезности, пожалуй, могутъ проучить ихъ и ударить задомъ, чтобы разомъ отбить охоту отъ несвоевременнаго приставанія.

Поэтому годовалыхъ жеребчиковъ слѣдуетъ оставлять дома или держать ихъ вмѣстѣ съ двухгодовальными въ ливадахъ. На ночь они загоняются въ конюшню, гдѣ имъ дается скошенная трава. Кормленіе травой слѣдуетъ начинать не ранѣе 1 іюня и оканчивать 1 августа. Послѣ этого срока трава уже старѣетъ и дѣлается не столь вкусной, а тѣмъ болѣе скошенная. Да и кромѣ того въ скошенной послѣ этого времени травѣ попадаетъ много несѣдобной, а это, слѣдовательно, уменьшаетъ количество даннаго корма. На пастбищѣ—другое дѣло: тамъ лошадь сама выбираетъ себѣ траву по вкусу, и она идетъ ей въ пользу; тутъ же жеребчикъ долженъ ѣсть то, что ему выберутъ другіе, да еще въ скошенномъ видѣ, а это большая разница. Вообще долгое кормленіе жеребятъ травой причиняетъ имъ скорѣе вредъ, нежели пользу. Если и смотрѣть на кормленіе травой какъ на лѣкарственное, разрѣшающее и очищающее, средство, то и тогда приходится сознаться, что, дѣйствуя продолжительное время какъ разрѣшающее средство, оно должно истощить организмъ. Поэтому на одной травѣ мы совѣтуемъ держать жеребенка не болѣе 20 дней и много—мѣсяца, а потомъ необходимо примѣшивать къ этому хорошаго сухаго сѣна, которое уже къ тому времени имѣется въ запасѣ. Овсяный кормъ, въ небольшомъ количествѣ, и тутъ не испортитъ дѣла, а напротивъ принесетъ огромную пользу. Не мѣшаетъ также давать и кормовой моркови, которою, обыкновенно, начинаютъ кормить жеребятъ съ 1 сентября. Съ этого корма слѣдуетъ какъ можно осторожнѣе и постепеннѣе переводить жеребятъ на сухой зимній кормъ—овсяный и сѣнный.

Здѣсь не лишнимъ считаемъ замѣтить, что сѣно и трава жеребятѣмъ кладутся въ денникахъ не за рѣшетки, которыхъ въ заводскихъ конюшняхъ и не бываетъ, а просто въ уголъ на полъ. Всего лучше класть ихъ въ уголъ противоположный тому, гдѣ помѣщается кормушка для овса. Это дѣлается съ тою цѣлю, чтобы лошадь, когда ей дадутъ, при уборкѣ, одновременно сѣна и овса и она начнетъ первымъ ѣсть овесъ,—не могла бы затоптать задними ногами положеннаго на полъ сѣна или травы. Сѣно кладется на полъ, а

*) О чисткѣ лошадей и ея правилахъ—рѣчь впереди.

не въ кормушку, потому, что доставаніе его съ пола прекрасно дѣйствуетъ на развитіе шеи лошади и молодаго жеребенка въ особенности. Постоянно вытягивая шею, жеребята лучше выдѣляютъ ганащъ и, вслѣдствіе этого, у нихъ не можетъ быть крутой, съ наростомъ, шеи, называемой по-просту *ветчинной*. Да и кромѣ того отъ этого упражненія въ значительной степени развивается и выпрямляется спина жеребенка. Въ виду всего этого, мы совѣтуемъ и кормушки для овса дѣлать ниже, въ особенности для молодыхъ лошадей, если хоть и не для такого же благотворнаго упражненія, то, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы не испортить однимъ другимъ. Доставая овесъ изъ высокой кормушки, жеребята не только должны будутъ выгибать шею и ганащъ, но будутъ выгибаться и спиною, отъ чего настолько испортить стройность своей фигуры, что ихъ сразу, даже въ позднѣйшемъ возрастѣ, можно будетъ отличить отъ правильно кормившихся.

Надзоръ за копытами и ихъ расчистка также необходимы, и объ этомъ мы поговоримъ подробно въ статьѣ о „*ковкѣ*“ лошадей.

Если жеребчики въ ливадахъ не ходятъ дружно и хватаютъ другъ друга зубами, въ такомъ случаѣ ихъ слѣдуетъ пускать туда попеременно, иначе они могутъ ушибать другъ друга или причинить иной какой-либо вредъ. Но какъ скоро они успокоятся, ихъ опять можно пасти вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ отъемышей. Впрочемъ, на *полуторниковъ* надежда плохая, такъ какъ они рѣдко уживаются мирно, особенно будучи въ хорошемъ тѣлѣ.

Гонка жеребятъ въ манежѣ.

Тамъ, гдѣ есть манежъ (а безъ него обойтись трудно въ сильные морозы), отъемышей слѣдуетъ пускать въ него въ первую же зиму. Сначала они выпускаются туда группами, по нѣскольку штукъ, а когда болѣе освоятся съ выводкой и недоуздомъ, то слѣдуетъ прогонять ихъ, хотя по нѣскольку круговъ, въ-одиночку. Для подобной одиночной гонки недоуздки устраиваются слѣдующимъ образомъ. Они дѣлаются небольшіе, по размѣру головы жеребятъ, съ

отъемнымъ поводомъ, къ концу котораго придѣлывается крючокъ съ пружиной, которымъ и задѣвается поводъ снизу, за кольцо недоуздки. Конюхъ, выводящій въ манежъ жеребенка, старается поставить его на срединѣ сколько можно правильнѣе на ноги, и когда онъ установится вполне покойно, отнимаетъ поводъ отъ недоуздки, ласкаетъ жеребенка и пускаетъ его бѣгать. Соблюдать эти правила слѣдуетъ потому, что жеребенокъ постепенно привыкаетъ становиться въ манежѣ на выводки и, начиная вольтъ всегда съ средины манежа, дѣлаетъ его правильнѣе и вѣрнѣе, не мечется въ углы и не останавливается тамъ. Польза гонки въ манежѣ вполне очевидна: моціонъ этотъ способствуетъ развитію организма жеребенка и всѣхъ его мышцъ; при моціонѣ не можетъ обременить его сытый овсяный кормъ, который ему необходимъ; кромѣ того при гонкѣ появляется испарина, которая проходя въ потовыя поры, благотвѣтельно дѣйствуетъ на жеребятъ и укрѣпляетъ ихъ.

Недоуздокъ во все время гонки долженъ оставаться на жеребенкѣ, такъ какъ отъ этого онъ лучше привыкаетъ къ нему; при томъ же за недоуздокъ его легче бываетъ поймать по окончаніи гонки.

Полуторагодовалые жеребята гоняются въ манежѣ болѣе продолжительное время и уже нѣсколько построже. При этомъ уже нужно наблюдать, чтобы жеребенокъ становился правильно на срединѣ манежа, слушался бы голоса человѣка, производящаго гонку и бралъ бы вольтъ шире и правильнѣе. Теперь въ рукахъ гонящаго долженъ уже непременно находиться бичъ, съ помощью котораго онъ заставляетъ мало-по-малу жеребенка повиноваться его управленію. Такъ, напр., если жеребенокъ, по старой памяти, начнетъ вольтъ на-лѣво, тогда какъ хотятъ, чтобы онъ началъ его на-право, или вздумаетъ переменить вольтъ, то слѣдуетъ настоять, чтобы онъ исполнилъ такъ, какъ того желаетъ гонящій. Этимъ его постепенно приучимъ къ повиновенію и дадимъ ему почувствовать, что время бозотчетныхъ движеній, прощавшихся ему по молодости и неразвитости, уже прошло, и что для него наступаютъ болѣе серьезныя упражненія. Конечно, обращаясь съ жеребенкомъ съ большою строгостью, отнюдь не слѣдуетъ забывать, что это не взрослая лошадь, съ которой бы можно было взыскать, а только начинающій дебютантъ, которому многое еще можно простить, такъ какъ вся его школа еще впереди. Вмѣсто

безтолковыхъ взысканій лучше отнестись съ поаяымъ терпѣніемъ и хладнокровіемъ къ его ошибкамъ и поберечь его силы для будущихъ упражненій.

Гонка въ уздечкѣ.

Какъ только молодой лошади исполнится два года, ее необходимо приучать къ гонкѣ на кордѣ въ уздечкѣ. Это дѣлается съ слѣдующею цѣлью:

1. Чтобы она привыкла держать удила и освоилась бы съ ними настолько, чтобы при заѣздкѣ они не беспокоили ее.

2. Если лошадь не приучить къ этому своевременно, то при заѣздкѣ, когда ей впервые вложить въ ротъ удила, она обнаружитъ желаніе освободиться отъ нихъ, для чего будетъ трясти головою (скидывать удила), перекладывать языкъ сверху удила и т. д. Все это для ѣзды очень неудобно, такъ какъ лошадь отъ излишняго безпокойства, причиняемаго ей удилами, не можетъ хорошо понять возжей, и даже впоследствии удила у ней будутъ лежать на беззубомъ краѣ, между рѣзцовыхъ зубовъ и клыковъ, а не на углу разрѣза рта, какъ бы это слѣдовало.

Къ гонкѣ въ уздечкѣ приучаютъ молодую лошадь слѣдующимъ образомъ. Сначала прогоняютъ ее нѣсколько разъ въ недоуздекѣ, къ которому прикрѣпляется кордъ, и потомъ уже надѣваютъ уздечку, сверхъ которой все-таки долженъ быть надѣтъ недоуздокъ, такъ какъ въ первое время кордъ долженъ быть прикрѣпленъ къ нему, а не къ уздечкѣ. Надѣвая въ первый разъ уздечку, слѣдуетъ желать только того, чтобы лошадь познакомилась съ удилами и привыкла къ нимъ исполнѣ, чего никакъ нельзя достигнуть, если съ перваго же раза пристегнуть кордъ къ уздечкѣ, такъ какъ удила будутъ сильно беспокоить лошадь. Удила слѣдуетъ сдѣлать покороче, для того, чтобы они держались выше. Прогнавъ лошадь нѣсколько разъ въ уздечкѣ на кордѣ, пристегнутомъ за недоуздокъ, можно будетъ потомъ пристегнуть его къ уздечкѣ.

Самая гонка производится слѣдующимъ образомъ. Одинъ изъ конюховъ, знающій правила гонки или больше другихъ знакомый съ этимъ дѣломъ, беретъ лошадь подъ-узцы, проводитъ ее такимъ образомъ нѣсколько круговъ шагомъ, *показывая* ей вольтъ, и по немногу освобождаетъ кордъ, отходя къ срединѣ манежа или къ центру круга, въ которомъ гоняются лошади. Какъ только онъ подойдетъ къ этому мѣсту, то немедленно становится въ полуоборотъ къ мастеру, у котораго долженъ быть въ рукѣ бичъ. Если начинаютъ гонять вольтъ налѣво (т. е. лѣвая сторона лошади обращена внутрь круга), то и кордъ долженъ находиться у конюха въ лѣвой рукѣ и наоборотъ, что дѣлается главнымъ образомъ для того, чтобы конюхъ могъ всегда хорошо видѣть, какъ старшій мастеръ работаетъ бичомъ. Обязанность же мастера состоитъ въ томъ, чтобы вести лошадь, такъ сказать, на бичѣ, причемъ онъ долженъ соблюдать слѣдующее: держать бичъ такимъ образомъ, чтобы лошадь видѣла его, но вмѣстѣ съ тѣмъ безъ крайней необходимости отнюдь не слѣдуетъ накладывать бича, не хлопать имъ и не махать, такъ какъ отъ соблюденія этого правила у нѣкоторыхъ лошадей замѣчается привычка вертѣть хвостомъ, какъ бы отъ принужденія, и вообще молодая лошадь не можетъ быть вполнѣ покойна и воспріимчива къ правильности упражненій. Также не слѣдуетъ часто щелкать языкомъ для посылы лошади, а несравненно лучше стараться достигнуть того, чтобы она приучилась идти съ голоса, слушаясь только употребляемыхъ обыкновенно при этомъ словъ, на прим. при посылѣ съ мѣста: *впередъ, идешь*, успокоительныхъ: *тише* и произносимыхъ съ цѣлью остановки лошади: *баста, довольно* и т. д. Впоследствии же можно будетъ достигнуть того, что лошадь будетъ повиноваться корду и бичу.

Мастеръ съ бичемъ идетъ не за лошадью, а описываетъ меньшій противъ нея кругъ; онъ держится такъ, какъ будто постоянно готовится подойти къ ней по радіальному направленію, отчего лошадь вѣрнѣ несетъ кордъ и влегаетъ въ него какъ въ возжи.

Довольно трудно опредѣлить то разстояніе, на которомъ долженъ держаться отъ лошади бичевой, такъ какъ при этомъ нужно собираться съ характеромъ и темпераментомъ гоняемой лошади. Эвергичная лошадь не подпускаетъ къ себѣ близко, поэтому и бичевой долженъ держаться, при гонкѣ ея, ближе къ кордовому, т. е. къ центру

круга; къ хладнокровной же лошади онъ можетъ подходить ближе. Если лошадь сильно потянетъ кордъ, тогда нужно держаться дальше отъ веревки и дѣлать видъ, какъ будто подходишь къ лошади сзади, держа бичъ, какъ говорится, *на задѣ лошади* и стараясь этимъ достигнуть того, чтобы лошадь подавалась только впередъ. Если же, напротивъ, лошадь валится на вольтъ и, вслѣдствіе этого, не натягиваетъ корда, а сдаетъ и ослабляетъ его, тогда необходимо подходить ближе къ веревкѣ и бичъ держать около переда лошади.

І въ тотъ моментъ, когда мастеръ готовится послать бичомъ лошадь впередъ, конюхъ долженъ также принять извѣстныя мѣры, чтобы дать ей почувствовать этотъ посылъ. Для этого онъ нѣсколько отводитъ кордомъ голову лошади, но дѣлаетъ это какъ можно осторожнѣе, осмотрительнѣе и мягче, стараясь не рвануть и не откинуть сразу, потому что лошадь въ такомъ случаѣ, испугавшись внезапности этого движенія, вскинетъ головою или поскачетъ.

С б о й.

У лошади, которая гоняется на рыси въ теченіе нѣсколькихъ минутъ одинаковымъ ходомъ, появляется какъ бы какое-то онѣменение во всѣхъ сочлененіяхъ, мѣшающее правильности ея движеній. Признакомъ этого онѣменія является то, что лошадь начинаетъ не выносить какъ слѣдуетъ одну изъ переднихъ ногъ (въ особенности обращенную внутрь вольта), или приталкивать одною задней. Въ этомъ случаѣ, т. е. (если лошадь *забѣжалась*, а поставить ее на шагъ еще не пришло время, ей дается сбой или проскачка, которые важны именно тѣмъ, что, перейдя съ однообразнаго хода рысью на галопъ, лошадь, послѣ нѣсколькихъ скачковъ, такъ сказать, расправитъ ноги и всѣ сочлененія; онѣменение отъ этого исчезнетъ, и лошадь опять пойдетъ правильною рысью.

Сбить лошадь съ рыси на галопъ, когда это окажется нужнымъ, слѣдуетъ посылкомъ бича; но при этомъ надо уговаривать ее, не давая ей замѣтить и понять, что желали, чтобы она перемѣнила аллюръ. Если же лошадь сама собьется разъ или два, то слѣ-

дуетъ стараться поставить ее опять на рысь; но если она слѣдуетъ то же и въ третій разъ, то, какъ будто въ наказаніе, слѣдуетъ дать ей полную волю скакать и вдобавокъ послать ее еще бичемъ. Отъ этого она будетъ несравненно терпѣливѣе держаться во время посылокъ на рыси. Но съ перваго сбоя отнюдь не слѣдуетъ давать проскачки, хотя бы и нужно было дать лошади скакать, а слѣдуетъ уговорить и вновь поставить на рысь. То же самое соблюдается при вторичномъ сбѣ и только при третьемъ можно допустить проскачку. Было замѣчено, что лошади, которыя были приучены сказать съ перваго сбоя, обнаруживали стремленіе къ этому и при заѣздкѣ. При послѣднемъ сбѣ мастеръ долженъ сработать бичемъ не такъ, какъ при посылѣ, но, какъ говорится, *откинуть лошадь на бичъ*, т. е. отмахнуть имъ снизу вверхъ, конюхъ же долженъ въ это время приподнять ей голову и сработать кордомъ, вслѣдствіе чего лошадь пачнетъ сбѣмъ вѣрно съ ноги, а не мѣшаннымъ галопомъ. Само собою разумѣется, что стройность и правильность гонки могутъ быть достигнуты только въ томъ случаѣ, когда дѣйствія кордоваго и бичеваго находятся во взаимной связи и когда они оба, понимая дѣло и другъ друга, правильно и одновременно работаютъ къ тактъ бичемъ и кордомъ.

Смѣшанный галопъ.

Если гоняютъ вольтъ направо (т. е. правый бокъ лошади обращенъ внутрь круга), тогда она должна скакать—вынося впередъ обѣ правыя ноги, какъ переднюю, такъ и заднюю, а при вольтѣ налѣво—лѣвыя. Но случается, что вмѣсто этого лошадь скачетъ на-перекоски, т. е. лѣвою передней и правою задней, и наоборотъ. Такого рода галопъ называется *неправильнымъ* или *мѣшаннымъ*, и такимъ галопомъ отнюдь не слѣдуетъ позволять лошади скакать, такъ какъ отъ этого неправильнаго аллюра у ней могутъ ослабѣвать крестецъ и позвоночный столбъ; да и кромѣ того, ставшая съ такого галопа на рысь, лошадь легко можетъ отрубить копытомъ задней ноги пятку ноги передней. Для того, чтобы пе-

ремѣнить этотъ галопъ на правильный, бичевой долженъ сработать бичомъ, точно такъ же, какъ и при сбѣѣ (*отнести на бичъ*), а конюхъ въ то же время *откинуть кордомъ въ поле*. Но при этомъ нужно поступать нѣсколько строже, чѣмъ при сбѣѣ.

Смѣна ноги.

Нѣкоторые охотники и наѣзтники добиваются при гонкѣ лошади того, чтобъ она остановилась съ проскачки на рысь съ той ноги, которая *обращена въ поле*, то-есть не съ той, съ которой она скачетъ. Дѣлать это, конечно, можно только съ лошадыю, уже хорошо ознакомленною съ гонкою и, такъ сказать, выработанною. Къ этому приступаютъ такъ: когда лошадь скачетъ вѣрнымъ галопомъ, но не скоро повинуется голосу и корду, при помощи которыхъ хотятъ поставить ее на свободную рысь, сильно же принять ее на кордъ и держать на немъ долгое время не желательно, такъ какъ такой пріемъ черезчуръ свяжетъ и отяжелитъ бокъ лошади, обращенный внутрь круга,—въ такомъ случаѣ заставляютъ лошадь, чтобъ она сама приняла кордъ. Для этого посылаютъ лошадь построже бичомъ, не сдавая ей корда, и когда она приметъ его, то невольно вынесетъ или, лучше сказать, перемѣнитъ ногу и начнетъ скакать съ той, которая обращена въ поле. Послѣ того слѣдуетъ приравнять кордъ и поставить сразу на рысь, какъ говорится—на балансъ, и, какъ только она станетъ на рысь, немедленно слѣдуетъ отпустить кордъ и этимъ освободить и развязать бокъ лошади, обращенный внутрь круга; безъ этой предосторожности она опять можетъ вынести полевую сторону и начнетъ скакать съ той же ноги. Впрочемъ, освобождать кордъ не слѣдуетъ очень сильно, такъ какъ это можетъ заставить лошадь за-скакать съ той ноги, которая находится съ внутренней стороны круга, и она только смѣнитъ ногу.

Общія правила гонки.

Терпѣніе, любовь къ дѣлу и любовь къ лошади играютъ главную роль при выработкѣ лошади и упражненіяхъ съ нею. Все это служить лучшимъ залогомъ для всякихъ преуспѣаній въ этомъ дѣлѣ. Кромѣ того, такъ какъ при гонкѣ лошади должны быть два человѣка—*кордовой* и *бичевой*, то, само собою разумѣется, они должны взаимно помогать другъ другу, стремясь къ скорѣйшему и фундаментальному выполненію принятой ими на себя задачи. Самое важное заключается въ томъ, чтобъ они оба понимали дѣло, сговорились и условились относительно способа веденія предстоящихъ имъ трудовъ, и если, паче чаянія, въ чемъ-нибудь ошибется одинъ изъ нихъ, немедленно долженъ поправить его и подѣлиться съ нимъ опытностью и знаніемъ дѣла. Установивъ взаимное согласіе между собою, нужно усвоить себѣ также правильный взглядъ и на обучаемую лошадь и какъ самое ученіе, такъ и требовательность къ ея послушанію и пониманію сообразовать съ ея возрастомъ, силою и выдержкой, равно какъ и съ тѣмъ, давно ли лошадь обучается, при какихъ условіяхъ ведется ея обученіе и при какой обстановкѣ.

Изъ общихъ правилъ, соблюдаемыхъ при гонкѣ, укажемъ на слѣдующія болѣе важныя:

1. Никогда не кончать гонки остановкою лошади съ неправильной рыси или галопомъ, а всегда съ правильной рыси, чтобы показать ей, что она кончила свой урокъ по волѣ учителя; иначе нѣсколько остановокъ съ неправильной рыси или галопомъ могутъ обратиться у лошади въ дурную привычку.

2. По окончаніи гонки, надо стать на срединѣ манежа и, когда лошадь подойдетъ, поласкать ее и дать хлѣба или сахару.

3. Ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ доводить лошадь до усталости, а напротивъ, всегда стараться сберечь ея силы и энергію, какъ говорится—*на завтра*.

4. Какъ бы сильно ни было желаніе заняться подольше гонкой лошади и ея обученіемъ и какъ бы правильно ни велось упражненіе, ежедневная продолжительность его должна сообразоваться

съ силами лошади. Чрезмѣрная работа утомляетъ лошадь и *выбиваетъ* изъ нея *духъ*, а при такой обстановкѣ лошадь уже никакъ не можетъ быть воспріимчива къ обученію и оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ дать хорошихъ результатовъ. Кромѣ того, выбившаяся изъ силъ и черезчуръ утомленная лошадь утрачиваетъ правильность и красоту всѣхъ своихъ движеній, т. е. свои лучшія природныя качества. Въ измученной лошади нѣтъ ни огня, ни красоты хода и, вдобавокъ, несоразмѣрная работа преждевременно истощаетъ силы и, что всего важнѣе, ослабляетъ ноги, т. е. самую капитальнѣйшую часть этого живаго механизма.

Когда лошадь основательно выработается на кордѣ, то тамъ, гдѣ есть манежъ, ее полезно гонять *вольно*, безъ корда. Но при этомъ однако всегда слѣдуетъ надѣвать уздечку, такъ какъ безъ нея лошадь скорѣе можетъ забыть уже пройденную школу. Уздечка же способствуетъ тому, что лошадь держитъ себя и при вольной гонкѣ почти такъ-же, какъ на кордѣ.

Постановка на вѣрный ходъ.

Когда лошадь пойдетъ на гонкѣ совершенно правильно и вѣрно понесетъ кордъ, не останавливаясь отъ вольта и не наваливаясь на него, тогда слѣдуетъ обращать вниманіе на правильность хода и стараться такъ поставить лошадь, чтобы на рыси у ней пропорціонально работалъ какъ задъ, такъ и передъ. Преимущество вѣрнаго хода главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что онъ несравненно красивѣе и лошадь идетъ на немъ рѣзвѣе. Кромѣ того правильность хода способствуетъ тому, что лошадь менѣе утомляется, ибо на вѣрномъ ходу точка опоры распредѣляется равномерно во всѣхъ четырехъ ногахъ. Хотя вѣрность хода находится въ прямой связи съ правильнымъ тѣлосложеніемъ лошади, а потому и составляетъ природное достоинство, но тѣмъ не менѣе гонка и ѣзда имѣютъ огромное вліяніе на его развитіе у молодой лошади, такъ какъ они способствуютъ укрѣпленію всего, что даю лошади природой, равно какъ усиливаютъ и исполняютъ тѣ части,

которымъ природа не дала полного развитія. Правильная гонка и ѣзда усиливаютъ мускулы и сухожилія лошади, какъ гимнастика усиливаетъ и укрѣпляетъ эти же части человѣческаго организма.

Лежка на переду.

Если лошадь во время гонки не выноситъ какъ слѣдуетъ переднихъ ногъ и при наступленіи на нихъ какъ будто упирается, то про такую лошадь говорятъ, что она *лежитъ на переду*. Чтобы исправить такой ходъ, слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на тѣ причины, отъ которыхъ онъ происходитъ, т. е. какая именно часть переда лошади задерживается на рыси: плечевой ли шарниръ съ подплечьемъ и до колѣна не имѣетъ правильнаго движенія, или лошадь не выноситъ впередъ нижней части ноги отъ колѣннаго сустава (крутитъ передомъ), или то и другое вмѣстѣ. Въ первомъ и послѣднемъ случаяхъ лошади необходимо давать проскачку, для чего сбиваютъ ее съ рыси на галопъ, во время проскачки кордъ держать выше, чѣмъ при обыкновенной гонкѣ, и изрѣдка отдѣляютъ имъ ганаши, чтобы лошадь приподнимала голову, отъ чего у ней и переднія ноги будутъ далѣе держаться на воздухѣ и не такъ скоро опускаться. При этомъ нужно обращать особенное вниманіе, чтобы лошадь скакала правильно; поэтому ее ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ заторапливать, иначе она еще болѣе можетъ лечь на передъ. Особенно должно остерегаться заторапливать энергичную лошадь: если ее послать строго и тѣмъ заставить сильно скакать, то она станетъ спѣшить дѣлать скачки, не будетъ выносить при этомъ правильно перела и, напротивъ, будетъ частить. Самое лучшее—дать лошади проскакать нѣсколько круговъ свободно и потомъ уже постепенно и осторожно посылать ее, и заставляя скакать одноимѣннымъ полнымъ махомъ или, какъ говорится, вѣрнымъ тѣмпомъ.

Послѣ проскачки лошадь надо поставить на рысь, но и тутъ не слѣдуетъ посылать ее сильно, такъ какъ во время проскачки задъ

лошади работалъ довольно сильно и отъ излишняго посылы на рыси она можетъ или спружинить его, или поднести къ переду, отъ чего можетъ получиться собравшая рысь.

Крученіе передомъ.

Во второмъ случаѣ, т. е. когда лошадь ложится на передъ отъ того, что не выноситъ нижней части ногъ отъ колѣннаго сустава, а плечевой шарниръ и подплечья работаютъ хорошо, слѣдуетъ гонять лошадь какъ можно болѣе тротомъ, т. е. правильной, равномерной и самою мелкой рысью, при которой лошадь попадаетъ заднею ногою вѣрно въ слѣдъ ступни передней ноги.

На такой рыси лошадь выпрямляетъ переднія ноги отъ колѣна, болѣе выносить ихъ и становится правильно на всю подошву. Этимъ ходомъ слѣдуетъ гонять лошадь какъ можно долѣе и потомъ уже поднять на полную размахку. Надо стараться поднять на размахку, какъ говорится, съ форса, чтобы лошадь шла въ духѣ. При этой предосторожности, быстро поставленная съ трота на размахку, лошадь вынесетъ правильно передъ и хорошо разработаетъ задъ, который былъ стѣсненъ на тротѣ, такъ какъ шелъ узко и этимъ нѣсколько укорачивалъ ходъ. Прогонять лошадь размахкой слѣдуетъ немного, чтобы не утомить ее, и съ размахки нужно спустить опять на тротъ. Это упражненіе надо повторять нѣсколько разъ.

Неправильный ходъ зада.

Когда лошадь не имѣетъ сильнаго упора въ задъ, т. е., какъ говорится, *волочетъ* его, то и въ такомъ случаѣ ей необходимо давать частыя проскачки, но съ тою только разницей, что здѣсь нужно непремѣнно заставить принять кордъ и тянуть его какъ на

рыси, такъ и на проскачкѣ. Отъ этого нѣсколько укорачивается ходъ переда, ходъ же зада удлинняется и ему сообщается необходимый упоръ.

Многіе увѣряютъ, что пріемъ лошади на кордъ сильно дѣйствуетъ на задъ и труденъ для него. Это мнѣніе вѣрно только въ томъ случаѣ, если съ ослабленнаго корда лошадь сразу принять на тугой, такъ что она должна будетъ измѣнить правильное положеніе—вдасть передъ внутрь круга, а задъ откинуть въ поле. Но такого маневра никто и не дѣлаетъ, а заставляютъ лошадь, чтобы она сама постепенно приняла кордъ, который послѣ этого слѣдуетъ только прировнять.

Если лошадь на ходу сильно сбираетъ, или, какъ говорятъ, *спружиниваетъ* задъ, т. е. подноситъ его подъ себя или несетъ высоко, то слѣдуетъ давать меньше скакать, а гонять на свободномъ кордѣ и на вольной рыси, черезъ что она навькнетъ выносить задъ. Этимъ заканчивается гонка, и если она велась правильно и тщательно, то пора уже приступить къ выѣздкѣ.

Время выѣздки *).

Назначеніе времени для начала выѣздки зависитъ отъ взгляда распорядителя или наѣздника. По нашему мнѣнію, самое лучшее время для начала выѣздки—осень, потому что въ это время жеребята находятся, такъ сказать, въ черномъ тѣлѣ, такъ какъ съ іюня до августа были кормлены травой, и поэтому съ ними меньше приходится работать, чѣмъ весной, когда они поступаютъ въ выѣздку съ овсянаго зимняго корма, хотя и дававшаяся имъ въ незначительномъ количествѣ. Кромѣ того, весной всѣ лошади въ болѣе хорошемъ тѣлѣ и несравненно игривѣе, чѣмъ осенью. Нѣкоторые жеребчики бываютъ даже въ возбужденномъ состояніи, такъ что ихъ иногда бываетъ довольно трудно заставить заниматься дѣломъ, такъ какъ въ это время они болѣе занимаютъ собою. По-

*) Еще см. въ концѣ книги.

этому приходится съ ними ссориться или отмѣнять дачу овса и кормить по все премы выѣздки однимъ сѣномъ, что, въ свою очередь, оказываетъ очень вредное вліяніе на лошадь, такъ какъ обезсиливаетъ ее, — а отъ слабой лошади ни одинъ благомыслящій ѣздокъ не потребуеъ того, что онъ могъ бы потребовать отъ лошади, находящейся въ хорошемъ тѣлѣ, — и имѣеть вредное дѣйствіе на правильность выѣздки.

Нѣкоторые владѣльцы и наѣзники имѣютъ обыкновеніе назначать очень раннюю выѣздку, именно въ двухлѣтнемъ возрастѣ. Для такой выѣздки они обыкновенно выбираютъ особенно крупныхъ жеребятъ, т. е. тѣхъ, которые въ двухлѣтнемъ возрастѣ ростѣ своихъ сверстниковъ и кажутся какъ бы трехлѣтними. По нашему мнѣнію, такой выборъ крайне ошибоченъ, такъ какъ ростъ жеребенка никакъ не можетъ быть правильнымъ мѣриломъ крѣпости его организма. Намъ кажется, напротивъ, что крупные жеребята менѣе пригодны для ранней выѣздки, нежели ихъ сверстники, имѣющіе обыкновенный ростъ; у сильно растущаго жеребенка не успеваютъ правильно сложиться и окрѣпнуть всѣ связки и сухожилия, и для него нерѣдко бываетъ тягостенъ и собственный его вѣсъ, что легко можно замѣтить по его движеніямъ, которыя обыкновенно бываютъ вялы и несоразмѣрны. Конечно, нѣтъ правилъ безъ исключеній, и, высказавши наше мнѣніе, мы предлагаемъ самому ѣздоку сообразовать время заѣздки жеребенка съ его физическимъ развитіемъ и возрастомъ.

Гонка лошади въ сбруѣ.

Приступая къ выѣздкѣ лошади, нужно прежде всего приучить ее къ сбруѣ. Для этого назначенную къ выѣздкѣ лошадь приводятъ въ манежъ или на кругъ, на которомъ она постоянно гонялась, осторожно надѣваютъ на нее оголовокъ, кладутъ трокъ или сѣделку, наблюдая при этомъ, чтобы подпруга приплась не близко къ переду и не сбивалась бы къ подмышкамъ. Также не слѣдуетъ крѣпко заподпругивать, такъ какъ отъ тугости подпруги лошадь

будетъ сильно беспокоиться. Потомъ надѣваютъ шлейку и боковые ремни отъ нея пропускаютъ подъ горты сѣделки, для того чтобы шлейка не могла сваливаться. Мочки у шлейки завязываются наверху, чтобы онѣ не висѣли и не касались бы такимъ образомъ, на ходу, тѣла лошади. Когда все это будетъ исполнено, одинъ изъ конюховъ проводитъ лошадь нѣсколько круговъ шагомъ и потомъ отпускаетъ. Оставшись на кордѣ безъ провожатаго, лошадь обыкновенно робѣетъ, начинаетъ подбираться, прыгать и козлить, стараясь всѣми мѣрами освободиться отъ надѣтой на нее сбруи. Въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ позволять лошади подгибать голову внизъ, а нужно поднять кордъ выше и трясти имъ, что скорѣе заставитъ лошадь забыть стѣсненное сбруей положеніе и почувствовать работу корда. Кромѣ того поднять въ это время кордомъ голову лошади нужно еще потому, что маневръ этотъ лишаетъ ее возможности кидать задомъ, а это послужитъ въ свою очередь ручательствомъ, что лошадь, не кидавшая задомъ при гонкѣ, въ первый разъ, въ сбруѣ, не будетъ дѣлать это и на ѣздѣ. Посылать лошадь бичомъ въ это время можно только въ тѣхъ случаяхъ, если она начинаетъ козлить на одномъ мѣстѣ, не подаваясь впередъ, или будетъ стараться переменить направленіе, т. е. перевернуться головою къ центру или вовсе переменить вольтъ. Впрочемъ и въ этихъ случаяхъ бичомъ слѣдуетъ посылать какъ можно осторожнѣе и послѣ посылы не давать лошади сильно скакать, а напротивъ слѣдуетъ удерживать ее отъ этого, такъ какъ въ это время лошадь иногда входитъ въ такой азартъ, что скачетъ чрезмѣрно сильно и этимъ изнуряетъ себя.

Выводна на возжахъ.

Какъ только лошадь свыкнется съ сбруей и начнетъ, во время гонки въ ней, повиноваться голосу, корду и бичу точно такъ же, какъ она повиновалась имъ и безъ сбруи, и не будетъ болѣе сокращать, вслѣдствіе надѣтой на нее сбруи, правильность своего хода, тогда, по окончаніи гонки, взвѣшиваютъ лошадь, пропуская

возжи подъ продольные ремни шлейки. Когда все это будетъ исполнено, наѣздникъ или мастеръ осторожно беретъ, какъ слѣдуетъ, возжи сзади лошади и двое конюховъ проводятъ ее нѣсколько круговъ. Когда лошадь пойдетъ покойно, то одинъ изъ конюховъ, именно тотъ, который велъ лошадь съ наружной стороны вольта, незамѣтно перестаетъ держать лошадь и понемногу отстаетъ отъ нея, оставляя при ней только своего товарища и наѣздника. Послѣдній долженъ дать понять лошади, что она идетъ на возжахъ. Для этого и другой конюхъ перестаетъ держать лошадь, хотя и идетъ рядомъ съ нею. Если лошадь сробѣетъ при этой легкой работѣ возжами, то конюхъ беретъ ее опять подъ уздцы и проводитъ ее до тѣхъ поръ, пока она успокоится, и потомъ отстаетъ, также какъ и первый конюхъ, оставляя лошадь на однихъ только возжахъ. Держащему же возжи слѣдуетъ уговаривать лошадь и стараться всѣми мѣрами не принимать ее вдругъ на возжи, а постепенно давать ей чувствовать, что онъ править ею. Только тогда, когда лошадь свыкнется съ удилами и будетъ сдавать голову, уступая давленію той или другой возжи, можно допустить возжи къ ея корпусу и держать ихъ даже ниже шлейки. Хотя отъ этого лошадь можетъ сробѣть на первыхъ порахъ, но за то впослѣдствіи, при закладкѣ, она не будетъ бояться оглобеля,—онѣ какъ при закладкѣ, такъ и при ѣздѣ будутъ касаться тѣхъ же самыхъ мѣстъ, гдѣ лежали возжи.

Ознакомивши лошадь съ возжами, начинаютъ дѣлать повороты направо и налѣво, управляя возжами. При этомъ слѣдуетъ стараться, чтобы повороты эти лошадь дѣлала правильно, для чего и нужно выпрямлять ей корпусъ. Это дѣлается такъ: если лошадь хотятъ поворотить направо, то натягиваютъ для этого возжу, но если подъ давленіемъ ея лошадь сдаетъ направо одну голову, то прижимаютъ къ корпусу лѣвую возжу и тѣмъ заставляютъ сдать направо не одну только голову, а и весь корпусъ.

Упражненія въ поворотахъ имѣютъ очень большую важность, а потому на нихъ надо обратить самое строгое вниманіе, такъ какъ съ лошадью, хорошо обученной поворотамъ, будетъ несравненно меньше работы при заѣздкѣ.

Накидываніе дуги.

Когда лошадь вполне освоится съ сбруей и будетъ покойно гоняться въ ней, ее слѣдуетъ постепенно и заблаговременно знакомить съ дугою. Для этого послѣ гонки нужно поставить лошадь на то мѣсто, куда она постоянно выводится для гонки; потомъ слѣдуетъ зайти съ дугою съ лѣвой стороны и навѣсить ее надъ головою лошади, какъ это дѣлается при настоящей закладкѣ, и когда дуга будетъ перекинута, то другой конюхъ беретъ ея конецъ съ правой стороны. Такимъ образомъ дуга держится надъ лошадью съ обѣихъ сторонъ, причемъ своими концами касается оголовка, какъ во время закладыванія. Лошадь сначала сробѣетъ, но за то, привыкнувъ постепенно къ этой процедурѣ, не будетъ бояться, при настоящей закладкѣ, надѣванія дуги.

Выводна за кряквами.

Откуда происходитъ самое слово *кряквы*, намъ неизвѣстно, но оно въ такомъ употребленіи между охотниками и наѣздниками, что мы не рѣшаемся замѣнить его другимъ. Эти кряквы, т. е. кресла отъ деревенскихъ саней, привязываются концами къ грядкамъ телѣги, а задняя ихъ распорка спускается назадъ вязка телѣги, для того, что если лошадь упрется въ нее грудью, то не могла бы достать ногами колеса и тѣмъ не повредила бы себѣ ногу. Кресла нужно привязывать какъ можно крѣпче, чтобы они не могли оторваться въ томъ случаѣ, если лошадь осадитъ назадъ. Распорку слѣдуетъ дѣлать такъ же, какъ и всѣ вообще кресла—вполнѣ прочно, изъ толстыхъ слегъ, такъ какъ иначе лошадь, внезапно бросившись впередъ, можетъ перебить распорку грудью. При этомъ упражненіи вообще нельзя разсчитывать на полное спокойствіе лошади, а поэтому и нужно постараться предусмотрѣть всякія случайности.

Сверхъ уздечки на лошадь надѣваютъ недоуздокъ и арканъ, поводья которыхъ соединяются между собою и пропускаются подъ нагубникъ кордовой уздечки, гдѣ прикрѣпляется кордъ. Это необходимо потому, что если лошадь бросится въ ту или другую сторону, то арканомъ и недоуздкой не такъ будетъ легко удерживать ее, какъ на удилахъ. Подготовивши такимъ образомъ лошадь, слѣдуетъ подводить ее къ кряквямъ. Само собою разумѣется, что въ телѣгу должна быть заложена самая покойная и благонравная рабочая лошадь, которая не сдавала бы телѣги, если молодая лошадь осадитъ кряквы назадъ. Подведя къ кряквямъ выѣзжаемую лошадь, слѣдуетъ дать ей осмотрѣть телѣгу и кряквы, потомъ тронуть впередъ рабочую лошадь, а молодую, еще не привязывая, провести за телѣгой нѣсколько сажень. Сразу привязывать не слѣдуетъ, потому, что лошадь при троганіи съ мѣста можетъ оробѣть, вслѣдствіе чего подастся назадъ, тогда какъ передняя лошадь тронется, и арканъ можетъ такъ сильно потянуть, что жеребенокъ можетъ упасть. Если же сначала провести лошадь за кряквами нѣсколько сажень, не привязывая ее, то она вполне освоится и, когда ее привяжутъ, пойдетъ смѣло впередъ, особенно если все будетъ сдѣлано отчетливо и предусмотрительно. Главная задача тутъ заключается въ томъ, чтобы не дать почувствовать лошади, что она привязана, и какъ можно лучше замаскировать это. Поэтому, привязавши лошадь, надо взять ее подъ уздцы и тронуть съ мѣста одновременно съ заложеною лошадью, такъ чтобы молодой казалось, что ее вѣдутъ въ поводахъ. Привязывать слѣдуетъ посрединѣ распорки кряквъ и не такъ длинно, для того, чтобы лошадь не могла зайти ни на ту, ни на другую сторону угла кряквъ, иначе можетъ потянуть въ сторону телѣгу и, пожалуй, повалить ее. Кромѣ того, при длинной привязкѣ, если лошадь поднимется на заднія ноги, то легко можетъ перекинуть переднія черезъ распорку.

Закладна въ первый разъ за кряквами.

Безъ закладки слѣдуетъ провести лошадь одинъ или два раза, а потомъ можно приступить и къ закладкѣ по слѣдующему порядку. Лошадь привязываютъ къ кряквямъ и осторожно подвигаютъ къ ней дрожки, ставя ихъ какъ слѣдуетъ для закладки. Потомъ, когда она нѣсколько осмотрится, накидываютъ дугу и держатъ ее надъ лошадью и такимъ образомъ проводятъ лошадь за кряквами нѣсколько сажень, держа дрожки за концы оглобелей и тоже подвигая ихъ впередъ, вровень съ лошадью, чтобы она замѣчала ихъ. Одному слѣдуетъ идти за дрожками и уговаривать ее. Пройдя такимъ образомъ известное разстояніе и выбравъ ровное и просторное мѣсто, можно приступить къ закладкѣ.

При закладкѣ въ первый разъ за кряквами соблюдаютъ слѣдующія правила. Гужи и чрезсѣдельники завязываютъ какъ можно осторожнѣе, стараясь, чтобы, при обматываніи ими вокругъ оглобелей, не касаться концами ихъ лошади и кромѣ того не налегать сильно на запрягъ, такъ какъ этимъ можно обезпокоить ее. Очень важно также, чтобы лошадь въ оглобляхъ была поставлена совершенно правильно и не касалась бы при закладкѣ до оглобли ни той, ни другой стороны своего корпуса. Поводковъ и колець при дугѣ не нужно до тѣхъ поръ, пока лошадь будетъ ходить за кряквами въ одной уздечкѣ, безъ недоуздка и аркана. Возня съ поводками и кольцами отнимаетъ только время, а имъ слѣдуетъ дорожить при первыхъ закладкахъ и производить ихъ послѣпнѣе, такъ какъ многія лошади очень безпокоятся въ это время. Да и къ чему могутъ послужить кольца и поводки, когда лошадь еще не понимаетъ возжей. Привязку къ кряквямъ, несмотря на то, что лошадь уже приглядѣлась къ нимъ, нельзя считать вполне достаточной, и двоимъ конюхамъ все-таки слѣдуетъ идти около лошади и держать ее на поводахъ съ обѣихъ сторонъ. Это нужно для того, чтобы можно было остановить лошадь въ томъ случаѣ, если она бросится впередъ или осадитъ назадъ. Во время закладки возжи должны быть перекинуты за оглобли, чтобы они тоже не могли безпокоить

лошадь. Когда все будетъ готово, наѣздникъ садится на дрожки и приказываетъ сидящему на телѣгѣ конюху трогать.

Переднюю лошадь надо заставлять брать съ мѣста какъ можно тише и осторожноѣе, чтобъ отъ быстрого движенія впередъ не натянулась веревка, которою привязана задняя лошадь, и чтобы такимъ образомъ не дернуть послѣднюю за арканъ. Конюхи держатъ повода, правый—въ правой рукѣ, а лѣвый—въ лѣвой, свободными же руками они должны держаться за оглобли дрожекъ, пониже запряга, и въ то время, когда будетъ отданъ приказъ трогать, тянуть впередъ дрожки, помогая лошади взять ихъ съ мѣста и стараясь при этомъ дать понять лошади, что она идетъ не на привязи, а на поводьяхъ. Къ этому маневру надо приучить конюховъ заранее, чтобъ они вполне ознакомились съ нимъ, такъ какъ удачное его исполненіе можетъ пригодиться и впоследствии, когда лошадь будетъ выводиться на однихъ только поводьяхъ, безъ кряквъ. Въ случаѣ если она тогда бросится и понесетъ, ловкіе и привычные конюхи, держа въ одной рукѣ по поводу, а въ другой—оглобли, пройдутъ съ ней далеко и сильнѣе удержатъ, не подвергаясь въ такомъ положеніи опасности быть сшибенными запрягомъ.

Подпускание къ оглоблѣ.

Когда лошадь будетъ покойно идти за кряквами, какъ по прямой дистанціи, такъ и на поворотахъ, тогда слѣдуетъ, не отпуская ея отъ кряквъ, дать ей коснуться, на поворотѣ, бокомъ до оглобли. Это дѣлается для того, чтобы лошадь заранее могла освоиться съ этимъ ощущеніемъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ, при болѣе самостоятельной выѣздкѣ, когда случится лошади дѣлать поворотъ и она во время него коснется до оглобли, что особенно часто случается при ѣздѣ въ саняхъ, то испугается этого и понесетъ или станетъ бить задомъ, тогда какъ лошадь, заранее подпущенная къ оглоблямъ, навѣрное не станетъ этого дѣлать. Этотъ маневръ исполняется такъ: въ полѣ, на ровномъ мѣстѣ, приказываютъ конюху, сидящему въ телѣгѣ, повернуть рабочую лошадь

возможно круче. Слѣдуя за нею, и молодая лошадь въ дрожкахъ дѣлаетъ такой же поворотъ и во время него достаетъ бокомъ до оглобли. Въ первый разъ это причиняетъ ей беспокойство, но ее слѣдуетъ уговаривать и отвести возжею нѣсколько голову, не давая ей этимъ сильно ложиться на оглоблю. Если же лошадь будетъ чрезмѣрно сильно беспокоиться и строго подходить къ оглоблѣ, тогда слѣдуетъ приказать правящему въ телѣгѣ конюху сдѣлать менѣе крутой поворотъ. Когда же дѣло обходится покойно, то, поворотивъ разъ на одну сторону, проѣзжаютъ далѣе по прямой дистанціи и на удобномъ мѣстѣ дѣлаютъ поворотъ на другую сторону, допуская лошадь коснуться другой оглобли. Конечно, выучить поворотамъ нельзя въ одну закладку,—это дѣло требуетъ много времени, особенно при обученіи щекотливой лошади, и большаго терпѣнія со стороны обучающаго. При поспѣшности и невнимательности къ дѣлу можно вывести лошадь изъ терпѣнія и заставить бить задомъ.

Поддужная лошадь.

Такъ какъ впоследствии, при выѣздкѣ рысака, будетъ необходима поддужная лошадь, то мы предлагаемъ познакомить его съ нею заблаговременно, тогда, когда рысакъ еще не отпущенъ отъ кряквъ. Это дѣлается такимъ образомъ. Когда рысакъ идетъ за кряквами, въ нему осторожно подѣзжаетъ сбоку поддужная лошадь, и сидящій на ней верхомъ поддужный уговариваетъ рысака и называетъ его по имени. Этотъ послѣдній сперва сробѣетъ, а потомъ успокоится и подпуститъ ближе поддужную лошадь. Когда это будетъ достигнуто, поддужная лошадь идетъ вмѣстѣ съ рысакомъ нѣсколько сажень, а потомъ отстаетъ и подѣзжаетъ къ нему съ другой стороны. Такимъ образомъ рысакъ ознакомится съ нею и будетъ считать ее за добраго проводника въ то время, когда его уже отпустить отъ кряквъ.

Выѣздка за кряквами безъ аркана.

Когда лошадь пойдетъ покойно за кряквами на недоуздки и на арканѣ, тогда вмѣсто нихъ пристегиваютъ къ кордовой уздечкѣ кордъ и перекидываютъ его черезъ заднюю поперечную распорку кряквъ. Одинъ изъ конюховъ садится въ телѣгу спиною къ возницѣ и, взявъ въ руки кордъ, сначала не такъ длинно, притягиваетъ молодую лошадь на такое разстояніе, на которомъ она всегда привязывалась за кряквами, на ходу же онъ постепенно начинаетъ отпускать кордъ. Для этого упражненія лошадь закладывается уже какъ слѣдуетъ, т. е. съ поводками и кольцами, такъ какъ они теперь дѣлаются нужными, да и лошадь надо къ нимъ приучить.

Теперь и для наѣздника наступаетъ моментъ, съ котораго онъ постепенно начинаетъ работать возжами. Прежде всего онъ осторожно прикасается къ ей боку, т. е. только прикладываетъ ее. Это дѣлается для того, чтобы, подъ давленіемъ возжи, лошадь сдавала бы направо или налево не одну только голову, но и весь корпусъ. Отработавъ хорошо давленіе на каждую изъ возжей, на правую и на лѣвую, наѣздникъ натягиваетъ обѣ возжи, дѣлая какъ бы полуостановъ, и этимъ маневровъ отводитъ лошадь подалеже отъ кряквъ, для чего, предупрежденный заблаговременно, конюхъ, сидящій на телѣгѣ съ кордомъ, соразмѣрно отпускаетъ веревку. Если же лошадь не подчинится возжамъ и, несмотря на оказываемое ими давленіе, не захочетъ отстать отъ кряквъ, а станетъ рваться къ нимъ впередъ, то конюхъ моментально долженъ опять подобрать ослабленный кордъ,—маневръ, значить, не удался, наѣздникъ не настаиваетъ сильно въ первый разъ и даетъ лошади опять приблизиться къ кряквамъ. Уступить лошади на первыхъ порахъ несравненно лучше, нежели настаивать на исполненіи, такъ какъ отъ принужденія лошадь будетъ капризничать и завертывать головой. Гораздо лучше, послѣ неудачи, дать успокоиться лошади и, проѣхавъ немного, повторить маневръ. Если не въ одинъ, то въ нѣсколько уроковъ лошадь пойметъ, что отъ нея требуютъ, и исполнить это. Когда наѣздникъ достигаетъ того, что лошадь, повинуюсь возжамъ, будетъ отставать отъ кряквъ, то

слѣдуетъ заставлять ее дѣлать полуповоротъ въ ту и другую сторону. Совершенно достаточно для этого, если лошадь, повинуюсь возжамъ, вмѣсто средины распорки кряквъ, подъ давленіемъ правой возжи, пойдетъ около угла правой стороны кряквъ, и наоборотъ. Если это исполняется лошадью совершенно свободно, то можно отпустить ее отъ кряквъ.

Мы должны здѣсь оговориться, что описываемъ только процессъ выѣздки и его порядокъ, не назначая количества упражненій, которое никакъ не можетъ быть подведено подъ общую норму для всѣхъ лошадей, напротивъ совершенно различно для каждой лошади, такъ какъ успѣшность выѣздки и всѣхъ сопряженныхъ съ нею упражненій находится въ прямой зависимости отъ темперамента лошади и ея возраста, отъ ловкости и терпѣнія наѣздника, привычки къ дѣлу конюховъ и отъ многого множества другихъ причинъ. Важность послѣдовательности упражненій вполне очевидна, равно и общая ихъ связь. Поэтому, не выработавъ хорошо одного маневра, не слѣдуетъ приниматься за другой, такъ какъ съ лошадью, недостаточно подготовленной, будетъ несравненно болѣе въ послѣдствіи возни, а пожалуй, въ концѣ-концовъ, она, не понимая ничего путемъ, можетъ отбиться отъ рукъ, и ее или придется забраковать, или начать всю школу снова-здорово.

Отвязка отъ кряквъ—очень важный моментъ въ выѣздкѣ лошади, а потому наѣздникъ долженъ какъ можно вѣрнѣе опредѣлить и взвѣсить, настало ли это время или нѣтъ, и можетъ ли онъ рассчитывать, что лошадь пойдетъ на возжахъ, куда онъ ее направитъ, а не туда, куда ей будетъ угодно направиться,—вообще, можетъ ли онъ управиться съ ней, не запугавъ ее и не озлобивъ. Если *да*, то время пришло, а если *нѣтъ*, то лучше не торопиться и хорошенько выработать за кряквами поворотъ и остановки, такъ какъ время, потраченное на это, съ избыткомъ вознаградится въ послѣдствіи.

Съ поддужной на поводѣ.

Когда лошадь станетъ хотя немного понимать возжи, то ее слѣдуетъ заложить за криквами, но вмѣсто корда пристегнуть длинный поводъ или привозжикъ. Сдѣлавши это, слѣдуетъ выѣхать въ поле или на бѣговой ипподромъ, и на удобномъ мѣстѣ этотъ поводъ передается въ руки поддужному. Съ другой же стороны конюхъ продѣваетъ въ кольцо удиль гужикъ или черезсѣдельникъ, и оба ведутъ лошадь. Телѣга съ криквами уѣзжаетъ въ это время впередъ, но не слишкомъ и не далеко, потому что лошадь, привыкшая ходить за нею, можетъ сильно рвануться впередъ, такъ что, вслѣдствіе этого, ее опять, пожалуй, придется подвести къ телѣгѣ. Но если этого не случится, и лошадь, уговариваемая конюхомъ и поддужнымъ, пойдетъ покойно, тогда можно приказать конюху уѣхать съ телѣгой впередъ и, своротивъ гдѣ-нибудь, незамѣтно совсѣмъ скрыться изъ виду. Когда телѣга уѣдетъ, молодую лошадь продолжаютъ вести такимъ же образомъ и даже проходить съ ней нѣсколько сажень рысью. Убѣдившись въ полномъ спокойствіи лошади, конюхъ незамѣтно вынимаетъ изъ кольца черезсѣдельникъ и сначала идетъ рядомъ съ лошадыю, а потомъ начинаетъ постепенно отставать и садится на дрожки сзади наѣздника; такимъ образомъ молодая лошадь остается на поводѣ у поддужнаго. Здѣсь слѣдуетъ сосредоточить все вниманіе на томъ, чтобы лошадь, при видѣ этой новой для нея обстановки, не бросилась бы вдругъ впередъ по прямому направленію или, что еще хуже, въ сторону, потому что въ послѣднемъ случаѣ лошадь поневолѣ придется взять сильно на одну возжу, а изъ этого можетъ выйти, что она, не понимая еще хорошо возжи, сдастъ подъ ея давленіемъ одну только голову, а корпусъ свалитъ на другую сторону, т. е. сдѣлаетъ именно то, чего бы ни въ какомъ случаѣ не желалъ ѣздокъ, такъ какъ, вслѣдствіе этого, ему придется высвободить одну возжу, а другую чрезмерно затянуть. Въ предупрежденіе этого случая, слѣдуетъ брать съ мѣста такимъ образомъ, чтобы поддужная лошадь шла на полкорпуса впередъ, такъ какъ рысакъ за нею идетъ гораздо смѣлѣе. Если случится дѣлать повороты, то

тоже слѣдуетъ заставлять поддужную лошадь поворачивать нѣсколько прежде, чѣмъ рысакъ, такъ какъ за нею онъ поворачиваетъ охотнѣе. Поддужный ѣдетъ сначала съ одной стороны, потомъ мѣняетъ руку и подѣзжаетъ съ другой стороны, постепенно и незамѣтно отставая отъ рысака. Сначала, какъ мы сказали, онъ ѣдетъ на полкорпуса впередъ, потомъ выравнивается съ нимъ; а когда молодая лошадь пойдетъ покойно, то поддужный уже держится около передняго колеса. Упражненія съ поддужной на поводу также очень важны, и ихъ нужно повторить, по крайней мѣрѣ, два раза сряду. При этомъ непремѣнно слѣдуетъ отнестись съ полнымъ вниманіемъ къ постановкѣ корпуса и головы рысака и сколько возможно стараться выпрямлять ихъ возжами. Поводъ, который держать поддужный, нисколько не мѣшаетъ этому, и на него надо смотрѣть только, какъ на предосторожность въ томъ случаѣ, если рысакъ начнетъ беспокоиться, въ особенности на поворотахъ.

Какъ только наѣздникъ увѣрится въ томъ, что лошадь можетъ идти одна безъ поддужной, тогда отстегиваютъ поводъ, причемъ уговариваютъ лошадь и даже останавливаются, если только лошадь терпитъ остановку. Конюхъ, который до этого времени сидѣлъ за наѣздникомъ на дрожкахъ, тихо сходитъ съ нихъ и ласкаетъ лошадь, а наѣздникъ трогаетъ съ мѣста вмѣстѣ съ поддужной. Съ этихъ поръ поддужный все болѣе и болѣе начинаетъ отставать, а наѣздникъ незамѣтно старается отбить свою лошадь отъ поддужной. Если дѣло удастся, то поддужный останавливается на ипподромѣ и наблюдаетъ за рысакомъ, чтобы, въ случаѣ надобности, подать помощь, и если рысакъ, испугавшись чего-нибудь, понесетъ, или закинется, то поддужный тотчасъ же скачетъ на выручку и подскакиваетъ такъ, чтобы рысакъ видѣлъ его. Онъ начинаетъ уговаривать рысака словами: тпру, тпру, называя его по имени; если слова эти произносятся мягко и ласкательно, то почти всегда дѣйствуютъ на рысака: увидѣвъ своего бывшего проводника, онъ дѣлается послушнѣе и смѣлѣе. Послѣ такого упражненія наѣздникъ и рысакъ благополучно возвращаются домой—съ своей первой самостоятельной прогулки. Поддужный встрѣчаетъ рысака у каретнаго сарая, а конюхъ сходитъ съ дрожекъ и подходитъ въ нему съ другой стороны, и рысакъ со всѣмъ этимъ штатомъ входитъ въ сарай. Всѣ эти предосторожности необходимы на первый разъ потому, что

рысакъ можетъ сробѣть отъ топота по полу сарая и отъ стука колесъ. Если это случится, то конюхъ и поддужный должны уговорить рысака и поддержать, пока его будутъ откладывать. На слѣдующій день его можно будетъ закладывать уже въ сараѣ.

Здѣсь не лишнимъ считаемъ замѣтить, что, во избѣжаніе излишней пугливости лошади при въѣздѣ и выѣздѣ изъ сарая въ первые разы, ее лучше всего знакомить съ нимъ заблаговременно, т. е. во время проводовъ и даже раньше этого.

Закладка въ сараѣ за кряквами.

Такъ какъ молодая лошадь привыкла до сего времени постоянно закладываться за кряквами и при видѣ ихъ стоитъ при закладкѣ несравненно спокойнѣе, поэтому и въ каретномъ сараѣ ее слѣдуетъ заложить въ первый разъ за кряквами. Эта предосторожность нужна еще потому, что безъ нея лошадь, услышавъ, при выѣздѣ изъ сарая, за собою стукъ колесъ, можетъ выйти строго, что было бы въ высшей степени нежелательно.

Многіе, чтобъ успокоить лошадь во время закладки, притворяютъ ворота сарая, но это можетъ подѣйствовать на нее неблагоприятно. По нашему мнѣнію, лучше всего ввести лошадь въ сарай и, поставивъ осторожно противъ воротъ для закладки, тихо подвести къ ней дрожки. Телѣгу же съ кряквами, но уже не запряженную, надо поставить въ самыхъ воротахъ противъ лошади. Когда рысакъ будетъ заложенъ, наѣздникъ садится на дрожки, конюхи тихо отодвигаютъ телѣгу на себѣ въ сторону, а двое выводятъ на поводкахъ лошадь и проводятъ ее до того мѣста, гдѣ должна быть проѣздка, и потомъ отпускаютъ. Поддужный тоже выѣзжаетъ, на всякій случай, на это мѣсто; но хорошо бы, если-бы дѣло могло обойтись безъ него, такъ какъ пора ѣздить и безъ провожатаго.

Закладка въ сараѣ безъ кряквъ.

Закладывая молодую лошадь въ сараѣ, отнюдь не слѣдуетъ позволять ставить ее на развязку, такъ какъ она, по неопытности, можетъ податься впередъ, вслѣдствіе чего развязка натянется и удила рванутъ лошадь, что заставитъ ее быстро сдѣлать обратное движеніе—назадъ, при которомъ можетъ разорваться уздечка, и дѣло кончится тѣмъ, что лошадь напугается еще въ сараѣ. Во избѣжаніе этого, нужно производить закладку слѣдующимъ образомъ.

Конюхъ продѣваетъ въ оба кольца удила по гужику, или по черезсѣделинѣ, и держитъ ихъ такимъ образомъ, чтобъ удила во рту лошади лежали совершенно правильно, а не стягивались бы на одну сторону, въ чемъ и состоитъ главное преимущество двухъ поводковъ передъ однимъ. Взявъ въ руки по поводу, онъ становится противъ лошади. При этомъ нужно слѣдить, чтобы лошадь стояла вѣрно въ оглобляхъ и правильно на ногахъ; видя неисполненіе этого условія, слѣдуетъ приказать, чтобы конюхъ поставилъ лошадь „на ноги“, т. е. вѣрно. Это особенно важно потому, что, привыкнувъ стоять совершенно правильно при закладкѣ и раскладкѣ, лошадь будетъ стоять точно такъ же и при всякомъ остановѣ, да и кромѣ того, при вѣрной постановкѣ лошади, можно и заложить ее вѣрнѣе.

Когда все это будетъ исполнено, два конюха подходятъ къ лошади—одинъ съ лѣвой, другой съ правой стороны, поднимаютъ оглобли, и первый изъ нихъ, взявъ дугу, перекидываетъ ее другому, послѣ чего начинаютъ закладывать хотя и съ полной осторожностью, но возможно быстрѣе и тверже. Также очень важно соблюдать въ этомъ дѣлѣ полную послѣдовательность и различными предосторожностями: такъ, напримѣръ, отнюдь не слѣдуетъ позволять продѣвать черезсѣдельни и застегивать мочки прежде, чѣмъ будутъ закрѣплены гужи. Самое лучшее, когда этимъ дѣломъ будутъ заниматься трое вполне привычныхъ конюховъ, изъ коихъ одинъ будетъ держать лошадь, а двое закладывать. Излишнее количество людей скорѣе вредитъ, нежели помогаетъ дѣлу, такъ какъ производить только суетню и порождаетъ различныя медвѣжи услуги.

ги, которыхъ на этотъ разъ несма бы желательно было избѣжать; напр. одинъ кинется не во-время застегивать мочку, другой продѣвать чрезсѣдельню, и если въ это время лошадь, испугавшись этой излишней суетни, или просто соскучившись стоять долѣе, подастся впередъ, то не совсѣмъ закрѣпленный гужъ можетъ выпасть изъ рукъ конюха, а вмѣстѣ съ этимъ, чего добраго, упадетъ и оглобля; тогда легко можетъ случиться, что лошадь выступитъ изъ оглобеля, ее опять придется вновь вводить въ нихъ и снова начинать дѣло. А если къ этому еще примѣшается услуга какого-нибудь лишняго человѣка, который застегнулъ не въ пору мочку, то дѣло кончится, по всей вѣроятности, даже и не такъ счастливо: лошадь, почувствовавъ около своего бока незакрѣпленную оглоблю, висящую на одной мочкѣ, и продѣтый преждевременно черезсѣдельникъ, навѣрное потащитъ дрожки, напугаетъ ими себя еще болѣе и все изорветъ.

Концы возжей должны быть раскинуты по сторонамъ оглобеля, для того, чтобы, когда наступитъ время взвѣшивать, ихъ можно было конюхамъ поднять, не отходя отъ лошади для доставанія ихъ со щитка дрожекъ, такъ какъ это движеніе имѣетъ, между прочимъ, то неудобство, что лошади можетъ представиться, что подходятъ къ дрожкамъ, чтобы сѣсть, отъ чего она будетъ стоять беспокойно.

При взвѣшиваніи слѣдуетъ наблюдать, чтобы возжи висѣли не внутри оглобеля, а за ними, и ни въ какомъ случаѣ не могли бы касаться тѣла лошади.

Когда все это будетъ исполнено, наѣздникъ долженъ поласкать лошадь, т. е. потрепать ее рукой, и въ видѣ особой любезности, дать ей кусочекъ сахару. Послѣ этого мягкаго приступа онъ садится на дрожки; тогда одинъ изъ закладывавшихъ лошадь конюховъ беретъ у державшаго ее поводъ, оставляя другой у него, и они незамѣтно переносятъ черезъ оглобли возжи, помогая этимъ наѣзднику подобрать ихъ. Затѣмъ, по приказанію наѣздника, конюхи осторожно выводятъ лошадей, держа поводья точно такъ же, какъ мы предлагали ихъ держать въ статьѣ „Закладка за кряк-вами“, т. е. правый конюхъ держитъ поводъ въ правой рукѣ, а лѣвою рукой онъ долженъ взяться за оглоблю, между черезсѣдельникомъ и гужомъ, лѣвый же конюхъ держитъ поводъ въ лѣвой

рукѣ, а правую такимъ же образомъ кладетъ на оглоблю. Это положеніе самое безопасное, значительно способствуетъ предотвращенію всякихъ несчастныхъ случайностей и внушаетъ смѣлость конюхамъ, такъ какъ, держась за оглобли, они не рискуютъ тѣмъ, что лошадь сшибетъ ихъ запрягомъ, если почему-либо бросится впередъ.

Здѣсь не лишнимъ считаемъ замѣтить, что до тѣхъ поръ, пока лошадь еще не совсѣмъ привыкла къ упряжи, сѣделку слѣдуетъ класть не близко къ переду, равно какъ не слѣдуетъ подавать къ нему подборщикъ и черезсѣдельникъ. Это нужно дѣлать потому, что молодая лошадь еще не выпотнилась и не подобралась животомъ какъ слѣдуетъ, а потому подпруга съ подборщикомъ на ѣздѣ легко могутъ сдаться къ переду и надѣлать ссадинъ подъ локтемъ, отчего иногда и случается, что лошадь, шедшая покойно, вдругъ безъ всякихъ видимыхъ причинъ начинаетъ беспокоиться, т. е. подбираться и какъ будто возлить. Это замѣчается въ особенности тогда, когда ее приходится принять немножко на возжи. Но можетъ быть и еще хуже, именно въ томъ случаѣ, если лошадь сотретъ одинъ какой-нибудь бокъ; тогда, почувствовавъ въ немъ боль, она не будетъ выносить его какъ слѣдуетъ и станетъ подаваться въ противоположную сторону. Хорошо еще, если наѣздникъ опытный и во-время пойметъ причину неправильнаго постановки въ оглобляхъ лошади; неопытный же, не разобравъ путемъ дѣла, начнетъ выравнивать лошадь возжами и въ концѣ концовъ вывѣритъ кривое веретено.

Нѣкоторые предлагаютъ вязать черезсѣдельни ближе къ переду, находя, что это облегчаетъ плечи. Съ этимъ мы никакъ не можемъ согласиться и такой закладки рѣшительно не допускаемъ для молодой, начинающей лошади, взрослую же и выѣзженную предоставляемъ закладывать всякому по своему вкусу и правиламъ и нисколько не желаемъ входить въ бесполезный споръ объ этомъ предметѣ.

Во время первыхъ закладокъ слѣдуетъ тщательно беречь плечи лошади. Мы предлагаемъ для этого наблюдать, чтобы лошадь передъ ѣздой всегда была тщательно вычищена, а въ особенности плечи, и чтобы оголовокъ былъ немного смазанъ мазью или свинымъ саломъ, для того чтобы кожа хомутины была всегда мягка.

Послѣ же ѣзды совѣтуемъ немедленно смачивать плечи лошади свинцовою примочкой, водкой, смѣшанной съ равнымъ количествомъ уксуса, или просто обтирать мокрою тряпкой. Если лошадь собыетъ плечи или ссаднить ихъ, то она будетъ капризничать и не станетъ принимать, какъ слѣдуетъ, съ мѣста, то-есть или замнется, или приметъ вдругъ, но не пойдетъ вѣрно въ оглобляхъ, въ особенности кобыла (имъ это особенно свойственно). Кромѣ того лошадь можетъ отъ этого завертѣть хвостомъ въ то время, когда ее будутъ заставлятъ плотнѣе вдаться большими плечами въ оголовокъ.

Посадка на дрожжахъ.

Правильность посадки наѣздника на дрожжахъ, когда онъ ѣдетъ на молодой лошади, почти не имѣетъ никакого значенія, и все дѣло тутъ заключается только въ рукахъ. Это не верховая лошадь, обучающаяся высшей школѣ, на которой слѣдуетъ сидѣть по всѣмъ правиламъ искусства, такъ какъ тутъ неправильная посадка можетъ быть причиною неправильнаго хода. Поэтому наѣздникъ на дрожжахъ сидитъ такъ, какъ ему удобнѣе самому и какъ ему лучше и ловчѣе знакомить лошадь съ возжами и съ удилами и ставить на правильный ходъ въ оглобляхъ, т. е. чтобъ она не сдавалась близко ни къ той, ни къ другой сторонѣ, а держалась бы между ними на равномъ разстояніи. Для этого-то и нужно прежде всего поставить вѣрно голову лошади и познакомить послѣднюю съ дѣйствіемъ удилъ на углы разрѣзовъ рта, о чемъ мы будемъ еще имѣть случай говорить впоследствии.

Наѣздникъ тогда позаботится о мастерской посадкѣ на дрожжахъ, когда его лошадь будетъ поставлена имъ на мастерской ходъ рысака; до тѣхъ же поръ онъ совершенно не долженъ думать объ этомъ. Да и гдѣ же можно тутъ сидѣть съ полнымъ наѣздническимъ шикомъ, когда такъ часто приходится то подергать лошадь одною возжей, въ которую она залагаетъ, то потрепать ее другой, чтобъ отстранить отъ оглобли, къ которой она привали-

лась бокомъ, то прищелкнуть языкомъ и наложить слегка обѣ возжи, не позволяя сдавать головы и заставляя хоть немного слушаться возжей,—словомъ, ему приходится иногда, вмѣсто красивой, спокойно позы наѣздника, принимать позу какого-то суетящагося комедіанта.

Всякій, понимающій дѣло, наѣздникъ знаетъ, или по крайней мѣрѣ долженъ знать, что онъ имѣетъ дѣло съ такимъ неучемъ, съ которымъ безъ терпѣнія сойтись трудно, поэтому-то онъ вовсе не заботится о себѣ и, поглощенный всецѣло дѣломъ, не рисуется на дрожжахъ, объѣзжая молодую лошадь, — предоставляя картинность посадки кучеру, къ которому впоследствии перейдетъ въ распоряженіе молодая лошадь, когда ее всему обучать. Руки наѣздникъ не вытягиваетъ впередъ, а держитъ ихъ по локти опущенными. Если лошадь позволяетъ касаться до нея возжами, то наѣздникъ прижимаетъ руки къ корпусу, а если нѣтъ и лошадь еще строга, то держитъ возжи шире. Когда приходится принять лошадь на возжи, то наѣздникъ для этого отодвигаетъ локти рукъ нѣсколько назадъ, а когда надо отпустить возжи, то подаетъ локти впередъ. Такое положеніе рукъ самое удобное для наѣздника, такъ какъ если держать руки вытянутыми, то онѣ скоро устанутъ. Конечно, при заѣздкѣ одной лошади въ рукахъ не можетъ быть замѣчено большой усталости; но если приходится ѣздить на нѣсколькихъ лошадяхъ въ продолженіе 2—3 часовъ безъ перерыва, тогда разница въ положеніи рукъ дѣлается вполне замѣтной и чувствительной для наѣздника и для лошади. Да и кромѣ того, держа руки вытянутыми, легко можно „навѣсить ихъ на возжи“, т. е. безъ надобности натянуть ихъ сильнѣе, чѣмъ бы это слѣдовало. Онѣмѣвшія руки не могутъ отличаться одинаковою равносильностью, а это тоже имѣетъ очень большое вліяніе при заѣздкѣ молодой лошади, такъ какъ если она приметъ возжи, или ее надо будетъ принять на возжи, то наѣздникъ съ такими руками не можетъ сразу придать сильное давленіе возжамъ и ему придется для этого нагнуться назадъ, всѣмъ корпусомъ, на возжахъ, чтобы натянуть ихъ. Руки мастера-наѣздника называются „мягкими“, потому что онъ принимаетъ на возжи лошадь одними только руками, а не движеніемъ всего корпуса, и руки у него такъ эластичны, что онѣ въ одно и то же время принимаютъ и какъ будто отпу-

скаютъ возжи, такъ что при такомъ приѣмѣ плечевой и локтевой мускулы почти одновременно собираются и вытягиваются, какъ самая мягкая пружина.

Взявши въ руки возжи, ихъ слѣдуетъ прижать большимъ пальцемъ къ указательному, такъ какъ при такомъ положеніи возжей наѣздникъ гораздо лучше чувствуетъ, сильно ли тянетъ ихъ лошадь и равномерно ли—какъ одну, такъ и другую. Настоящій наѣздникъ не наматываетъ на руки возжей, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда къ этому его побуждаетъ уже крайняя необходимость, т. е. лошадь понесетъ, или для того, чтобы лучше остановить на проскачкѣ во время призываго состязанія, и т. д. Да и то онъ позволяетъ себѣ дѣлать это съ лошадью уже вполне выработанной, съ молодой же лошадью онъ этого никогда не сдѣлаетъ, такъ какъ если обмотать возжи на рукахъ, тогда трудно будетъ сохранить ту чувствительность, которая такъ необходима для нихъ, и трудно будетъ опредѣлить, какую возжу лошадь тянетъ больше и какую меньше, а отъ этого и выходитъ нерѣдко то, что лошадь стягивается на одну какую-нибудь возжу и сдаетъ на нее голову, оставаясь почти нечувствительной къ другой возжѣ.

Нѣкоторые, а въ томъ числѣ и г. Геніатровъ *), предлагаютъ, чтобы наѣздникъ, при заѣздкѣ молодой лошади, сидя на дрожкахъ, подавался бы корпусомъ въ одну сторону: такъ-сказать избоченивался, чтобы лошадь могла его видѣть однимъ глазомъ. Не знаемъ, для чего могъ бы пригодиться подобный совѣтъ,—молодая лошадь, сдвигая голову то въ одну, то въ другую сторону, и безъ того видитъ очень часто своего неотвязчиваго учителя; а когда ее поставятъ вѣрно и она пойдетъ безъ оглядокъ, тогда наѣздникъ, если ему будетъ это нужно, можетъ видѣть съ дрожжекъ глазъ лошади и ее заставить посмотреть на себя тѣмъ глазомъ, которымъ онъ самъ пожелаетъ, такъ какъ возжи тогда будутъ уже тѣмъ, чѣмъ имъ слѣдуетъ быть, и въ нихъ будутъ заключаться вся сила и весь секретъ правильнаго управленія лошадью.

*) Въ память „Сметанки“.

К о в к а.

До сихъ поръ мы ѣздили на не подкованной лошади, такъ какъ въ подковахъ пока не встрѣчалось надобности: ѣзда производилась по мягкой грунтовой дорогѣ и по нашему деревенскому ипподрому, да и то все болѣе шагомъ, такъ что лошадь наша хорошо оберегла свои ноги и безъ подковъ.

Притомъ подковы, при началѣ заѣздки, могли принести лошади скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, потому что лошадь, не поставленная хорошо и путающаяся еще на ходу, легко могла бы зарубить себѣ подковой ногу. Да и кромѣ того, поднимая подковами переднихъ ногъ грязь и песокъ, она могла бы бросать все это на заднія ноги и потому напугать себя этимъ, отчего *козмила* бы или *кидала* бы задомъ. Для устраненія этого, мы совѣтуемъ послѣ первойковки не сейчасъ закладывать лошадь, а предварительно прогнать ее въ манежѣ, чтобы освоить съ подковами и посмотреть, какое онѣ будутъ имѣть на нее дѣйствіе.

О ковкѣ у насъ было писано довольно много и по этому предмету есть довольно дѣльные сочиненія, изъ коихъ нельзя не указать на сочиненіе г. Гамме—„Руководство къ правильному уходу и обращенію съ лошадьми, 1858 г.“, въ которомъ правилаковки изложены довольно вѣрно и несложно, хотя и по устарѣвшей уже теперь методѣ. Поэтому мы считаемъ совершенно излишнимъ вдаваться въ мельчайшій разборъ подробностей этого процесса, а сдѣлаемъ только нѣсколько практическихъ замѣчаній.

Расчистку копытъ у жеребятъ нужно начинать съ шестимѣсячнаго возраста, а не худо и ранѣе—съ четырехъ или пяти мѣсяцевъ, если въ томъ встрѣтится надобность. Этотъ процессъ, за исключеніемъ очевидной пользы—содержанія въ чистотѣ и въ настоящей формѣ копытъ, имѣетъ еще то значеніе, что лошадь постепенно осваивается съ подаваніемъ ноги и т. п. приемами, съ которыми ей придется свываться во времяковки. Самая жековка производится слѣдующимъ образомъ. Края роговой стѣнки копыта обрѣзаются какъ можно правильнѣе и круглѣе, для того чтобы дать копыту возможно изящную форму и вѣрный поставъ. Опытный

кузнецъ исполняетъ это дѣло самъ, неопытному же слѣдуетъ дать подробныя указанія и все-таки наблюдать за его работой.

Срѣзка съ подошвы должна быть произведена только въ такихъ размѣрахъ, чтобы при постановкѣ нога опиралась на роговой край копыта. Сильной же срѣзки копыта отнюдь не слѣдуетъ дѣлать, такъ какъ это придаетъ ему воронкообразную форму и въ него легче будетъ забиваться всякая нечистота. Срѣзъ копыта дѣлается къ шпорѣ немного больше, чтобы постановъ ноги нѣсколько какъ бы запрокидывался назадъ, отчего точка опоры будетъ вѣрнѣе. Ножики или *расчистку*, смотря по тому, чѣмъ изъ нихъ кузнецъ привыкъ работать, слѣдуетъ держать не косвенно, а совершенно прямо, чтобы не вынуть подошву ниже роговаго края, такъ какъ отъ этого шпора будетъ подвергаться внутрь, а копыто суживаться. Раковину не нужно срѣзать много, а только очистить, потому что срѣзанныя раковины подвергаются гнѣнію, особенно когда лошадь стоитъ на сырой подстилкѣ. При томъ же если будетъ бѣдна раковина, то будетъ бѣдно и копыто, которое получаетъ отъ нея свое питаніе.

П о д к о в ы .

Расчистивъ правильно копыто молодой лошади, кузнецъ долженъ вымѣрить по немъ, какой величины нужно дѣлать подковы. На первый разъ подковы эти дѣлаются безъ переднихъ шиповъ и съ очень низкими задними; онѣ должны быть настолько легкими, чтобы только не прогибались, и по вѣсу вполне соответствовать другъ другу. Тяжелыя же подковы съ шипами тяготятъ лошадь и отъ этого, съ непривычки къ нимъ, у ней дѣлается тяжелая поступь. При первой ковкѣ нельзя очень крѣпко натягивать гвозди, съ цѣлью сильнѣе прижать подкову къ копыту. Все это надо пустить сначала посвободиѣ, а потомъ, когда лошадь попривыкнетъ къ подковамъ, т. е. дня черезъ два, можно будетъ поддерживать. Что же касается до самыхъ подковъ, то слѣдуетъ и на нихъ обратить вниманіе и, прежде чѣмъ позволить ими ковать, нужно

разсмотрѣть: ровны ли ихъ стѣнки по толщинѣ; шире ли онѣ къ зацѣпу; откованъ ли съ передней части на верхъ копыта заворотъ, безъ котораго обивается эта часть; идетъ ли подкова, при равной толщинѣ, уже къ заднему шипу. Кромѣ того слѣдуетъ обратить особое вниманіе на то, вѣрно ли проведена *бороздникомъ* (извѣстный инструментъ) по подковѣ линія, по которой будутъ просѣкаться мѣста для гвоздей и находиться ихъ шляпки. Если эта линія будетъ идти невѣрно съ краями подковы и не на одинаковомъ отъ нихъ разстояніи, тогда и пробойны (диры) для гвоздей просѣкутся не всѣ на одинаковомъ разстояніи, и гвозди, слѣдовательно, тоже неправильно будутъ выходить въ верхъ копыта. При этомъ не худо взглянуть также и на пробойны для гвоздей и помѣрить, по величинѣ ли гвоздей онѣ сдѣланы, и, кромѣ того, вѣрно ли просѣчены. Последнее наблюденіе важно въ томъ отношеніи, что пробойникъ, которымъ высѣкаются дыры для гвоздей, имѣетъ продолговатую четырехъ-угольную форму, а потому если онъ при пробивкѣ будетъ поставленъ нѣсколько криво, то и гвоздь пойдетъ не плашмя, какъ бы это слѣдовало, а въ полу-вывернутомъ направленіи, отчего и будетъ болѣе колоть копыто. Нужно также посмотрѣть, вѣрно ли пробилъ пробойникъ дыры сверху и до низу, т. е. во всю ли высоту подковы, такъ какъ если дыры пробиты въ косвенномъ направленіи—внутрь копыта, то въ такомъ же направленіи должны будутъ идти и гвозди въ копыто, отчего можетъ произойти заковка; а если дыры будутъ пробиты въ косвенномъ направленіи къ наружной сторонѣ копыта, въ такомъ случаѣ гвозди будутъ выходить въ копытѣ очень близко надъ подковой и, слѣдовательно, только немного зацѣплять его, что не можетъ служить ручательствомъ въ прочностиковки. Плохіе или небрежные кузнецы мало заботятся о вѣрномъ пробиваніи дыръ, а пробиваютъ ихъ какъ случится; поэтому послѣ ихъковки гвозди въ копытѣ располагаются нерѣдко—одинъ выскакиваетъ очень высоко, другой очень низко, а то и два гвоздя войдутъ концами въ одно и то же мѣсто копыта. Такаяковка еще допустима для простой лошади, но заводскаго рысака слѣдуетъ, по возможности, предохранить отъ нея.

Г в о з д и.

Приладить какъ можно вѣрнѣе подкову къ копыту, кузнецъ начинаетъ приколачивать ее гвоздями, которые непремѣнно должны быть хорошо отклепаны, т. е. выправлены. Это имѣетъ очень важное значеніе, такъ какъ при ковкѣ лошадей плохо сдѣланными, плѣнистыми, гвоздями можетъ случиться то, что пленки гвоздей, входя подъ ударами молотка въ копыто въ противоположномъ себѣ направленіи, могутъ развѣтвиться, отойти внутрь копыта и этимъ причинить въ немъ занозу. Это можетъ грозить очень опасными послѣдствіями: когда даже замѣтятъ, что лошади больно ногу, и, вслѣдствіе этого, раскуютъ ее, то этимъ все-таки не извлекутъ засѣвшую въ копытѣ пленку, такъ какъ при раскопкѣ она навѣрное отломится совсѣмъ отъ гвоздя. Во избѣжаніе этого, предлагаемъ употреблять самые лучшіе гвозди, называемые англійскими; они имѣютъ клеймо Ю и дѣлятся на три сорта: *шестерикъ*, *семерикъ* и *восьмерикъ*. Самый крупный изъ нихъ—восьмерикъ и самый мелкій—шестерикъ. Дѣленіе это и названія присвоены имъ по величинѣ подковы, которая, само собою разумѣется, должна зависѣть отъ величины копытъ: *шестерикъ* употребляется для подковы въ 6 гвоздей, *семерикъ*—для подковы въ 7 гвоздей и *восьмерикъ*—для подковы въ 8 гвоздей.

Когда кузнецъ вобьетъ два гвоздя—по одному съ каждой стороны—и этимъ нѣсколько подкрѣпитъ подкову, тогда онъ отпускаетъ ногу лошади и даетъ ей встать на нее, для того чтобы ему лучше можно было рассмотреть, плотно ли прилегла подкова къ роговому краю копыта и вѣрно ли стоитъ по шполамъ. Если окажется, что она приходится хорошо, то кузнецъ оканчиваетъ ковку, вбивая остальные гвозди, а если нѣтъ, то тщательно замѣчаетъ, гдѣ и въ чемъ произошла неточность, и, сообразно съ этимъ, передѣлываетъ или подправляетъ подкову. Конечно, не худо и тутъ имѣть наблюденіе за кузнецомъ и осматривать, хорошо ли приходится подкова, такъ какъ часто кузнецы, замѣтя, что подкова прилегла не совсѣмъ вѣрно, стараются, во избѣжаніе ея передѣлки, гвозди съ одной стороны закрѣпить сильнѣе, чѣмъ съ другой, и этимъ нѣсколько выравниваютъ подкову.

Но ясно, что подобнаяковка далеко не прочна, и допускать ее поэтому ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ. Оправлять (отклепывать) гвозди кузнецъ долженъ также съ полною тщательностью и ему слѣдуетъ отклепать ихъ такимъ образомъ, чтобы одна сторона была заострена въ нѣсколько полусогнутомъ видѣ, для того чтобы при вбиваніи гвоздь шелъ этимъ бокомъ именно къ роговой стѣнкѣ копыта, а не внутрь его. При такомъ выгибаніи гвоздей кузнецъ обращаетъ вниманіе на ихъ шляпки и, сообразуясь съ ними, дѣлаетъ выгибъ. Шляпки подковныхъ гвоздей по большей части отрубаются не прямо, а косвенно, такъ что у нихъ одна сторона бываетъ выше другой, а потому и выгибъ гвозди кузнецъ долженъ дѣлать на ту сторону, къ которой шляпка гвоздя выше, отчего при вбиваніи гвоздя, который идетъ, какъ извѣстно, въ косвенномъ направленіи, удары молотка будутъ приходиться равномерно по всей шляпкѣ и вѣрнѣе вколачивать гвоздь. Безъ соблюденія этой, повидимому ничтожной, предосторожности, равно какъ и въ томъ случаѣ, когда кузнецъ погнетъ гвоздь на ту сторону шляпки, съ которой она срѣзана ниже,—при заколачиваніи гвоздя ударъ молоткомъ будетъ сообщаться только высокому краю шляпки, отчего гвоздь будетъ садиться, такъ что его придется замѣнять новымъ.

Перековка лошадей должна производиться по мѣрѣ надобности и никакихъ сроковъ для этого назначить невозможно, такъ какъ частая или рѣдкая необходимость въ перековкахъ зависитъ отъ многихъ причинъ и условій. Такъ, напр., у одной лошади копыто отростаетъ скорѣе, а у другой медленнѣе; одна лошадь, по устройству своего хода, скорѣе сбиваетъ повкову, другая же носить ее легче; одна ѣздитъ черезъ два дня по три версты, другая—каждый день по пятнадцати; одна ѣздитъ по шоссеинымъ дорогамъ, а другая по грунтовымъ, и т. д. Наконецъ, погода и время года тоже имѣютъ вліяніе и на копыта, и на подковы. Существуетъ, впрочемъ, у нѣкоторыхъ отохниковъ убѣжденіе, что лошадей слѣдуетъ перековывать черезъ шесть недѣль; но убѣжденіе это ровно ни на чемъ не основано и очень явно опровергается приведенными выше соображеніями. Во всякомъ случаѣ, ни одинъ хорошо знакомый съ дѣломъ коннозаводчикъ или смотритель завода не позволятъ безъ надобности перековывать лошадей; если же въ этомъ представится

дѣйствительная надобность, то не будутъ дожидаться наступленія извѣстнаго срока, а постараются исполнить это дѣло безотлагательно, хотя бы со дня послѣдней перековки и не истекло еще шести недѣль. Итакъ, несравненно цѣлесообразнѣе, вмѣсто того, чтобы тратить время на записываніе сроковъ для перековки, употреблять его на болѣе тщательный надзоръ за состояніемъ копытъ и подковъ.

Общія понятія о ковкѣ.

Какъ только всѣ гвозди будутъ вбиты, кузнецъ долженъ сію же минуту загнуть молоткомъ вышедшіе наружу копыта концы ихъ. Такая безотлагательность нужна въ виду того обстоятельства, что лошадь можетъ внезапно вырвать ногу изъ рукъ кузнеца и торчащими концами гвоздей поранить себя или его. Затѣмъ, предохранивъ себя и лошадь отъ этой случайности, кузнецъ около каждаго гвоздя, при помощи обсѣчки, дѣлаетъ гнѣздо (мѣсто) для *барашки*. Потомъ беретъ въ клещи концы гвоздей, тянетъ ихъ на себя, какъ бы для того, чтобы втащить гвоздь еще плотнѣе, и затѣмъ, перехвативъ клещами гвозди еще ближе къ копыту, отвертываетъ концы ихъ. Когда это будетъ исполнено, кузнецъ подкладываетъ подъ каждый конецъ отвернутаго гвоздя (барашка) рашпиль, обухъ обсѣчки, или что-либо подобное, еще разъ ударяетъ по каждому гвоздю и начинаетъ загибать барашки, дѣлая по концамъ гвоздей легкій ударъ молоткомъ и въ то же время придерживая шляпки ихъ клещами, для того, чтобы подъ этимъ ударомъ гвозди не подались назадъ. Когда всѣ барашки будутъ загнуты, кузнецъ начинаетъ оправлять и опиливать ихъ рашпилемъ, также какъ и самый край рога, къ которому прилегаетъ подкова. Нѣкоторые кузнецы, желая показать вполнѣ свое искусство и „чистоту въ отдѣлкѣ“, принимаютъ встати оправлять и опиливать рашпилемъ все копыто; но допускать этого отнюдь не слѣдуетъ, такъ какъ такой опилкой они снимаютъ съ копыта самый вѣрный слой (глазурь), отчего впослѣдствіи копыто приметъ шороховатый

видъ, сдѣлается болѣе хрупкимъ и, вообще, не будетъ вѣрнымъ красивымъ и лоснящимся.

Гвозди слѣдуетъ вбивать такъ, чтобы они не выходили близко къ краю копыта, а по возможности выше, такъ какъ въ первомъ случаѣ будетъ требоваться частая перековка; кромѣ того, если гвозди выходятъ близко къ краю копыта, то отъ этого можетъ обкалываться и самый край, такъ что копыто съ каждымъ разомъ будетъ все болѣе и болѣе уменьшаться.

Многіе боятся высоко вбивать въ копыто гвозди, предполагая, что отъ этого можетъ произойти заковка; но подобное опасеніе совершенно неосновательно, такъ какъ при правильно пробитыхъ въ подковѣ дырахъ и при правильномъ копытѣ ничего подобнаго случиться не можетъ, особенно если куютъ хорошими, тщательно отклепанными гвоздями. Ясно, что при подобныхъ условіяхъ о заковкѣ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ всѣ гвозди пойдутъ совершенно правильно. При сжатомъ же (босомъ), грибоватомъ и тому подобныхъ копытахъ, кузнецъ долженъ сообразовать ковку съ ихъ устройствомъ и особенностями и согласно съ ними ладить подкову, — тутъ разумѣется, онъ вбиваетъ гвозди уже не такъ смѣло, какъ въ правильное копыто. Встрѣчаются иногда и такіа уродливыя копыта, къ которымъ кузнецъ не знаетъ какъ лучше приладить подкову и куда пропускать гвозди; въ такихъ случаяхъ онъ, не полагаясь на „авось“, долженъ прибѣгнуть къ совѣту опытнаго ветеринара.

Постановка на вѣрный шагъ.

Всѣ ѣздоки при выѣздкѣ лошадей руководствуются однимъ и тѣмъ же общимъ желаніемъ — *поставить лошадь на вѣрную рысь*, такъ этотъ результатъ составляетъ конечную цѣль выѣздки. Достигать подобнаго результата всякій ѣздокъ долженъ, однако, съ полнымъ хладнокровіемъ и постепенностью, а не съ излишнею поспѣшностью, всегда вредною въ этомъ дѣлѣ. Поэтому, прежде чѣмъ начать постановку лошади на правильную рысь, необходимо по-

ставить ее на вѣрный шагъ, такъ какъ безъ вѣрнаго шага не можетъ быть и вѣрной рыси.

Въ первое время выѣздки лошадь идетъ невѣрно—какъ шагомъ, такъ и рысью, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока она не пойметъ, что возжи—бразды ея правленія. Съ шага она часто срывается на рысь, съ рыси переходитъ на шагъ, или начинаетъ галопировать, не будучи принуждаема къ тому возжами, а дѣлая все это единственно только въ силу инстинкта, по которому она, при избыткѣ силъ, почувствовала свое предназначеніе—быть передвижною машиною, но не умѣетъ еще правильно воспользоваться этимъ предназначеніемъ. Чтобы достигнуть этого, наѣзднику пужно вооружиться терпѣніемъ, и терпѣніемъ твердымъ. Онъ не долженъ особенно сильно увлекаться успѣшнымъ ходомъ дѣла и случайными, безотчетными, движеніями лошади, которая иногда довольно скоро начинаетъ идти рысью и, по временамъ, даже удовлетворительно и смѣло. Онъ отнюдь не долженъ придавать особенную важность всѣмъ этимъ движеніямъ и еще менѣе относить ихъ къ необычайной понятливости лошади и т. д., а напротивъ—смотрѣть на все это какъ на случайность, даже какъ на ошибку, сдѣланную лошадью, и разъ навсегда усвоить себѣ правило—не требовать отъ лошади исполненія того, чему онъ еще не училъ ее. Итакъ, если лошадь, не поставленная еще на вѣрный шагъ, и пройдетъ нѣкоторое пространство правильною рысью, наѣзднику не слѣдуетъ увлекаться этимъ, не начинать выработку правильной рыси, а слѣдуетъ заняться прежде вывѣркой шага. Ѣздя шагомъ, конечно, можно допустить, чтобы лошадь проходила небольшія разстоянія и рысью, особенно если лошадь сама пожелаетъ перейти съ шага на рысь; но только на рыси ее слѣдуетъ держать столько времени, сколько она сама пожелаетъ, понуждать же и выбивать ее изъ духа отнюдь не слѣдуетъ, такъ какъ если лошадь идетъ рысью съ полной охотой, то идетъ, по большей части, всегда правильно. Кромѣ того, когда лошадь сама охотно становится на рысь, то становится всегда съ правильнаго и энергичнаго шага, который она невольно усваиваетъ себѣ, будучи не изнуренной, а потому и на рыси идетъ правильно и держитъ корпусъ во время бѣга вѣрно.

Вывѣряя шагъ лошади, необходимо обращать вниманіе на слѣ-

дующее: вѣрно ли несетъ она голову, т. е. не сдаетъ ли ее направо или налево; не держится ли корпусомъ ближе къ одной оглоблѣ, чѣмъ къ другой; при ѣздѣ по прямому направленію вѣрно ли идетъ задними ногами противъ переднихъ, и если окажется, что заднія ноги идутъ шире переднихъ, то на одинаковое ли разстояніе обѣ заднія ноги отступаютъ съ линіи переднихъ въ поле.

Если лошадь, при равносильномъ давленіи возжей, невѣрно несетъ голову и сдаетъ ее на одну какую-нибудь сторону, то это происходитъ отъ того, что чувствительность рта къ возжамъ развита у ней болѣе въ той сторонѣ, на которую она сдаетъ голову. Отъ такого неправильнаго постановки головы ея корпусъ тоже сдается ближе къ оглоблѣ. Если лошадь сдаетъ, напр., голову направо, то корпусъ подвигается ближе къ лѣвой оглоблѣ, и наоборотъ. Отъ невѣрнаго же постановки корпуса, въ свою очередь, не могутъ вѣрно идти съ передними и заднія ноги лошади: если голова лошади сдана на правую сторону, то этимъ, слѣдовательно, укороченъ шагъ обѣихъ ногъ праваго бока, и задняя правая нога, вслѣдствіе этого, не занимаетъ такого же пространства относительно линіи переднихъ ногъ, а держится болѣе или менѣе надъ корпусомъ, такъ что если смотрѣть на лошадь съ дрожекъ, то кажется, что ея задняя правая нога ступаетъ между передними.

Для постановки съ такого хода на вѣрный, наѣздникъ долженъ (если голова лошади сдана направо) пустить свободнѣе правую возжу и дать лошади болѣе почувствовать давленіе лѣвой возжи. Это дѣлается такъ: лѣвою възжей начинаютъ слегка подергивать, и если лошадь терпитъ это и не бросается на рысь, то подергиваніе можно усиливать; кромѣ того, слѣдуетъ отводить эту же возжей лѣвый бокъ лошади отъ оглобли и, какъ только это начнетъ удаваться и лошадь станетъ прямо, слѣдуетъ уравнивать обѣ возжи. Разработавъ отчетливо вѣрный шагъ, можно заняться и рысью. Но прежде, чѣмъ приступить къ этому, необходимо сначала привести въ болѣе чувствительное состояніе разрѣзъ рта лошади и произвести нажевъ.

Чувствительность рта и нажевъ.

Послѣ того, какъ удастся мало-по-малу выработать у лошади вѣрный шагъ и она пойдетъ въ оглобляхъ вполне правильно, можно будетъ начинать подъемъ лошади съ такого шага на размажку, т. е. на свободную рысь, безъ всякаго принужденія. Очень полезно, если, во время упражненій въ усовершенствованіи шага и при упражненіяхъ въ этой свободной рыси, наѣздникъ позаботится развить во рту лошади, при помощи возжей, большую чувствительность къ нимъ и произвести нажевъ. Многие не считаютъ нужной эту предварительную подготовку и откладываютъ ее на неопредѣленное время, говоря, что все это придетъ само собою, когда *будутъ большіе пзды на лошади*. Вполнѣ вѣрно, что, при частой ѣздѣ, частыхъ поворотахъ, посылахъ на рысь и т. п., можетъ, и то не скоро, развиться чувствительность во рту лошади, но, за то, развившись случайно, она случайно же можетъ и исчезнуть, и тогда лошадь или затянется на возжахъ, или стянется въ одну сторону, чего никакъ не можетъ случиться, если мы заранѣе займемся лошадью и сдѣлаемъ ее легкой на возжахъ и послушной, такъ какъ намъ уже рѣже придется впоследствии брать ее на возжи, а слѣдовательно и рѣже представятся случаи затянуть ее или стянуть на одну сторону. Вообще было замѣчено, что лошади, постоянно сохраняющія нажевъ, не только въ высшей степени чувствительны къ возжамъ и отвѣчаютъ на нихъ легко и свободно, но и что, вслѣдствіе этой чувствительности, у нихъ лучше отрабатывается ганащъ и дѣлается болѣе эластичнымъ.

Приступая къ этому дѣлу, прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, не низко ли, при закладываніи лошади, кладутся ей въ ротъ удила и не держатся ли они, вслѣдствіе этого, на беззубомъ краѣ нижней челюсти, между клыковъ и рѣзцовыхъ зубовъ, или не держитъ ли ихъ лошадь подъ языкомъ. Если наѣздникъ замѣтитъ то или другое, то долженъ немедленно поправить и указать конюхамъ на ошибку; а если все сдѣлано какъ слѣдуетъ, то, выхавъ изъ сарая, онъ ѣдетъ шагомъ и при каждомъ шагѣ лошади, какъ бы вторя ему, слегка подергиваетъ обѣими возжами

и не даетъ такимъ образомъ удиламъ лежать покойно въ углу разрѣза рта, отчего на этомъ мѣстѣ они производятъ треніе, отъ котораго утончается или совсѣмъ слѣзаетъ кожица и даже является ссадина красноватаго цвѣта, и лошадь тогда дѣлается болѣе чувствительной къ давленію какъ обѣихъ возжей, такъ и каждой изъ нихъ порознь при поворотахъ. вмѣстѣ съ такой чувствительностью появляется и *нажевъ* (сырость рта—пѣна), который, въ свою очередь, также развиваетъ во рту чувствительность и постоянно поддерживаетъ ее. Опытный наѣздникъ всѣми мѣрами старается сохранить эту чувствительность, такъ какъ безъ нея лошадь не будетъ такъ хорошо, какъ бы ему хотѣлось, отвѣчать на возжи и слушаться ихъ.

У д и л а.

Сортовъ удили чрезвычайно много: прямые, граненые, двойные, съ шариками, витые, съ лопаткой на срединѣ—въ предохраненіе отъ того, чтобы лошадь не держала ихъ подъ языкомъ, и т. д. Всякій наѣздникъ и вучеръ выбираютъ сорта, болѣе, по ихъ мнѣнію, подходящіе къ извѣстной лошади и къ извѣстнымъ цѣлямъ. Но мы отнюдь не советуемъ при выѣздкѣ лошади „мудрствовать лукаво“ и прибѣгать къ различнымъ фокуснымъ удиламъ, а предлагаемъ взять простыя (дутыя) удила, да на нихъ и выѣзжать. При этомъ советуемъ еще наблюсти, чтобы такія удила были поправѣ и не сжимали бы сильно рта, то-есть, другими словами, выбрать *мякія удила*. Такія удила слѣдуетъ предпочесть потому, что если у лошади хорошо развита чувствительность рта, то она будетъ отлично слушаться такихъ удилиъ, а между тѣмъ на нихъ мы никогда не затынемъ ее. Перемѣну удилиъ мы не считаемъ дѣломъ важнымъ и полезнымъ и главнымъ образомъ потому, что такая перемѣна оказываетъ на лошадь только временное дѣйствіе, а не постоянное. Положимъ, что, напр., лошадь не особенно чувствительная къ возжамъ, когда перемѣнять удила толстыя на тонкія, будетъ ощущать ихъ сильнѣе и сдѣлается легче на воз-

жахъ, и наоборотъ лошадь, ѣзжанная на тонкихъ удилахъ, будетъ крѣиче и сильнѣе тянуть толстыя,—но вся эта разница будетъ замѣчаться не болѣе какъ на двухъ или на трехъ проѣздахъ, а потомъ лошадь привыкнетъ. Безчувственная къ удиламъ опять начнетъ тянуть и строгія и, пожалуй, еще хуже затынется въ нихъ; а слабомордая, которая не принимала строгихъ удилъ, свыкнется и съ мягкими. Волей-неволей, а приходится согласиться, что удилъ мѣнять вовсе не нужно, такъ какъ все дѣло не въ нихъ, а въ томъ, чтобъ какъ можно лучше разработать чувствительность рта лошади и вполне хорошо освоить ее съ возжами и ихъ значеніемъ—разъ такая фундаментальная подготовка будетъ сдѣлана добросовѣстно, тогда навѣрно не придется прибѣгать къ различнымъ фокуснымъ удиламъ. Но бываютъ случаи, въ особенности когда какой-нибудь неоперившійся путемъ *слеточекъ* наѣздникъ начнетъ слишкомъ сильно мытарить вѣренную ему лошадь и, съ цѣлью показать свое искусство, будетъ выравнивать ее въ быстротѣ со старыми лошадьми и тѣмъ быстро затынетъ ее въ возжахъ; тогда, отъ этихъ чрезмѣрныхъ упражненій, вмѣсто утонченія кожи, у лошадей образуется утолщеніе и даже появляется опухоль въ видѣ сухаго мозоля, вслѣдствіе чего она и затыгивается на одну или даже на обѣ возжи. Вотъ въ такомъ-то случаѣ, чтобы возстановить необходимую чувствительность, необходимо бываетъ, несмотря на всю нежелательность подобной мѣры, прибѣгнуть къ другимъ удиламъ. Для уничтоженія подобнаго омертвѣнія угловъ рта, самое лучшее—устроить бичевочныя удила, которыя дѣлаются такимъ образомъ: тонкую бичевку свиваютъ четверо, столбцомъ, изъ нея дѣлаютъ удила, но нѣсколько короче дутыхъ, и этими новыми удилами, вмѣстѣ со старыми, взнуздываютъ лошадь. Этимъ достигается то, что старыя удила помѣшаютъ новымъ, болѣе острымъ, рѣзать сильно ротъ лошади; но послѣднія все-таки будутъ тереться во рту и, снимая постепенно мозоль, произведутъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нажевъ. Если же бичевочныя удила обвалить въ соли, тогда дѣйствіе ихъ будетъ еще лучше. Наѣздникъ, приказавшій взнуздывать такимъ образомъ лошадь, долженъ помнить, что онъ ѣдетъ теперь на болѣе строгихъ удилахъ, поэтому ему слѣдуетъ обходиться съ лошадью хладнокровнѣе и осторожнѣе принимать ее на возжи при остановкахъ, при поворотахъ, при постановкѣ со сбоя на рысь и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ.

Предосторожность эта необходима потому, что если на строгихъ удилахъ лошадь позатынется, приметъ ихъ сильно или, что еще хуже, протащитъ на нихъ хоть немного на сбоѣ, то впослѣдствіи она совсѣмъ не будетъ уважать мягкихъ, дутыхъ, удилъ—и тогда уже „пиши пропало“. Если, вдобавокъ, лошадь на строгихъ удилахъ протащитъ сильнаго наѣздника, то малосильному послѣ этого съ ней будетъ трудно справиться и придется прибѣгать къ мѣшкотной и трудной работѣ, которая должна быть употреблена на то, чтобы постепенно вновь спустить лошадь съ затынутыхъ возжей на свободныя. Вотъ, во избѣжаніе-то подобныхъ случаевъ, опытный наѣздникъ и старается всѣми мѣрами сохранить чувствительность къ возжамъ во рту лошади, для чего и избѣгаетъ, безъ крайней необходимости, брать лошадь сильно на возжи.

Если же лошадь будетъ затынута на одну только возжу, а, вслѣдствіе этого, другая будетъ вполне свободна, то ясно, что тутъ задача наѣздника состоитъ въ томъ, чтобы возбудить въ лошади чувствительность къ затынутой возжѣ и уравнивать ее съ свободною возжей, которая не могла быть натянута правильно безъ поворота головы лошади при другой затынутой возжѣ. Для этого наѣздникъ долженъ поступать точно такъ же, какъ онъ поступалъ—вывѣряя шагъ лошади; но разница только въ томъ, что тогда онъ имѣлъ дѣло съ только-что начинающею лошадью, теперь же—съ болѣе опытной, а потому и долженъ дѣлать упражненія съ ней съ большею строгостью и взыскательностью. Въ первомъ случаѣ онъ только вывѣрялъ возжи, теперь же, если можно такъ выразиться, *отрабатываетъ* возжу, и отрабатываетъ вполне энергично. Сидя на дрожкахъ, наѣздникъ непрестанно теребитъ затынутую возжу, стараясь этимъ пробудить чувствительность къ ней въ углу рта лошади. Если же это не удастся и если окажется, что лошадь залегла такъ сильно въ эту возжу, что не сдаетъ на нее головы, тогда придется поступать такимъ образомъ: ѣзда по прямому направленію, слѣдуетъ дѣлать какъ можно чаще полуповороты на свободную возжу, что лошадь будетъ исполнять безъ всякихъ затрудненій, такъ какъ на этой возжѣ она не затынута. Когда, послѣ нѣсколькихъ такихъ фальшивыхъ поворотовъ, лошадь привыкнетъ къ нимъ и начнетъ все сильнѣе и сильнѣе сдавать, на свободную возжу, голову и корпусъ, то наѣзднику слѣдуетъ

приготовиться и въ одинъ изъ такихъ полуповоротовъ, когда лошадь сдала голову на свободную возжу, сразу и крѣпко принять затянутую возжу. Отъ такого сильнаго и печальнаго давленія лошадь быстро рванется впередъ, сдастъ голову и корпусъ, а между тѣмъ омертвѣвшему углу разрѣза рта придется вынести сильный толчекъ. Послѣ этого нѣсколько жестокаго маневра слѣдуетъ дать лошади успокоиться и потомъ опять сдѣлать тоже самое. Это надо повторять до тѣхъ поръ, пока возстановится чувствительность къ затянутой возжѣ, и голова лошади, какъ выражаются наѣздники, *будетъ отвернута*. Конечно, хорошо бы избѣжать, при выѣздѣ лошади, употребленія подобныхъ маневровъ; впрочемъ, у опытныхъ наѣздниковъ въ нихъ не встрѣчается надобности, неопытнымъ же и неумѣлымъ—слѣдуетъ поучиться.

П о в о р о т ы .

На всякомъ ипподромѣ, какъ извѣстно, бываетъ два поворота, во время которыхъ лошадь должна измѣнить тотъ ходъ, которымъ она шла по прямой линіи, и усвоить другіе приемы. Поэтому работа лошади на поворотахъ должна быть предметомъ особыхъ упражненій. Многіе находятъ это дѣломъ очень легкимъ, на которое, будто, не стоитъ обращать серьезнаго вниманія; но мы никакъ не можемъ стать на ихъ точку зрѣнія относительно этого. Лошадь, привыкшая ѣхать по прямой линіи, видитъ передъ собой перспективу дороги; подѣзжая же на размахѣ къ повороту, она вдругъ теряетъ ее, отчего невольно начинаетъ всматриваться и какъ бы робѣть, не зная, куда ей приходится бѣжать. Замѣтя это, ѣздокъ немного сдерживаетъ ее и начинаетъ въѣзжать въ поворотъ на нѣсколько принятыхъ возжахъ; между тѣмъ лошадь съ непривычки неохотно входитъ въ поворотъ, и ее надо одною возжей посылать, для того чтобы втащить туда, а отъ этого положеніе корпуса лошади измѣняется, удила стаскиваются на одну сторону, отчего и голова лошади можетъ также сдаться на эту сторону. Во избѣжаніе такого, слишкомъ сильнаго, поворота головы,

мы совѣтуемъ отзывать ее немного другой, нѣсколько ослабленной при поворотѣ, возжей съ поворотной стороны и вмѣстѣ съ тѣмъ этою же возжей слѣдуетъ нагонять, чтобы корпусъ подавался въ поворотъ. Если лошадь требуетъ уже правильной проѣздки, то мы совѣтуемъ, для скорѣйшаго приученія ея къ поворотамъ, мѣнять какъ можно чаще ихъ направленіе, т. е. въ одну проѣздку дѣлать направо, а въ слѣдующую — налево, и т. д., или по заѣзду направо и налево. Въѣзжая изъ каждаго поворота на прямую дорогу, нужно слегка передернуть возжи, для того во-первыхъ, чтобы послать лошадь, а во-вторыхъ для того, чтобы поправить стянущіяся на одну сторону, на поворотѣ, удила и положить ихъ вѣрно на свое мѣсто. Когда лошадь хорошо привыкнетъ къ поворотамъ и будетъ вполне свободно входить въ нихъ и выходить оттуда, тогда для наѣздника откроется еще новая работа. Лошадь, во время ѣзды освоившаяся съ поворотами, подѣзжая къ нимъ, спѣшитъ скорѣе войти въ нихъ, отчего и подается слишкомъ круто, какъ говорится—*валится на поворотъ*, а выходя изъ него—сдастъ голову въ противоположную къ повороту сторону, такъ что ѣздоку теперь приходится не втаскивать лошадь въ поворотъ, какъ это онъ дѣлалъ прежде, а напротивъ — отводить отъ него. Отъ такого условія голова лошади еще болѣе сдается на отводящую отъ крутости поворота возжу, корпусъ сгибается и ходъ укорачивается. Бокъ, идущій въ поле, отъ этого задерживается, а идущій къ повороту—сильно освобождается. Благодаря столь естественному положенію, выходя изъ поворота, лошадь легко можетъ перейти на галопъ. Особенно трудно управляться на этихъ поворотахъ съ лошадьми лапистыми и съ растянутымъ ходомъ. Во избѣжаніе всѣхъ этихъ затрудненій, мы совѣтуемъ поступать такимъ образомъ. Въѣзжая, на хорошо узнавшей повороты лошади, напр. въ поворотъ налево, слѣдуетъ принять немного лѣвую возжу, такъ чтобы ѣздоку былъ видѣнъ только лѣвый глазъ лошади,—и этимъ задерживается, слѣдовательно, лѣвый бокъ; когда же съ полуповорота она будетъ подаваться корпусомъ налево, а голову сдавать направо, то корпусъ ея все-таки не на столько измѣнитъ положеніе и не такъ укоротится ходъ, какъ бы это было тогда, когда мы не предостерегли бы ее отъ этого. Если съ лошадью хорошо займутся поворотами и она вполне привыкнетъ къ

нимъ, тогда во время ихъ она будетъ терять очень немного быстроты своего хода.

К о л ь ц а.

При закладкѣ лошади, постановка колецъ играетъ очень важную роль и имѣетъ большое вліяніе какъ на правильный постановъ головы, такъ и на ходъ лошади. Они вяжутся выше или ниже, смотря по постанову шей лошади, по вышиѣ холочной части и движенію всего переда. Опытный наѣздникъ обращаетъ самое серьезное вниманіе на подвязку колецъ, и если ошибется, то только при первой закладкѣ; когда же онъ проѣдетъ на лошади, то сейчасъ же узнаетъ, въ чемъ состоитъ его ошибка и какъ слѣдуетъ подвязать кольца. Во время ѣзды очень ясно замѣтно, если кольца подвязаны не-соотвѣтственно съ устройствомъ корпуса или съ постановомъ шей, равно какъ видно и то, какое дѣйствіе оказываютъ, на рыси, продѣтѣи черезъ кольца возжи на постановъ головы лошади, т. е. тянутъ ли ее внизъ, или приподнимаютъ вверхъ. Сообразуясь съ этимъ, наѣздникъ дѣлаетъ соотвѣтственныя измѣненія въ вязкѣ колецъ, стараясь этимъ, смотря по надобности, опустить передній ходъ лошади или приподнять его. Если же лошадь идетъ правильно всѣмъ корпусомъ и безъ всякаго мастерства со стороны наѣздника, такъ что кольцами тутъ уже нечего исправлять, тогда наѣздникъ, при вязаніи колецъ, долженъ заботиться только о томъ, чтобы не помѣшать, ихъ неловкой привязкой, такому ходу лошади и чтобы не сбить правильнаго положенія корпуса. Въ этомъ случаѣ кольца слѣдуетъ вязать такъ, чтобы линія возжей была совершенно прямая. Конечно, подобные случаи столь простаго и безыскусственнаго вязанія колецъ представляются очень рѣдко, по большей же части приходится прибѣгать въ этомъ дѣлѣ къ искусству и только при помощи его можно выровнять ходъ и корпусъ лошади. Положительныхъ и общихъ правилъ для всѣхъ лошадей относительно вязанія колецъ быть не можетъ, такъ какъ природа, надѣливъ рысаковъ быстрыми движеніями, не одарила ихъ одинаково-вѣрнымъ

и пропорціональнымъ сложеніемъ, постановомъ головы, шей и одинаковымъ вѣрнымъ ходомъ. Еслибъ это было не такъ устроено и всѣ лошади рождались бы съ одинаковымъ складомъ и были одарены, вмѣстѣ съ быстротой движенія, также и вѣрнымъ ходомъ, тогда намъ нечему было бы ихъ и учить, а оставалось бы только заложить ихъ, сѣсть на дрожки и ѣхать. Но, какъ мы видимъ, не всѣ лошади и не у всѣхъ ѣздоковъ идутъ правильно и вѣрнымъ ходомъ, поэтому достиженіе того и другаго должно составлять для ѣздока предметъ особыхъ трудовъ и даже искусства, которое познается имъ при помощи практики. Намъ остается высказать только общія замѣчанія по этому дѣлу.

Если, при закладкѣ лошади съ высокопоставленной, длинной шеей (лебединой), подвязать кольца низко, то понятно, что тогда возжи не могутъ имѣть прямой линіи во всю длину, потому что отъ колецъ къ удиламъ онѣ должны пойти выше; вслѣдствіе же такой неправильности ганащъ молодой лошади, плохо еще понимающей возжи, будетъ подбираться, между тѣмъ какъ намъ слѣдуетъ добиваться того, чтобы онъ отдѣлился, а не подбирался, такъ какъ подобранный ганащъ препятствуетъ свободному дыханію лошади, да и кромѣ того можно опасаться, что при подобранномъ ганащѣ у лошади можно будетъ *собрать ходъ* и что у ней испортится положеніе корпуса на столько, что она будетъ походить болѣе на верховую лошадь, чѣмъ на рысака. Лошади съ высокою холочной частью (высокимъ передомъ) и короткою шеей почти всегда бываютъ съ низкими задами и ходомъ, который какъ бы напоминаетъ тотъ ходъ, которымъ идетъ лошадь на гору *). По такому устройству хода слѣдовало бы, какъ кажется, вязать ей кольца ниже, для того чтобы спустить ходъ переда; но если посмотреть съ дрожекъ, какъ идетъ верхняя линія корпуса и какъ идутъ возжи отъ рукъ наѣздника, при низкихъ кольцахъ, къ удиламъ, тогда намъ придется убѣдиться, что мы подобною вязкою колецъ перефасониваемъ природный складъ лошади и ея корпуса и приносимъ въ пользу красоты хода природную свободу движеній,

*) Когда описанная нами лошадь будетъ хорошо выѣзжена и приметъ возжи, когда у ней отдѣлится ганащъ, тогда она сама постепенно будетъ выносить передъ и ходъ ея спустится ниже (сброситъ ходъ на низъ),—тогда она сама покажетъ, что кольца можно вязать ниже. Н. Т.

а слѣдовательно—и быстроту. Чтобы избѣжать всего этого, мы позволимъ посовѣтовать, для передѣлки хода такой лошади, на сколько это возможно, давать ей почаще дѣлать проскачки: этимъ мы не будемъ передѣлывать постановъ корпуса, а только спустимъ ходъ передъ и поднимемъ ходъ зада. Всего этого можно достигнуть, если только благоразумно обращаться съ лошадыю при сбояхъ. Если лошадь, какъ выражаются, *лежитъ на передѣ*, что происходитъ частью отъ устройства плечъ, а частью отъ того, что лошадь еще не вымахалась, то у такихъ лошадей, по большей части, при слабомъ передѣ всегда бываетъ сильно развитъ задъ, передъ же держится на ходу такъ, какъ будто онъ постоянно готовится къ останову. Для такой лошади, по ея ходу и по постанову корпуса, слѣдуетъ вязать кольца въ полхомута и даже выше. Такъ какъ у такой лошади плечевые шарниры отъ локтя до колѣна не имѣютъ правильнаго свободнаго движенія, то и тутъ слѣдовало бы поднять и развитъ передъ проскачками. Но мы боимся предложить подобную мѣру въ виду того обстоятельства (что, при сильномъ задѣ, легко можетъ случиться), что на проскачкахъ поставимъ его еще ближе къ передѣ, отчего заднія ноги, на рыси, будутъ заходить далеко въ поле за линію переднихъ ногъ и нерѣдко, въ особенности на поворотахъ, лошадь будетъ забивать передними ногами бабки заднихъ ногъ. Чтобы избѣгнуть этого, мы считаемъ за лучшее такой лошади давать проскачки въ манежѣ, гдѣ ее слѣдуетъ гонять на свободномъ кордѣ и почаще поднимать ея голову. Если же проскачку хотятъ дать непременно въ дрожкахъ, тогда въ тактъ скачковъ лошади, т. е. при каждомъ взмахѣ, слѣдуетъ брать ее на возжи и сейчасъ же отпускать. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы передъ лошади нѣсколько дольше держался на воздухѣ. Скакать же такой лошади нужно какъ можно сильнѣе, послѣ проскачки слѣдуетъ постараться сейчасъ же спускать ее съ возжей и не затягивать, а если лошадь допускаетъ и не сердится, то можно дать ей возжами легкій толчокъ (какъ при выработкѣ шага), вслѣдствіе чего она отдѣлитъ ганахъ и кинется впередъ, какъ будто сорвется съ возжей, и при этомъ переднія ея ноги выступятъ несравненно правильнѣе, т. е. дальше впередъ. Выше мы сказали, что послѣ проскачки отнюдь не слѣдуетъ задерживать на возжахъ лошадей съ сильно развитымъ ходомъ зада и не затяги-

вать ихъ. Это дѣлается въ виду того обстоятельства, что лошади съ такимъ ходомъ, при низкомъ ходѣ передъ, когда ихъ заставляютъ принять возжи, стараются отъ этого еще больше дать напоръ задѣ. Это зависитъ отъ того, что если сильно принять возжи, тогда лошадь съ низкимъ передомъ, навѣрное, постарается налечь на нихъ и какъ бы повиснуть, отчего ходъ передъ укоротится еще сильнѣе, а ходъ зада до того усилится, что заднія ноги не будутъ знать, куда имъ дѣваться. Вообще эти лошади принимаютъ возжи иначе, нежели лошади на высокомъ и даже на стелющемся ходу *), а отъ этого выходятъ и иные результаты.

Если лошадь *крутитъ передъ*, т. е. высоко поднимаетъ на ходу переднія ноги, въ такомъ случаѣ кольца слѣдуетъ вязать низко, къ самымъ гужамъ; но при этомъ нужно слѣдить за тѣмъ, чтобы не подобрать ганаха и не затянуть лошади на возжи. Безъ этой предосторожности, при подобномъ вязаніи колець, легко можетъ случиться, что на томъ мѣстѣ, гдѣ отдѣляется ганахъ, появятся какія-то продолговатыя железы, обыкновенно называемыя початками, которыя будутъ препятствовать свободному дыханію лошади, да и голову-то она будетъ держать, вслѣдствіе этого, совершенно неестественно, какъ будто на подпоркахъ, и станетъ плохо сдавать ее подъ давленіемъ возжей направо и налѣво. Такого рода явленіе нѣкоторые называютъ *возжевымъ запаломъ*, и надо сознаться, что это опредѣленіе довольно характеристично: если такую лошадь, никогда не имѣвшую настоящаго запала, примутъ сильно на возжи, то она заиграетъ горломъ и будетъ походить на легко запаленную. Чтобы избѣжать всего этого, надо опять-таки неуклонно слѣдить за развитіемъ чувствительности рта и ея сохраненіемъ, поставить голову лошади соотвѣтственно корпусу и при томъ такъ, какъ самой лошади удобнѣе будетъ нести ее, и отдѣлить ганахъ; кромѣ того необходимо исправить и вывѣрить ходъ, къ чему мы и возвращаемся.

Итакъ, для лошади съ крутымъ ходомъ кольца слѣдуетъ вязать, какъ мы уже сказали, *ниже* и ѣздить надо какъ можно болѣе *тротомъ*, т. е. самую мелкою рысью, потомъ поднимать на

*) При этомъ, конечно, ходъ зада долженъ быть пропорціоналенъ ходу передъ. Н. Т.

полную размахку, стараясь при этомъ сохранять лошадь постоянно въ духѣ. Къ ней небезполезно даже, когда она уже достаточно поѣздитъ тротомъ и настанетъ время ставить ее на размахку, подпустить поддужную лошадь, отчего рысакъ еще болѣе подымется и будетъ держаться, какъ говорится, *на воздухѣ*. Но если, паче чаянія, поддужная лошадь обозлитъ рысакъ, то ее слѣдуетъ немедленно удалить. Кромѣ ѣзды тротомъ и размахкой, для такихъ лошадей нужны и проскачки; но, давая ихъ, слѣдуетъ стараться, чтобы какъ-нибудь не заторопить лошадь и не заставить тѣмъ скакать ее сильно, такъ какъ при сильномъ аллюрѣ ей не будетъ хватать времени правильно выносить изъ-подъ корпуса переднія ноги и она будетъ только стараться сдѣлать лишній скачекъ, отчего всѣ скачки на проскачки будутъ очень коротки, особенно у пылкой лошади, такъ что она будетъ какъ бы рыть землю передними ногами. Ясно, что такіа проскачки скорѣе послужатъ во вредъ, нежели въ пользу лошади, и въ концѣ концовъ ходъ лошади отъ этого не только не поднимется, но мы, напротивъ, заставимъ ее *рубить мышки*. Во избѣжаніе такихъ губельныхъ послѣдствій, мы советуемъ дозволять проскачки съ нѣкоторой осторожностью, а именно: сначала утомить лошадь на тротѣ и на размахкѣ и послѣ дать ей проскачку, да и то не вдругъ и не полную, и только потомъ, когда она сдѣлаетъ нѣсколько скачковъ и правильно вынесетъ передъ, послать ее на полную проскачку размашистымъ карьеромъ. Послѣ такой проскачки лошадь слѣдуетъ проѣзжать немного тротомъ и кончать ѣзду.

Намъ случилось видѣть лошадь, выѣзженную по этому методу: несмотря на то, что кольца вязались не низко, ее все-таки удалось поставить съ крутого передняго хода на болѣе низкій. Лошадь эта была съ неособенно напористымъ задомъ, но имѣла высокій постановъ передъ и примую шею, такъ что именно благодаря такому постанову ей ни въ какомъ случаѣ нельзя было низко вязать кольца. Этотъ фактъ отнялъ у насъ всякую охоту обращать вниманіе на предостереженія нѣкоторыхъ охотниковъ, которые утверждаютъ, что, ѣздя съ высоко завязанными кольцами, можно закрутить передъ лошади,—равно какъ и на то, что будто бы отъ высокихъ колецъ можетъ быть болѣе затрудненъ задъ лошади. По нашему мнѣнію, тутъ дѣло не столько въ кольцахъ,

сколько въ рукахъ наѣздника, который, по нерадѣнію или излишней торопливости, и при низкихъ кольцахъ можетъ нанести вредъ задъ лошади, ея поясницѣ и вертлугамъ.

Если лошадь имѣетъ короткую шею, или подбираетъ голову къ клещамъ оголовка, или, что еще хуже, носить, то такой лошади слѣдуетъ прикрѣплять кольца не противъ запряга гужа, какъ это всегда дѣлается, а отступя отъ него вершка на три внизъ по оглоблѣ. Это дѣлается потому, что когда ѣздокъ будетъ вынужденъ взять такую лошадь посильнѣе на возжи, то отъ этого движенія упряжь двинется впередъ и оголовокъ отойдетъ отъ плечъ, а тогда можетъ случиться, что горты возжей и шлепки дойдутъ до колецъ, запутаются въ нихъ и задержатъ возжи, такъ что ѣздокъ, вмѣсто того, чтобы тянуть удила, будетъ тянуть только кольца задѣвшими въ нихъ шлепками и гортами возжей и возжи сами будутъ управлять лошадью безъ посредства ѣздока.

В о з ж и.

Важное значеніе возжей на столько очевидно всѣмъ и каждому, что мы считаемъ совершенно излишнимъ распространяться объ этомъ предметѣ, а будемъ говорить только объ искусствѣ управлять посредствомъ нихъ лошадью и подчинять волѣ ѣздока всѣ ея движенія.

Отъ возжей зависитъ все, и съ помощью ихъ всего можно достигнуть отъ лошади, т. е. сдѣлать ее съ вѣрнымъ ходомъ, смѣлой, прямой, посылистой, стойкой и т. д.; съ помощью ихъ можно въ одинъ моментъ, когда это нужно, сбить лошадь съ рыси и моментально же послѣ сбоя поставить ее опять на рысь. Поэтому каждый хорошій ѣздокъ старается не только вполне ознакомить молодую лошадь съ возжами и со способомъ управленія ею при ихъ помощи, но и старается также, чтобы она никогда не забыла внушеннаго ей уваженія къ возжамъ, для чего часто практикуется съ ней и заставляетъ ее исполнять все то, что онъ отъ нея требуетъ посредствомъ возжей. Безъ этого лошадь легко можетъ забыть всѣ упражненія, которыя съ ней дѣлали для ея ознакомленія съ управленіемъ возжами, и трудъ наѣздника пропадетъ даромъ.

Про хорошо выѣзженную лошадь говорятъ обыкновенно, что она въ „хорошихъ возжахъ“; но понятія о *хорошихъ возжахъ* и опредѣленія ихъ крайне разнорѣчивы. Такъ, напр., вамъ говорятъ, что такая то лошадь *хорошо принимаетъ возжи*. Выводя изъ этого заключеніе, что если она хорошо принимаетъ возжи, то, слѣдовательно, такъ же хорошо и *понимаетъ* ихъ,—вы садитесь и ѣдете на ней. Но ожиданія ваши, что лошадь приметъ возжи, оказываются совершенно напрасными,—она ждетъ, что вы сами примете ихъ у нея. Вы принимаете, но лошадь подается, не чувствуя возжей; тогда вы начинаете тянуть все сильнѣе и сильнѣе, но лошадь вполнѣ хладнокровно переноситъ это и даже не сдаетъ головы, какъ будто взвозжена не за возжи, а за гужи. Побьетесь, побьетесь съ такой лошадью и, наконецъ, принуждены будете придти къ справедливому заключенію, что лошадь эта не только не принимаетъ возжи, а просто-на-просто сноситъ ихъ, *потому что затянута въ возжахъ*; тогда убѣдитесь, что тотъ, кто рекомендовалъ вамъ эту лошадь за *хорошую въ возжахъ*, имѣетъ самъ плохія руки и знаніе. Быть-можетъ, послѣ вашего выговора онъ захочетъ исправить свою вину и дастъ вамъ прокатиться на лошади *легкой или свободной въ возжахъ*. Вы садитесь и ѣдете въ полной надеждѣ, что эту лошадь вамъ уже не придется тянуть и что руки ваши, слѣдовательно, отдохнутъ послѣ прогулки на затянутой лошади. Сначала, разумѣется, ѣдете шагомъ, но потомъ начинаете поднимать и на рысь; вы подготавливаетесь для этого какъ слѣдуетъ, т. е. подбираете возжи, и лошадь сдаетъ ихъ; берете правую возжу и лошадь сдаетъ голову направо; дѣлаете переводъ и берете лѣвую, и она сдаетъ налѣво,—чего же ждать болѣе? — стоитъ только тряхнуть возжами, и лошадь какъ выстрѣлъ бросится впередъ. Наконецъ, трахаете, но вмѣсто предполагаемаго выстрѣла выходитъ осѣчка,—лошадь отъ траханья только голову вскинула вверхъ, а возжей не приняла. Послѣ этого испытанія вы убѣждаетесь, что эта лошадь ни легка, ни тяжела въ возжахъ, а просто-на-просто не понимаетъ ихъ, потому и не принимаетъ,—словомъ, вы узнаете, что эта лошадь — *безвозжая*. У ней и голова-то мотается, какъ будто приставная. Если же лошадь бѣжитъ, то бѣжитъ не по приказанію, переданному возжами, а просто—въ силу привычки и инстинкта.

Вотъ какія рѣзкія противоположности бываютъ въ дѣйствіи возжей и вотъ какъ зачастую готовятъ лошадей самозванцы-ѣздоки, да еще увѣряютъ при этомъ, что выѣзженные ими лошади—въ *хорошихъ возжахъ*. Ясно, что такіа возжи хороши только въ воображеніи тѣхъ, которые не имѣютъ дать лучшихъ, и что на такихъ возжахъ лошадь не можетъ имѣть вѣрнаго хода и полной рѣзвости, а о красотѣ хода нечего и говорить. Въ затянутыхъ возжахъ лошадь можетъ идти съ заскачкой, треножить, мѣнять ноги въ-перехватку, подкидывать, по-заячи, обѣими задними ногами вмѣстѣ, и т. п. Всѣ эти искаженія рыси происходятъ, само собою разумѣется, не по винѣ лошади, а по винѣ ѣздока, который не сумѣлъ ни развить, ни сохранить чувствительности рта лошади и, вслѣдствіе этого, передалъ ей грубыя возжи. Конечно, въ рѣдкихъ случаяхъ, это зависитъ не отъ неумѣнья или неопытности ѣздока, а отъ его излишняго нетерпѣнія, торопливости и горячности при выѣздѣ лошади.

Если лошадь, напротивъ, не принимаетъ возжей и отбивается отъ нихъ (*теряетъ возжи*), тогда она сильно путается на ходу, т. е. идетъ неохотно, невѣрно и даже четверти версты не можетъ пройти одинаковымъ ходомъ и съ одинаковою рѣзвостью,—то сильно подается впередъ, то потомъ стихаетъ, да и на такой-то рыси нерѣдко дѣлаетъ зигзаги, какъ бы полупыльная. Все это зависитъ опять-таки отъ неправильной выѣздки и отъ непониманія и нерадѣнія ѣздока. Главная же причина заключается въ томъ, что ѣздокъ при заводѣ спѣшитъ заѣздить лошадь раньше времени, чтобы кое-какъ пообломать ее, и занимается съ нею спустя рукава, лишь бы только поскорѣе отдѣлаться и заставить лошадь ѣхать. Не поставивъ лошадь путемъ на вѣрный ходъ, онъ съ каждымъ новымъ урокомъ учитъ ее новымъ пріемамъ и эволюціямъ, нисколько не заботясь о томъ, основательно ли она поняла и усвоила всю предшествующую школу,—словомъ, хватаетъ однѣ только верхушки. Но и такая поверхностная школа скоро надоѣдаетъ нетерпѣливому ѣздоку: ничему не научивъ путемъ лошадь, онъ уже обращается къ управляющему заводу или къ самому владѣльцу и увѣдомляетъ ихъ, что лошадь готова и что пора сдать ее съ рукъ долой, т. е. продать. При этомъ онъ присовокупляетъ, для вящаго ободренія владѣльца, что если, молъ, лошадь хоть и не совсѣмъ

готова для городской ѣзды, то тамъ, молъ, ее еще понаучить нашъ московскій кучеръ, какой-нибудь Тарасъ Поликарповъ. Тарасъ Поликарповъ—мушина солидный, съ огромною бородой и съ дородностью слишкомъ на девять пудовъ; но, къ сожалѣнью, при такой обстоятельной вѣншности, Тарасъ Поликарповъ понимаетъ въ выѣздѣ молодой лошади и въ ея постановкѣ ровно столько же, сколько одно, всѣмъ извѣстное, животное въ апельсинахъ. Получивъ въ свое распоряженіе молодую лошадь, онъ начинаетъ ѣздить на ней, и все бы хорошо, да только, должно-быть, все не въ часъ выѣзжаетъ,—нейдетъ какъ слѣдуетъ—да и баста: то на тумбу навезетъ, то чуть городского съ ногъ не сшибетъ, а гдѣ-нибудь въ тѣснотѣ, хоть бы у Ильинскихъ воротъ, такъ даже вмѣсто того, чтобъ ѣхать по улицѣ, въѣхалъ разъ въ яблочный балаганъ. Послѣ такихъ казусовъ у Тараса Поликарпова мало-по-малу пропадаетъ охота ѣздить на такой лошади, а владѣльца беретъ раздумье относительно того, что дѣлать съ ней: вести обратно на заводъ не годится, а въ Москвѣ возиться съ ней негдѣ, да и некому; остается только одно средство—продать лошадь за что бы то ни стало. А въ Москвѣ охотниковъ много, лишь бы только купить подешевле. Есть и специалисты, которые только тѣмъ и занимаются, что покупаютъ такихъ лошадей, выѣзжаютъ ихъ снова, или только стараются позамазать ихъ пороки, и послѣ выгодно сбываютъ съ рукъ въ Москвѣ же, а то и въ Питеръ не полѣнятся съѣздить и тамъ сдерутъ баснословную цѣну, прокативъ по Невскому въ легонькихъ саночкахъ безъ кучерскаго сидѣнья какого-нибудь простачка, да для большаго шику еще на призъ запишутъ для городскихъ одинокъ, и хоть приза-то не возьмутъ, а цѣну все-таки поднимутъ. Да, впрочемъ, дѣло обходится и безъ специалистовъ,—гдѣ тутъ ихъ искать при такомъ спѣшномъ дѣлѣ,—тѣмъ болѣе, что, слышавъ о такой лошади, къ владѣльцу и безъ всякаго приглашенія навѣрное явится несмѣтное число такъ-называемыхъ *пыльниковъ*, которые поѣдутъ въ своихъ шарабанчикахъ на какихъ угодно лошадяхъ, лишь бы только перегнать сосѣда на дистанціи отъ Тверской заставы до Петровскаго дворца. Порѣшивши съ такимъ покупателемъ и выручивши по 25 коп. за рубль затраченнаго капитала, владѣлецъ начинаетъ размышлять, сидя въ своемъ кабинетѣ или ходя въ волненіи по комнатѣ: „какая же это, молъ, охота

затратилъ капиталъ, хлопоталъ, безпокоился и въ концѣ концовъ получилъ лошадь, на которой невозможно было даже и проѣхаться самому—и пришлось продать за ничтожную цѣну? Нѣтъ, думаетъ далѣе владѣлецъ,—охота эта и убыточная, и невеселая; поѣду въ деревню, уничтожу все это и займусь лучше чѣмъ-нибудь другимъ, хоть, на примѣръ, цвѣтоводствомъ“.

Нѣсколько въ иномъ настроеніи духа находится *пыльникъ*, купившій испорченную лошадь. Онъ заложилъ ее въ свой шарабанчикъ и выѣхалъ въ сладкой надеждѣ перегнать на ней любого рысака своихъ товарищей по вздыманію пыли на Петровскомъ шоссе. Но и тутъ постигаетъ неудача: лошадь сначала пошла хорошо, но въ концѣ концовъ чуть не въѣхала, при всей публикѣ, въ басейнъ, да и въѣхала бы, еслибы не оттащили водовозы. Дружный смѣхъ встрѣчаетъ эту выходку лошади *пыльника*, котораго, разумеется, знаютъ всѣ въ околodкѣ. Начинаются плоскія шутки и разговоры о томъ, чья эта была лошадь, чьего завода и отъ какихъ лошадей произошла. А когда будетъ извѣстно и это, то начинаются разговоры, въ которыхъ нещадно бранятъ и коннозаводчика, и зрителя завода, и наѣздника, и даже всю породу, отъ которой произошла несчастная лошадь, которая могла бы при иныхъ обстоятельствахъ возбудить не смѣхъ, а восторгъ, и показать себя хорошимъ рысакомъ. Не отъ нея, разумѣется, зависѣло, что она сдѣлалась не тѣмъ, чѣмъ бы должна быть; не она, конечно, виною того, что хозяинъ завода—не истинный охотникъ, а только диллетантъ, и что наѣздникъ, преслѣдуя одну только цѣль—поскорѣе отдѣлаться отъ ея выѣздки, сдѣлалъ изъ нея бѣгунка-скорошпѣлку, а не рысака. Чѣмъ будетъ виновато золото, если его дадутъ плавить неучу-кузнецу, въ простомъ кузнечномъ горнѣ, и послѣ велятъ ему надѣлать изъ него вещей? При такихъ условіяхъ, дѣйствительно, много будетъ утрачено золота,—но по чьей же винѣ?

Конечно, не такъ и не па такихъ началахъ долженъ относиться коннозаводчикъ, а тѣмъ болѣе начинающій, къ своему заводу. Начиная это дѣло или ведя его, онъ долженъ отдаваться ему всею душой и любить его. Такое расположеніе къ заводу со стороны владѣльца пріохотитъ и пріободритъ всѣхъ служащихъ на немъ—отъ конюха до управляющаго. Вслѣдствіе этого, дѣло пойдетъ

дружно, да и скоро станетъ на такую хорошую ногу, что не только не будетъ казаться въ тягость владѣльцу, а напротивъ будетъ все болѣе и болѣе завлекать его. Что же касается собственно экономическихъ разсчетовъ, то начинающій владѣлецъ завода, чтобы быть въ барышѣ, долженъ руководствоваться слѣдующими простыми правилами. Сначала считать одни только убытки, барыши же послѣ; если же дѣлать наоборотъ, то послѣднихъ долго не придется увидеть. Можно позать только то, что посѣяно, и если посѣяна гречиха, то не слѣдуетъ ждать отъ нея проса, а наблюдать лучше за тѣмъ, чтобы полученная гречиха была вполне чисто вымолочена. Но возвратимся къ возжамъ.

Итакъ, одна лошадь у насъ была затянута въ возжахъ, другая же потеряла ихъ, то-есть отстаетъ отъ нихъ и не принимаетъ, тогда какъ всякій ѣздокъ желаетъ выѣздить лошадь такимъ образомъ, чтобы она хорошо принимала возжи и легко слушалась бы ихъ, что, какъ мы уже говорили, достигается, со стороны наѣздника, трудомъ, терпѣніемъ, любовью къ дѣлу, а главное—его умѣньемъ обращаться съ молодою лошадыю.

Для полного успѣха наѣздникъ долженъ неуклонно наблюдать, чтобы чувствительность рта лошади къ возжамъ была тщательно разработана и постоянно сохранялась бы въ полной силѣ; если же и случится временное притупленіе этой чувствительности, о чемъ мы говорили выше, то наѣздникъ немедленно старается уничтожить это явленіе. Затѣмъ наѣздникъ неуклонно слѣдитъ, чтобы голова лошади держалась относительно корпуса не низко и не высоко, а такъ, какъ свободнѣе и удобнѣе для самой лошади; но при этомъ нужно, чтобы она была поставлена совершенно прямо и не смотрѣла бы ни на ту, ни на другую сторону. Лошадь должна понимать, что безъ приказа возжей ей ничего не слѣдуетъ предпринимать; но коль скоро возжи передаютъ ей какой-либо приказъ, она должна немедленно исполнять его. Такимъ образомъ, по желанію ѣздока, лошадь посыластся розжами на самую полную быстроту и, по ихъ же приказанію, переходить съ нея на болѣе тихій ходъ. Поэтому лошадь ни на одну минуту не должна *терять* возжей, такъ какъ вмѣстѣ съ ними она должна потерять и свое управленіе, безъ котораго она не будетъ знать, что ей дѣлать. Ызда на такой лошади доставляетъ самое высокое наслажденіе

всякому истинному охотнику и знатоку этого дѣла, и еслибы мы вздумали проѣхаться на поставленной такимъ образомъ лошади, то такая прогулка навѣрное доставила бы намъ несравненно больше удовольствія, чѣмъ прогулка на первыхъ двухъ, приведенныхъ нами въ примѣръ, лошадяхъ, т. е. на *затянутой* и *слабомордой*, и мы бы навѣрное не захотѣли отдать такую лошадь за четверть цѣны во владѣніе *пыльника*. На свободныхъ возжахъ такая лошадь идетъ шагомъ, но чуть вы начали подбирать ихъ, она сейчасъ же готовится къ дѣлу. Вы подобрали возжи и нѣсколько приняли ихъ—и лошадь отдѣлила ганащъ и натянула возжи, какъ бы отвѣчая вамъ. Вы принимаете еще разъ, но сейчасъ же должны сдать ровно на столько, на сколько принимали,—возжи отъ этой сдачи нисколько не ослабѣваютъ, такъ какъ на полной размашкѣ лошадь снова сильно беретъ ихъ. Однимъ словомъ, вы съ перваго раза чувствуете въ рукахъ что-то легко растяжимое, какъ будто самыя возжи сдѣланы изъ ластика,—вы пробуете растягивать ихъ, лошадь подается все больше впередъ и послѣ каждого вашего принятія поддаетъ ходу съ такой энергіей, какъ будто хочетъ вытащить изъ-подъ васъ дрожки,—и возжи все-таки не ослабѣваютъ. Наконецъ, вы пожелали немного спустить ей возжей и сдѣлали это, но лошадь отъ этого отдѣлила еще болѣе ганащъ и возжи остались натянутыми такъ же, какъ и прежде. При такихъ возжахъ, которыя всего удобнѣе сравнить съ растяжной машиной, вамъ уже легко и удобно дѣлать съ лошадыю все, что вы только ни пожелаете, и вы съ полною самоувѣренностью приспосабливаетесь къ управленію ею. Такія возжи служатъ для ѣздока самымъ лучшимъ градусникомъ рыси лошади и съ помощью ихъ онъ можетъ разсчитывать на правильный посылъ, на своевременный остановъ и т. п. движенія этой животной машины. Нельзя не посовѣтовать одного—не употреблять безъ надобности много паровъ, такъ какъ они дорого обходятся, а главное—не скоро нагоняются. Равно какъ не совѣтуемъ на первыхъ порахъ добиваться крайней степени быстроты хода вашей машины. Преслѣдовать это необходимо только какъ конечную цѣль правильной выѣздки лошади, но при достиженіи ея надо сообразоваться съ самымъ строеніемъ этой машины и съ ея составными частями, при чемъ слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы отъ непомѣрно-быстрой ѣзды не развились бы

гдѣ гайки и винты и не лопнуло бы стремя, тѣмъ болѣе, что и за матеріаль-то, изъ котораго все это сдѣлано, намъ поручиться нельзя, да и какой бы онъ ни былъ прочности и качества, все-таки можетъ не выдержать и лопнуть отъ сильнаго сотрясенія. Лучше попробовать сначала все это слегка и, убѣдившись въ прочности, потребовать нѣсколько большаго, но во всякомъ случаѣ, не обезсиливая молодой лошади безмѣрной работой и не выбивая ее изъ духа. Само собой разумѣется, что при такихъ правильныхъ возжахъ должны оказывать на нихъ совершенно одинаковое давленіе обѣ руки наѣздника, такъ какъ иначе ходъ лошади долженъ измѣниться и она должна будетъ сойдти съ рыси и сдѣлать сбой, о чемъ мы и будемъ имѣть удовольствіе говорить на слѣдующей страницѣ.

С б о й.

Когда лошадь съ рыси вдругъ сорвется на галопъ, то говорится, что она *сбилась* или *сдѣлала сбой*. Въ первое время заѣздки молодой лошади, сбои случаются отъ неполнаго пониманія ею возжей и того, что отъ нея требуютъ посредствомъ ихъ. Выѣзженная же лошадь сбивается отъ несоразмѣрнаго посылы, несоотвѣтствующаго ея рѣзвости, т. е. отъ посылы, который дается ей въ то время, когда она уже и безъ того идетъ полнымъ ходомъ. Кромѣ того, лошадь можетъ сбиться съ рыси на галопъ и безъ посылы, именно въ томъ случаѣ, когда, послѣ продолжительнаго хода рысью, у ней появляется онѣмѣніе во всѣхъ сочлененіяхъ и конечностяхъ (см. статью о *гонки*), такъ что сбоемъ съ такого хода лошадь какъ бы хочетъ расправить всѣ свои сочлененія, чтобы послѣ снова приняться за работу. Опытный наѣздникъ знаетъ это и какъ скоро замѣтитъ, что лошадь готовится къ сбою (*повисла на сбою*), самъ поощряетъ ее сдѣлать это, такъ какъ послѣ сбоя лошадь пойдетъ правильнѣе и рѣзвѣе. Конечно, наѣздникъ дѣлаетъ эти упражненія, когда никто не повѣряетъ сбоевъ, т. е. не приѣздитъ на призъ.

Поэтому безъ сбоевъ невозможно выѣзжать рысака, также какъ

невозможно сберечь его отъ нихъ и послѣ выѣздки, когда онъ уже сдѣлается вполне самостоятельной лошадью. Мы можемъ только стараться, во-первыхъ, предостерегать рысака отъ этого; во-вторыхъ, заботиться о томъ, что если лошадь уже сбивается съ рыси на галопъ, то, по крайней мѣрѣ, чтобы сбой былъ правильный, и, въ-третьихъ, что самое главное, чтобы приучить рысака становиться съ галопа на рысь скоро, вѣрно и съ неособенно усиленнымъ остановомъ, такъ какъ при усиленномъ остановѣ рысакъ будетъ терять много секундъ, каждый сбой будетъ замедлять его ходъ и на ипподромѣ круги безъ сбоя онъ будетъ, слѣдовательно, проходить скорѣе, чѣмъ тѣ, на которыхъ ему придется сбиться. Въ виду важнаго значенія сбоевъ, особенно на призовой ѣздѣ, опытные наѣздники обращаютъ на нихъ, при выѣздѣ лошади, большее вниманіе и стараются разработать ихъ какъ можно тщательнѣе.

Мы уже сказали, что въ первое время выѣздки лошадь сбивается отъ того, что не понимаетъ еще возжей и не знаетъ, что отъ нея требуютъ посредствомъ ихъ; иногда же она сбивается на галопъ и безъ всякаго со стороны наѣздника побужденія. На эти сбои, разумѣется, не должно смотрѣть особенно серьезно, — лошадь слѣдуетъ уговорить и принять нѣсколько на обѣ возжи, но вполне равномѣрно, при чемъ этотъ легкій остановъ возжами хорошо производитъ въ тактъ съ голосовымъ остановомъ, который дѣлаетъ наѣздникъ при каждомъ сбоеѣ, съ цѣлью уговорить лошадь, что, молъ, такъ поступать нельзя. Приѣмъ на возжи, повторяемъ, долженъ быть самый легкій и осторожный, во избѣжаніе того, чтобы какъ-нибудь не затянуть лошадь и не обозлить ее этимъ. Послѣ, когда лошадь освоится съ возжами и будетъ понимать, что галопомъ ей запрещено идти, постановы со сбоевъ на рысь должны производиться при помощи однѣхъ только возжей, безъ всякихъ уговариваній.

По мѣрѣ того, какъ развивается и усиливается ходъ рыси, сбои лошади дѣлаются все строже и строже. Прежде лошадь сбивалась произвольно, какъ бы въ силу какого-то недоумѣнія, да и сама инстинктивно боялась этихъ сбоевъ и старалась поскорѣе стать на рысь; теперь же на сбояхъ она старается сильнѣе подаваться впередъ, а поэтому и возжами надо работать съ ней нѣсколько иначе.

Да, наконецъ, теперь лошадь сбивается не произвольно, а отъ посылы наѣздника, переданнаго ей возжами, или если сбивается сама то потому, что забѣжалась и хочетъ перемѣнить, вслѣдствіе этого аллюръ, чтобы расправить сочлененія. Слѣдовательно, теперь она уже сбивается въ силу извѣстныхъ причинъ, и по нимъ наѣздникъ долженъ сообразовать постановъ ея опять на рысь. Если лошадь сдѣлала сбой вслѣдствіе первой причины, т. е. вслѣдствіе посылы, переданнаго ей самимъ наѣзникомъ, то хотя сбой и произошелъ, собственно говоря, по винѣ самого наѣздника, тѣмъ не менѣе съ такого сбоя онъ долженъ становить лошадь строже, чтобы она на будущее время лучше терпѣла посылъ, держалась бы во время его на рыси и не отдѣлывалась бы отъ него однимъ только сбоемъ. Взысканіе должно сообразоваться съ проступкомъ, и хорошо бы, еслибы наѣздникъ сумѣлъ показать лошади, что въ сбояхъ, къ которымъ она прибѣгаетъ при посылкахъ, не можетъ быть для нея ничего привлекательнаго.

Въ томъ случаѣ, если лошадь дѣлаетъ сбой вслѣдствіе того, что она забѣжалась на рыси и хочетъ отдохнуть на галопѣ, наѣздникъ долженъ принять во вниманіе слѣдующее. Лошадь сбилась безъ всякаго посылы съ его стороны,—слѣдовательно, сдѣлала это произвольно, и тутъ слѣдовало бы наказать за это вдвое строже, чѣмъ при сбойѣ вслѣдствіе посылы; но если взглянуть на дѣло какъ слѣдуетъ, отбросивъ въ сторону справедливость поговорки: „у сильнаго всегда безсильный виноватъ“, то нельзя не придти къ заключенію, что тутъ виноватъ самъ наѣздникъ, а вовсе не лошадь, такъ какъ онъ долженъ бы былъ замѣтить, что лошадь забѣжалась и готовилась къ бою, сдавала ему возжи,—словомъ, *висѣла на бою*, а онъ не обращалъ на это должнаго вниманія, занятый, быть-можетъ, совершенно другими мыслями, хоть бы расчетомъ, наприм., того, какая сумма достанется ему, если хозяинъ дастъ ему съ рубля столько-то процентовъ за взятіе Воейковского приза. Да и кромѣ того, что заставляло наѣздника ѣздить на лошади до тѣхъ поръ, пока она забѣжалась до такой степени? Можно бы было проѣхать такую же дистанцію, но не въ одинъ, а въ два-три приѣма. Замѣтя свою ошибку, наѣздникъ, въ видѣ смягченія своей вины передъ лошады, даетъ ей проскакать немного болѣе, и эта льгота быть-можетъ наведетъ его на размышленіе о томъ, что нѣ-

сколько лишнихъ скачковъ, которые онъ позволить сдѣлать лошади, не будутъ бесполезны при дальнѣйшей разработкѣ сбоевъ, о чемъ мы будемъ говорить ниже.

Во всякомъ случаѣ, мы не совѣтуемъ съ такихъ сбоевъ ставить скоро, или, какъ говорится, коротко—на рысь, такъ какъ они имѣютъ на лошадь благотворное вліяніе, потому что во время ихъ лучше разрабатывается чувствительность рта лошади, больше отдѣляется ганащъ и всѣ сочлененія получаютъ большую свободу и развязность движеній. Что кому за дѣло, если на нашемъ деревенскомъ ипподромѣ или на проѣздѣ передъ призомъ лошадь наша сдѣлаетъ сбой въ 12 и болѣе скачковъ? Проскачки *) тамъ не кому записывать, а для нашей лошади такая проскачка будетъ очень полезна, такъ какъ, во-первыхъ, во время ея мы можемъ выработать правильный сбой и быстрый постановъ съ него на рысь; а во-вторыхъ, чѣмъ болѣе будетъ сдѣлано, при выѣздѣ лошади, умышленныхъ сбоевъ и проскачекъ, тѣмъ менѣе она будетъ о нихъ думать и желать ихъ сдѣлать при настоящей ѣздѣ на призъ, передъ глазами судей и многочисленной публики. Все зависитъ только отъ того, какъ наѣздникъ станетъ вырабатывать эти умышленные сбои.

Въ статьѣ *о возжахъ* мы уже имѣли случай замѣтить, что обѣ возжи должны оказывать вполне равномерное давленіе на лошадь, такъ какъ при неравномѣрномъ давленіи ими она должна будетъ сойдти съ правильной рыси и сдѣлать сбой. Поэтому, если мы желаемъ, чтобы наша лошадь сбилась, намъ слѣдуетъ примѣнить только это правило, т. е. взять на одну возжу сильнѣе, чѣмъ на другую, и сбой или проскачка получится сейчасъ. Многимъ, быть-можетъ, покажется страннымъ, что мы такъ усердно совѣтуемъ дѣлать почаще сбои и проскачки, т. е. то, отъ чего другіе такъ усердно стараются предохранить своихъ лошадей. Но какъ же не совѣтовать дѣлать то, что полезно? Въ статьѣ *о кольцахъ* мы говорили, что проскачками выправляются у лошади—высокій и низкій ходъ переда, низкій ходъ зада и т. д., въ настоящей же статьѣ говорили, что проскачками вырабатывается чувствительность рта,

*) Сбой выше 10-ти скачковъ считается проскачкой.

правильно отдѣляется ганащъ *), онѣмѣвшія сочлененія получаютъ свободу движеній и, наконецъ, что самое главное, на проскачкахъ вырабатывается правильный сбой и постановъ на рысь, а также умышленными сбоями и проскачками мы отбиваемъ у лошади охоту дѣлать ихъ тогда, когда дѣлать это не позволяется. Мы говоримъ все это не изъ желанія противорѣчить, а изъ желанія принести посильную пользу дѣлу выѣздки лошади, и говоримъ потому, что успѣли на дѣлѣ убѣдиться въ справедливости и практичности этого. Ниже мы постараемся познакомить читателя и со средствами, при помощи которыхъ мы достигали успѣха.

Итакъ, предположимъ, что мы ѣдемъ на лошади по прямой линіи рысью и намъ хочется, чтобы лошадь сдѣлала сбой, или, быть-можетъ, она и сама желаетъ этого и совсѣмъ повисла уже на сбою, начинаетъ подбирать ганащъ и сдавать возжи. Конечно, намъ не хочется, чтобы лошадь сбилась сама, такъ какъ, во-первыхъ, съ ея стороны это—произволь, а во-вторыхъ, она можетъ сбиться не съ той ноги, съ которой бы намъ хотѣлось, или поскачетъ мѣшаннымъ галопомъ. Во избѣжаніе всего этого, мы принимаемъ нѣсколько покрѣпче, наприм., правую возжу, лѣвую же ослабляемъ и въ то же время посылаемъ лошадь впередъ, а отъ этого она, по командѣ, моментально возьметъ сбой съ лѣвой ноги, т. е. съ той именно ноги, съ которой мы желали. „Какъ же это такъ,—спросятъ нѣкоторые съ недоумѣніемъ,—сбилась по командѣ и съ той ноги, съ которой хотѣлъ сбить ее наѣздникъ?“—Очень просто. Слѣдуетъ вспомнить только, въ какихъ возжахъ была наша лошадь, какъ она отвѣчала имъ и чувствовала ихъ. Наша малѣйшая ошибка, малѣйшее невѣрное давленіе рукъ на возжи замѣчалось лошади, и подъ нимъ она дѣлала сбой. Мы замѣтили это тогда и изъ случая сдѣлали правило, которое вполне примѣнимо на основаніи самыхъ несложныхъ соображеній. Если мы беремъ сильнѣе правую возжу, то, слѣдовательно, задерживаемъ этимъ ходъ праваго бока; лѣвую же возжу мы не тянемъ, а потому и ходъ лѣ-

* Ганащъ отдѣляется при выработанныхъ сбояхъ, когда наѣздникъ сработаетъ возжами для того, чтобы выправить и положить на мѣсто удила. При этомъ не слѣдуетъ сильно сбирать лошадь (мять), когда она подберетъ ганащъ.

ваго бока свободенъ и не связанъ. Сохраняя на моментъ такое положеніе лошади, мы даемъ ей посылъ, послѣ котораго она, конечно, начнетъ сбой съ той ноги и плеча, которая болѣе свободна, т. е. съ лѣвой ноги. Послѣ этого, скажутъ намъ, что „пожалуй и на рысь съ галопа можно поставить по командѣ?“—И это можно, отвѣтимъ мы, только стоитъ поломать немного мозги, и поставимъ, какъ ставитъ *Стуколкинъ* г. Гиппіатрова *), т. е. въ одинъ „ментъ“ (моментъ).—„Какъ же это сдѣлать?“—А вотъ какъ: лошадь идетъ галопомъ съ лѣвой ноги; правый бокъ ея былъ задержанъ правою возжей, лѣвый же вполне высвобожденъ. Желая поставить ее съ такого галопа на рысь, мы принимаемъ вполне равномерно обѣ возжи, т. е. выравниваемъ ихъ и производимъ на обѣ равносильное давленіе, чѣмъ и задерживаемъ сильный напоръ зада; затѣмъ, лѣвою возжей мы дѣлаемъ усиленные приемы, и, какъ только одинъ изъ нихъ попадетъ въ тактъ со взмахомъ скачка лѣвой ноги, лошадь съ галопа перейдетъ на рысь. Тогда на секунду немного ослабляемъ правую возжу и сейчасъ же вновь заставляемъ принять ее, а отъ этого лошадь и становится на рысь съ правой ноги. Есть русская пословица: „скоро сказывается, да не скоро дѣлается“; пословица эта справедлива, но только не въ этомъ случаѣ, такъ какъ тутъ выходитъ наоборотъ—весь маневръ совершается до того быстро, что въ продолженіе его, какъ справедливо замѣчаетъ *Стуколкинъ*, даже слово „моментъ“ не успѣешь произнести правильно, а выговоришь развѣ только *ментъ*.

Мы сейчасъ замѣтили, что при окончаніи сбоя съ лѣвой ноги слѣдуетъ немного ослабить правую возжу и затѣмъ сейчасъ же заставить лошадь опять принять ее. Вся суть дѣла заключается тутъ въ томъ, чтобы въ этотъ моментъ наѣздникъ освобождалъ правую возжу, какъ мы говоримъ, именно *немного* и чтобы сейчасъ же заставлялъ лошадь опять принять ее; въ противномъ случаѣ, если высвободимъ эту возжу много, или если не сейчасъ же заставимъ лошадь принять ее, изъ этого можетъ выйти новый сбой, только уже съ правой ноги, потому что лѣвый бокъ лошади останется на рыси; а пока мы все освобождаемъ правую возжу и медлимъ принужденіемъ лошади принять ее, въ это время чрезмѣрно

*) Въ память „Сметанки“.

освобожденный ходъ праваго бока можетъ обратиться въ сбой съ правой ноги, и мы, слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы поставить лошадь на рысь, только заставимъ ее смѣнить ноги на галопъ.

Многіе, быть-можетъ, спросятъ, почему не всѣ наѣздники прибѣгаютъ къ подобнымъ маневрамъ для постанововъ со сбоя на рысь, а стараются сдѣлать это при помощи передергиванія возжей, которое составляетъ только ломку для лошадей. Дѣлаютъ ли они это отъ излишней горячности, или отъ слабости, или, наконецъ, отъ непониманія дѣла — объ этомъ пусть судятъ сами вопрошающіе, мы же, съ своей стороны, не можемъ не замѣтить, что остановъ передергиваніемъ возжей бываетъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимостью, и именно тогда, когда наѣздникъ ѣдетъ на лошади, имѣющей чрезчуръ низкій, стелющийся ходъ, которая какъ будто бы даже приналегла на передъ, тогда какъ задъ ея идетъ напористо и сильно. Слѣдовательно, наѣздникъ въ этомъ случаѣ долженъ на сбоя стараться удерживать сильный ходъ зада и приподнять, посредствомъ колець, которыя для такой лошади онъ, навѣрно, не забылъ подвязать повыше, — ходъ передка. Когда онъ сдѣлаетъ это, то достигнетъ того, что задъ лошади не будетъ такъ сильно напирать на передъ. Впрочемъ, какъ мы слышали, такихъ низкоходныхъ лошадей наѣздники боятся доводить на призѣ до сбоя, такъ какъ онъ на сбояхъ теряютъ много времени сравнительно съ ходомъ рысью, да и ставить-то ихъ со сбоя очень трудно — такіа лошади, какъ говорится, *толкуются на сбояхъ*. Это не то, что лошади съ высокимъ ходомъ: тѣ сдѣлаютъ на воздухѣ какой-то перекалъ, тряхнетъ наѣздникъ возжами и готово, — замѣчательно красивый, высокій ходъ рысью опять передъ глазами многочисленныхъ поклонниковъ, истинныхъ цѣнителей и знатоковъ нашихъ благородныхъ и всюду прославленныхъ рысаковъ. Но лошади съ такимъ мастерскимъ и замѣчательнымъ по своей красотѣ ходомъ теперь — увы! — не въ модѣ. Не изящество статей, не красоту лошади и ея хода любятъ современные охотники, а исключительно только рѣзвость, въ жертву которой они съ удовольствіемъ готовы исказить на всѣ лады столь прославленный и столь драгоцѣнный намъ типъ орловскаго рысака. Дай Богъ, чтобы всѣ эти искаженія не вдосталь доконали на святой Руси эту породу и чтобы хоть отъ времени до времени появлялись на нашихъ ипподромахъ ея типичные представители.

Преслѣдуя одну только цѣль — рѣзвость, наши охотники, дѣйствительно, развили ее въ своихъ лошадяхъ до значительной степени совершенства, такъ что по-неволѣ приходится мѣнять у лошадей, предназначенныхъ на призы, красивый природный верхній ходъ и помогаться, чтобы лошади спускались на болѣе низкій ходъ, который, какъ увѣряютъ, несравненно спорѣе. Это достигается болѣе низкимъ постановомъ колець (см. ст. *кольца*) и проскачками.

Проскачка.

Сбои и проскачки идутъ другъ съ другомъ рука объ руку, такъ какъ безъ предварительнаго сбоя не можетъ быть и проскачки. Но, несмотря на эту сородственность, между сбоемъ и проскачкой существуетъ несравненно большая разница, нежели та, какую проводитъ г. Гиппiатровъ *), говоря, что она заключается только въ томъ, что сбой долженъ имѣть отъ 3 до 10 скачковъ, а проскачка — свыше 10 скачковъ галопомъ. Это опредѣленіе согласно только съ уставомъ рысистаго общества. Въ уставѣ этомъ подобное разграниченіе сдѣлано только для того, чтобы обусловить взятіе приза чистою рысью: еслибъ общество не лишило права брать призъ болѣе чѣмъ послѣ 10 скачковъ, сдѣланныхъ лошадейю подрядъ, и не опредѣлило бы, сколько именно должно быть скачковъ въ сбояхъ и сколько въ проскачкахъ, тогда легко могли бы найтись такіе любители скаканья, которые пускали бы своихъ лошадей въ махъ на цѣлую полверсту, да пожалуй, чего добраго, еще повторяли бы такой пріемъ. Итакъ, подобное различіе сбоя отъ проскачки есть только, если можно такъ выразиться, оффиціальное; наѣздники же признаютъ между ними болѣе существенную разницу.

Хотя мы сказали, что проскачка начинается всегда сбоемъ, и на проскачкахъ допускали возможность вырабатывать сбоя, — слѣдовательно, признавали полную ихъ сородственность, — но, тѣмъ

*) Въ память „Сметанки“.

не менѣе, наши опредѣленія сбоя и проскачки кладутъ между ними большую разницу. *Сбоемъ* называется то, когда лошадь съ правильной рыси сама собьется или будетъ сбита *на галопъ*, съ котораго ее сейчасъ же ставятъ *на рысь*; *проскачкой* же мы называемъ то, когда лошадь собьется съ рыси на галопъ и когда вмѣсто остановки послѣ 2—3 скачковъ ей дадутъ посылъ и она *съ галопу перейдетъ на карьеръ*, т. е. поскачетъ маршъ-маршъ, во всю прыть. Вотъ, по нашему мнѣнью, чѣмъ измѣряется различіе между боемъ и проскачкой, а вовсе не количествомъ скачковъ. Да и кромѣ того, на сбой наѣздникъ работаетъ совершенно иначе, нежели на проскачку: въ первомъ случаѣ онъ со втораго скачка начинаетъ становить на рысь, а во второмъ—съ третьяго скачка онъ посылаетъ лошадь въ карьеръ.

Какъ бы то ни было, проскачка для лошади необходима для многихъ, какъ намъ извѣстно, цѣлей и между прочимъ—чтобы отбучить ее отъ желанія дѣлать сбой и заставить ее хоть нѣсколько забыть о нихъ. Преслѣдуя эту цѣль, мы поднимаемъ лошадь на полную рысь; когда же лошадь начнетъ приготовляться къ бою *) или, какъ говорится, *повиснетъ на сбой*, мы, вмѣсто того, чтобы предостеречь ее отъ этого, посылаемъ ее на сбой по извѣстному, уже упомянутому нами, методу (правую возжу принять, лѣвую высвободить и послать). Впрочемъ, мы не даемъ лошади понять, что позволили ей сдѣлать сбой, и для этого продолжаемъ работать возжами остановъ и уговариваемъ лошадь словами: „тиру, тпру“, пока она не перейдетъ на рысь. Когда она станетъ на рысь, мы не принимаемъ сильно возжей и вскорѣ сбиваемъ лошадь такимъ же образомъ на второй сбой. При третьемъ боѣ, какъ бы въ предостереженіе отъ него, мы скажемъ „тиру“, а между тѣмъ пошлемъ скакать въ карьеръ. Вотъ это, дѣйствительно, будетъ проскачка. Лошадь идетъ карьеромъ, сколько намъ нужно, и послѣ этого мы начинаемъ ставить ее на рысь, но не строго (не коротко), и когда лошадь перестанетъ, вслѣдствіе этого, скакать, ее надо заставить проѣхать легкою рысю, такъ какъ на полной рыси, послѣ проскачки, задъ лошади пойдетъ шире, отчего легко можетъ измѣниться прежній постановъ его хода (см. *гонку на кордъ*).

*) Если въ это время она подбираетъ голову, сгибаетъ ганашъ и частить на ходу, то слѣдуетъ отдѣлать ганашъ, заставивъ принять возжи.

Если проскачка нужна, то почему же не дать ее съ перваго же сбоя? спросятъ насъ. Въ этомъ-то вся и суть, отвѣтимъ мы, что при первомъ боѣ намъ не время еще было уговаривать лошадь, чтобы она не сбивалась, равно какъ не пришла еще пора и наказывать ее, такъ какъ первая вина, по большей части, всегда прощается. Теперь же, послѣ двухъ боевъ и предостереженія отъ третьяго—самая пора для взысканія съ лошади за непослушаніе, и вотъ мы, съ цѣлью наказать ее, и пускаемъ въ карьеръ, да при этомъ накладываемъ еще одинъ разъ возжами, а это для нея не совсѣмъ вкусная пилюля, и на слѣдующій разъ, при боѣ, она навѣрное подумаетъ, стоитъ или не стоитъ глотать ее; если же захочетъ проглотить, то пусть проглотитъ,—намъ не лѣнь повторить маневръ хоть нѣсколько разъ, лишь бы была польза *). Въ концѣ концовъ, лошадь, увидя нашу непреклонность и оцѣнивъ всю невкусность прописываемаго ей лѣкарства, будетъ терпѣливѣе къ гонимымъ и не такъ легко будетъ послѣ нихъ сбиваться на болѣе легкій аллюръ, т. е. на галопъ, а это внушитъ наѣзднику большую самоувѣренность и онъ смѣлѣе будетъ посылать ее даже на призовой ѣздъ.

Лошади несравненно легче бѣжать галопомъ, чѣмъ полною рысю: какъ мы уже говорили, отъ продолжительнаго хода рысю у лошади нѣмѣютъ сочлененія,—поэтому она пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы сорваться съ рыси на галопъ. Проскачка же въ карьеръ для лошади еще труднѣе, чѣмъ ходъ рысю, и она, вслѣдствіе этого, боится ея. Такимъ образомъ, допуская проскачку только послѣ третьяго сбоя, можно достигнуть того, что лошадь, сдѣлавши первые два сбоя, третьяго уже будетъ бояться, зная, что за нимъ послѣдуетъ наказаніе—проскачка въ карьеръ.

Многіе ѣздоки имѣютъ слабость къ быстрымъ, такъ сказать, *мимимъ* сбоямъ и ставятъ на рысь съ сильнаго галопу. Такіе сбои только тогда имѣютъ смыслъ и не вредны для лошадей, когда рѣзвость рыси равняется скорости галопу, а если и разнится, то на самое незначительное время. Въ противномъ же случаѣ, т. е. когда ходъ галопомъ много быстрѣе хода рысю, слѣдуетъ сначала умѣрить галопъ, а потомъ уже ставить на рысь, иначе куда же

*) Говоримъ про выработанную уже лошадь. Н. Т.

дѣнется при рѣзкомъ постановѣ на рысь излишекъ хода галопа?— не въ воздухъ же улетучится, и лошади придется перенести его на себѣ и на своемъ организмѣ. Во всякомъ случаѣ, мы положительно совѣтуемъ избѣгать такихъ постанововъ съ не особенно рѣзвыми лошадьми, у которыхъ ходъ рысью много тише хода галопомъ; да и съ рѣзвыми-то лошадьми можно употреблять быстрые постановы только при одинаковой или большей рѣзости ихъ рыси противъ галопа.

Упомянемъ еще объ одномъ обстоятельстве, придающемъ значеніе сбоя съ лѣвой ноги. Когда на бѣгу соперникъ сильно напираетъ и заставляетъ ѣхать во всю рысь, такъ что находящійся впереди наѣздникъ, при тѣхъ посылахъ, которые онъ принужденъ давать лошади, долженъ быть постоянно готовымъ къ тому, что она собьется,—а это, дѣйствительно, иногда и случается,—то лошадь всегда начинаетъ сбой съ лѣвой ноги, какъ этого и желалъ наѣздникъ. Если же въ такихъ случаяхъ наѣздникъ самъ захочетъ сбить лошадь, то на это у него есть своя особая уловка, отлично характеризующая смѣлку русскаго человѣка. Сбой этотъ онъ дѣлаетъ при выѣздѣ изъ поворота, находящагося съ лѣвой стороны отъ бесѣдки ипподрома, т. е. именно въ тотъ самый моментъ, когда лошадь находится прямо противъ члена, наблюдающаго за ней, который, видя одну голову лошади, можетъ счесть только одни скачки, а не видить, какъ она скачетъ и сдерживается ли ѣздокомъ, или ей предоставлена свобода проскакать въ карьеръ. Но такъ какъ сбой у такой лошади выработаны хорошо, и сбой она начала вѣрно съ лѣвой ноги, то наѣзднику не трудно во-время поставить ее на рысь. Намъ помнится, по крайней мѣрѣ, что знаменитый *Бедуинъ* г. Боткина не только не терялъ на сбояхъ ни одной секунды времени противъ рыси, а напротивъ набиралъ еще. Мы даже можемъ привести одинъ частный примѣръ изъ бѣговаго поприща этого рысака. Въ 1867 г. на лѣтнемъ ипподромѣ, не попомнимъ на какой призъ, ѣхали три лошади: *Бедуинъ* г. Боткина, *Паша* г. Кожина и *Дружокъ* г. Мясникова. На *Бедуинѣ* ѣхалъ Ефимъ Ивановъ, на *Пашѣ*—Иванъ Шуваевъ и на *Дружкѣ*, какъ кажется, Ѳеодоръ Семеновъ. *Паша* находился въ это время въ апогеѣ своей славы и рѣзости, а потому наѣздникъ Шуваевъ задумалъ взять призъ безъ перебѣжки съ своими соперниками, т. е. кинуть ихъ за флагъ.

Дружка онъ, дѣйствительно, кинулъ и то же досталось бы и *Бедуину*, еслибы смѣтливый и опытный Ефимъ Ивановъ не придумалъ одного фортели. Бѣгъ былъ на дистанцію три версты, и на немъ Ефимъ Ивановъ сдѣлалъ два сбоя и оба на одномъ и томъ же мѣстѣ, т. е. выѣзжая изъ поворота, находящагося съ лѣвой стороны бесѣдки. *Бедуинъ* не сдѣлалъ на каждомъ изъ этихъ сбоевъ болѣе 10 скачковъ, но за то скачки этого рысака стоили каждый двухъ лучшихъ прыжковъ самаго лихаго зайца. Члену-наблюдателю эти сбои были невидны, и онъ считалъ только скачки, но изъ бесѣдки наѣздниковъ они были видны, какъ на ладони, и всѣ наѣздники, находившіеся въ бесѣдкѣ, сказали въ одинъ голосъ, что Ефимъ Ивановъ много набралъ сбоями, а шутники прибавляли, что онъ сдѣлалъ не сбои, а рикшеты. Когда между бѣгомъ и перебѣжкой Ефимъ Ивановъ подошелъ къ этой бесѣдкѣ, ему сказали, что онъ *скакунъ*, на что тотъ отвѣтилъ, что, стало-быть, онъ не скакалъ, если его не свели за проскачку съ бѣга, и во флагъ-то все-таки попалъ. Шуваевъ же, ѣхавшій на *Пашѣ*, желалъ, какъ мы уже сказали, оставить обоихъ соперниковъ за флагомъ. *Дружка* онъ, дѣйствительно, оставилъ, но *Бедуинъ*, какъ мы видѣли, попалъ во флагъ, а между тѣмъ Шуваевъ, добиваясь этого, совершенно измучилъ *Пашу*, такъ что на перебѣжкѣ онъ пріѣхалъ вторымъ, а *Бедуинъ* первымъ; на вторую же перебѣжку *Пашу* совсѣмъ не пустили, и призы 1-й и 2-й лошади достались *Бедуину*. Итакъ, выиграли, слѣдовательно, сбои, а не рысь *Бедуина*. Вотъ что значитъ знать, гдѣ сбить и какъ сбить. Хоть и неправильно выигранъ призъ, но за то со всей ловкостью и изворотливостью, на которую такъ способенъ русскій человѣкъ,—нельзя было взять *мытѣмъ*, такъ взялъ *катанѣмъ*. Все это — дѣло давно минувшихъ дней, а потому надѣмся, что никто не поспѣетъ на насъ за обнаруженіе подобнаго факта, за вѣрность котораго мы можемъ поручиться, такъ какъ все это во-очію совершилось передъ нами.

Послѣ приведеннаго примѣра всякій убѣдится, что сбой—вовсе не пустое дѣло, особенно на призовой ѣздѣ, и что лошадь съ хорошо выработанными сбоями всегда имѣетъ болѣе шансовъ на выигрышъ приза, чѣмъ та, съ которой плохо занимались этими упражненіями. Въ статяхъ о *сбояхъ* и *проскачкахъ* мы нѣсколько

разъ замѣчали, что работать сбой надо такъ: принять *правую* возжу, а *лѣвую* высвободить, отчего получается сбой съ *лѣвой* ноги, послѣ котораго лошадь несравненно легче и скорѣе становится на рысь, чѣмъ еслибъ сбой получился съ *праваго бока*. Казалось бы, все равно—но на дѣлѣ выходитъ не такъ. У лошадей, точно также, какъ и у людей,—правый бокъ, сильнѣе лѣваго, кромѣ рѣдкихъ исключеній (*лѣвишхъ*)—вотъ почему, съ давнихъ поръ, какъ только начались призовыя состязанія, на всѣхъ ипподромахъ повороты дѣлаются въ лѣвую сторону для того, чтобы во время поворота, когда работаетъ одинъ бокъ лошади больше другого — работалъ бы именно правый, какъ сильнѣйшій. Кромѣ выработанныхъ сбоевъ, при призовой ѣздѣ еще очень важенъ быстрый приемъ лошади съ мѣста, т. е. отъ звонка.

П р и е м ъ.

Приемомъ называется то, когда заставляютъ лошадь съ мѣста, съ шага или съ постанова, быстро податься впередъ и моментально развернуть и пустить въ ходъ быстроту ея движеній. Не всѣ лошади и не у всѣхъ ѣздоковъ принимаютъ такъ горячо и моментально, какъ бы это слѣдовало, и это вполне зависитъ отъ той выработки, которая была употреблена для приученія лошади къ приему. Мы сказали, что при приемѣ лошадь должна моментально развернуть и пустить въ ходъ быстроту своихъ движеній; подъ этимъ мы подразумѣваемъ только, что она должна стать моментально на размажку, но, конечно, не на полную рысь, на которую она встанетъ послѣ, когда этого пожелаетъ ѣздокъ. Сразу же ставить на полную рысь съ приема не слѣдуетъ, такъ какъ при приемѣ должна быть соблюдена правильность движеній. Хотя и есть лошади, которыя сразу становятся съ приема на полную быстроту рыси, но нѣтъ такихъ, которыя сохранили бы при такомъ быстромъ постановѣ на полную размажку правильность своихъ движеній, а потому одно неминуемо должно идти въ ущербъ другому. Въ виду этого обстоятельства, необходимо, при обученіи лошади

приему, заботиться о томъ, чтобы во время него она употребляла всю свою энергію, причемъ ходъ у нея можно даже нѣсколько укорачивать, пока она не будетъ принимать правильно.

Подъѣзжая къ мѣсту, съ котораго намъ нужно сдѣлать приемъ, мы должны подготовить лошадь и подготовиться сами. Для этого возжи слѣдуетъ взять равномерно и какъ слѣдуетъ для ѣзды, чтобы не пришлось ихъ уравнивать и перехватывать послѣ приема, отчего лошадь можетъ принять и пойдти послѣ приема неправильно. Затѣмъ дѣлается легкій переводъ возжами, для того, чтобы положить на мѣсто удила, такъ какъ они могли стянуться въ сторону, да и кромѣ того, отъ такого движенія лошадь немного возьметъ возжи и задъ ея при этомъ переводѣ какъ будто качнется то въ одну, то въ другую сторону, т. е. она разнесетъ его (раздѣлитъ). Эта предосторожность важна въ томъ отношеніи, что если лошадь при приемѣ бросится впередъ со всѣхъ ногъ, то чтобы она не ударила одна о другую заднія ноги и не зашибла бы ихъ, или если сдѣлаетъ съ нихъ прыжокъ, то чтобы не зашибла ими при этомъ переднихъ ногъ, что въ особенности часто можетъ случаться съ низкоходными лошадьми, которыя при приемѣ какъ будто тыкаются внизъ головою. Лошади же съ высокимъ ходомъ обыкновенно больше выдаются передомъ, причемъ слегка запрокидываютъ шею, и такую лошадь, конечно, скорѣе можно поймать въ возжи.

Вслѣдствіе такой подготовки, лошадь пойметъ, что ее готовятъ къ приему, и пойдетъ къ мѣсту горячѣе. Вотъ она поровнялась съ призовымъ столбомъ или стала около него; раздался ударъ звонка, ѣздокъ сразу беретъ лошадь на возжи, но не вдругъ отпускаетъ ихъ, такъ какъ лошадь можетъ взять невѣрно или, чего добраго, пойдетъ еще галопомъ; если ей нужна будетъ большая свобода въ возжахъ, то, качнувъ головою, она сама попроситъ ихъ отпустить; если же этого не случится, то, по установкѣ хода лошади послѣ приема, ѣздокъ самъ почувствуетъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ отпускать возжи.

Что же касается самаго приема и того, какъ его дѣлать, то объ этомъ мы уже достаточно говорили въ статьѣ о *возжахъ*. Конечно, разница тутъ въ томъ, что дорога каждая секунда, поэтому тутъ нѣжничать некогда, да и не слѣдуетъ. Объ этомъ нужно было думать ранѣе и беречь лошадь при выѣздѣ дома и при

проѣздахъ, а теперь настало время показать результаты этого береженія и работъ, сопряженныхъ съ подготовкой лошади на призъ, равно какъ и самую быстроту хода лошади. Во всякомъ случаѣ, какъ приемы, такъ и посылы, о которыхъ мы будемъ говорить послѣ, къ призовой ѣздѣ должны быть вполне выработаны заранее, такъ чтобы во время бѣга, т. е. въ самый важный и дорогой часть для наѣздника и для поприща рысака, они никоимъ образомъ не могли затруднять ни того, ни другого, иначе всѣ труды, сопряженные съ подготовкой на призъ и съ выѣздой, могутъ рухнуть, и, вмѣсто славы и добраго слова, наѣздникъ и лошадь получатъ безславіе и охлуку.

Если лошадь хорошо подготовлена къ призу, то, конечно, наѣздникъ дѣйствуетъ смѣлѣе и увѣреннѣе, а отъ этого зависитъ многое. Хорошо развитая чувствительность рта и хорошо переданная возжи также оказываютъ огромное вліяніе на успѣхъ дѣла. Приятно видѣть, даже со стороны, блестящіе приемы такой лошади—точно стрѣла изъ арбалета вылетаетъ она, какъ только наѣздникъ натянетъ тетиву—возжи,

Мы, можетъ-быть, надѣли читателю повтореніемъ одного и того же; но что же дѣлать?—повторяемъ не изъ желанія пустословить, а изъ желанія на важныя вещи обратить побольше его вниманія. Кто искренно любитъ нашихъ благородныхъ рысаковъ, тому крайне больно и обидно видѣть, какъ многіе изъ нихъ дѣлаются жертвами небрежной выѣздки и небрежнаго обращенія и, вслѣдствіе этого, страдаютъ большими пороками и недостатками, появляющимися у нихъ отъ неумѣлости и неопытности ѣздоковъ, которымъ перѣдко они поручаются вполне безконтрольно. Хорошій приемъ, какъ мы видѣли, весьма важенъ для лошади, а потому о подготовкѣ его мы позволимъ себѣ сказать еще нѣсколько словъ,

Когда мы выйдемъ проѣзжать молодую лошадь на ипподромъ или въ поле и захотимъ поднять ее на размашку, т. е. крупную свободную рысь, то въ этомъ случаѣ намъ приходится сдѣлать приемъ, который долженъ состоять въ томъ, что мы нѣсколько прививаемъ лошадь на возжи и въ то же время прищелкиваемъ языкомъ; а если лошадь мягка, то и накладываемъ слегка возжами, отчего она и поднимается на размашку. Конечно, первый приемъ долженъ быть мягокъ, такъ какъ лошадь еще не пони-

маетъ возжей и поэтому съ нея еще нечего взыскивать. Съ каждымъ разомъ она все болѣе и болѣе привыкаетъ къ приему и начинаетъ постепенно дѣлать его, какъ только натянутъ возжи, и дѣло начинается обходиться безъ понужденія щелканьемъ языка и безъ накладыванія возжей. Достигнувъ этого, надо заботиться о томъ, чтобы, вмѣстѣ съ прибавленіемъ хода рыси, у лошади выработался и болѣе быстрый боевой приемъ. Сколько бы не пришлось дѣлать приемовъ впередъ, всегда слѣдуетъ исполнять ихъ отчетливо, чтобы лошадь понимала и чувствовала ихъ, такъ какъ отъ этого она привыкнетъ держать себя въ постоянномъ ожиданіи ихъ гораздо строже и, вслѣдствіе этого, будетъ скорѣе становиться съ нихъ на размашку, а впоследствии и на полную рысь. Строимъ приемомъ мы называемъ тотъ, къ которому будемъ готовить лошадь заранее, т. е. подберемъ возжи, сдѣлаемъ переводъ (и даже усиленнѣе, если лошадь не почувствуетъ слабago) и велѣдъ за этимъ приемъ возжи построже, такъ, чтобы лошадь почувствовала нѣчто въ родѣ толчка и подготовилась какъ можно горячѣе и строже броситься впередъ въ моментъ настоящаго приема. При этомъ, конечно, ѣздокъ долженъ обращать вниманіе на темпераментъ лошади, т. е. на то, мягка или энергична, и, сообразуясь съ этимъ, дѣлать подготовку, приготавливая мягкую лошадь строже, а энергичную—мягче. Слѣдуетъ принять за правило—не дѣлать приемовъ постоянно съ одного и того же пункта, какъ это совѣтуетъ г. Гиппіатровъ, а надо по возможности разнообразить мѣста приемовъ, такъ какъ, привыкнувъ къ одному пункту для приема, лошадь будетъ подходить къ нему горячо и только съ него станетъ брать хорошо; если же случится взять приемъ съ другого мѣста, то она выполнитъ его неохотно, находясь какъ бы въ недоумѣніи относительно того, зачѣмъ ее заставили взять съ того мѣста, съ котораго она прежде никогда не дѣлала приема. Вообще, несравненно лучше, съ чѣмъ всякій согласится, постараться такъ приготовить лошадь, чтобы она съ каждаго пункта, который пожелаетъ избрать наѣздникъ, исполняла приемъ одинаково хорошо и чтобы безъ приказанія возжей ни на какомъ мѣстѣ не начинала готовиться къ приему. Г. Гиппіатровъ, рекомендуя приемы съ одного только пункта, считалъ этимъ пунктомъ призовой столбъ. Но, во первыхъ, лошади заранее обучаются приемамъ, по большей части, не

на столичныхъ ипподромахъ и, во-вторыхъ, хорошо берущую со всякаго мѣста лошадь можно заставить за день или за два до бѣга принять нѣсколько разъ отъ призоваго столба, и она, помня это, будетъ подходить къ нему въ моментъ начала состязанія не совсѣмъ равнодушно, да и возжи наѣздника дадутъ ей заранѣе понять, что тутъ она опять должна сдѣлать пріемъ.

Здѣсь кстати позволимъ сдѣлать еще одно предостереженіе, которымъ зачастую пренебрегаютъ наѣздники. Предостереженіе это состоитъ въ томъ, что никогда не слѣдуетъ при окончаніи проѣздки останавливать лошадь всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, а лучше дѣлать остановъ въ различныхъ пунктахъ, такъ какъ безъ этой предосторожности лошадь, подѣлывая къ постоянному мѣсту останова, сама начинаетъ останавливаться безъ позволенія наѣздника, особенно тогда, когда ей порядочно приходится проѣхать, что не совсѣмъ удобно и даже некрасиво. Не зная же мѣста, съ котораго ей придется дѣлать пріемы и оканчивать ѣзду, лошадь отдается въ полное распоряженіе наѣздника, будетъ звать одинъ только возжи и повиноваться только имъ.

П о с ы л ь.

Посылъ передается лошади возжами почти такъ же, какъ и пріемъ; разница между ними состоитъ только въ томъ, что пріемъ дѣлается съ мѣста, а посылъ передается на ходу, когда желаютъ, чтобы лошадь еще прибавила хода. Это дѣлается такъ: наѣздникъ на ходу лошади принимаетъ возжи на себя, т. е. даетъ ими толчокъ (вполнѣ равносильный обѣими возжами) лошади и послѣ этого нѣсколько ослабляетъ ихъ, и хорошо поставленная лошадь должна сейчасъ же снова принять ихъ сама. Приворачиваясь къ тому, насколько посылиста и стойка лошадь, т. е. какъ долго она сноситъ и терпитъ посылы, прибавляя послѣ нихъ хода и не сбиваясь, наѣздникъ можетъ посылать ее сильнѣе или слабѣе, но только въ обоихъ случаяхъ долженъ добиться того, чтобы лошадь пошла полнымъ ходомъ рыси. Нѣкоторые ѣздоки, съ цѣлью дать

лошади сильнѣе почувствовать посылъ, дѣлаютъ при этомъ переводъ возжами; но такой посылъ терпятъ только лошади мягкія и хладнокровныя, къ энергичнымъ же лошадямъ его примѣнить нельзя. Есть ѣздоки, которые очень строго посылаютъ своихъ лошадей, и тѣ принимаютъ, не сбиваясь, такіе посылы, что можетъ служить самымъ лучшимъ доказательствомъ, что у такихъ лошадей хорошо разработана чувствительность рта и что они не потеряли возжей, а, напротивъ, какъ бы ежесекундно нуждаются въ ихъ управленіи, потому что какъ только наѣздникъ приметъ ихъ на возжи и потомъ послѣ этого ослабитъ ихъ, т. е. сдѣлаетъ посылъ, лошадь во все это время держится на рыси и сама немедленно натягиваетъ отпущенныя ей возжи. Возможность такихъ посыловъ вполнѣ вознаграждаетъ наѣздника за всѣ хлопоты, сопряженныя съ ихъ выработкой: въ роковой часъ настоящаго состязанія они даютъ ему важные шансы на выигрышъ приза и вполнѣ обезпечиваютъ необходимую при этихъ состязаніяхъ расчетливость, такъ какъ наѣздникъ, не терзаемый боязнью за какіе-либо промахи со стороны лошади и надѣясь на нее вполнѣ, повнимательнѣе послѣдитъ за соперникомъ, лучше осмотрится и сообразится въ трудную минуту бѣга.

Но, какъ бы ни былъ увѣренъ наѣздникъ въ своей лошади, тѣмъ не менѣе, при такихъ сильныхъ и строгихъ посылахъ, онъ все-таки долженъ принимать на первыхъ порахъ извѣстныя мѣры для предупрежденія того, чтобы лошадь послѣ такихъ посыловъ не сорвалась съ рыси и не сдѣлала бы сбоя. Мѣры эти должны состоять въ слѣдующемъ: если лошадь посылается посредствомъ прищелкиванія языкомъ или чмоканьемъ губъ, тогда отъ сбоя ее предостерегаютъ возжами; если же, наоборотъ, ее посылаютъ сильно возжами, то въ этотъ моментъ уговариваютъ лошадь словами: „тпру, тпру“. Впослѣдствіи всѣ эти предосторожности сдѣлаются излишними и лошадь безъ всякихъ уговариваній будетъ выдерживать сильный посылъ, такъ что нерѣдко вырабатываются такіе терпѣливыя къ посылу лошади, которымъ наѣздники не опасаются накладывать возжи на полномъ ходу рыси,—только крикнуть при этомъ *тпру*, и лошадь устояла отъ сбоя. Не со всѣми, конечно, лошадьми одинаково легко или трудно вырабатывать посылы: энергичныя лошади обучаются имъ легко, мягкія же, напротивъ, трудно и съ большой предваритель-

ною подготовкой. Чтобы заставить иных мягких лошадей принимать посылъ, волей-неволей приходится прибѣгать къ бичеванію ихъ арапникомъ, несмотря на то, что истинному охотнику просто противно допускать эту мѣру и онъ соглашается продѣлать ее надъ нашимъ знаменитымъ рысакомъ только въ самомъ крайнемъ случаѣ.

Бываютъ такіа лошади, во время испытанія которыхъ ѣздокъ замѣчаетъ ихъ силу, рѣзвость, свободное дыханіе, вѣрность хода и всѣ данныя для хорошей и быстрой ѣзды, но нѣтъ въ нихъ только одного и самаго важнаго—нѣтъ расположенія къ ѣздѣ, нѣтъ одушевленія и энергіи. Ёздокъ принимаетъ всевозможныя мѣры, чтобы расположить лошадь къ этому, даетъ ей перестоять день или два, чтобы возбудить въ ней одушевленіе,—закладываетъ и ѣдетъ, но опять то же самое. Онъ старается побудить ее возжами къ большому одушевленію, но убѣждается только въ томъ, что возжи она знаетъ и отвѣчаетъ имъ, но значительный запасъ своего хода бережетъ при себѣ и, при всемъ стараніи со стороны ѣздока, не пускаетъ этого запаснаго капитала въ оборотъ. Въ такомъ случаѣ, послѣ новаго и тщательнаго испытанія лошади, остается одно средство—прибѣгнуть къ арапнику. Наѣздникъ и прибѣгаетъ къ нему, какъ къ единственному якорю спасенія. На дрожки позади себя онъ сажаетъ конюха и, выѣхавъ на ипподромъ, приказываетъ ему отпустить лошади известное число ударовъ, заранѣе условленное и въ шутку переведенное на рубли—на одинъ рубль, на два, на три и т. д.

Кромѣ вышеописанныхъ лошадей, и между энергичными иногда встрѣчаются такіа, которыя не становятся на полный ходъ рыси, хотя и понимаютъ возжи и правильною выѣздкой поставлены на вѣрный ходъ. Это зависитъ отъ того, что при машистости нашего рысака, на полномъ ходу бываетъ заносъ заднихъ ногъ за ступню (слѣдъ) переднихъ, достигающій до $2\frac{1}{2}$ — $2\frac{3}{4}$ аршинъ. Поэтому рысакъ какъ бы боится самъ своего хода и остерегается дать полный размахъ своимъ конечностямъ и своему, такъ хорошо устроенному, механизму. Для устраненія этого, слѣдуетъ лошадь, какъ говорится, *поосмѣлить* посылкомъ посредствомъ арапника и допустить, чтобы посылъ этотъ перешелъ въ проскачку: такой посылъ устранить боязливость, и она смѣлѣе будетъ работать ногами.

Итакъ, приходится иногда мириться и съ такими посылками, но прибѣгать къ нимъ, повторяемъ, надо только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, предварительно провѣривъ, нѣтъ ли какихъ-либо другихъ причинъ, болѣе или менѣе зависящихъ отъ насъ самихъ, по которымъ лошадь бѣжитъ неохотно и не становится на полную рысь. Прежде всего надо сообразить, давно ли рысакъ въ заѣздкѣ, какую получалъ порцію корма, какого онъ роста, и возраста, не обезсиленъ ли выѣздкой, не грузенъ ли чрезмерно, до тягости, тѣломъ, охотно ли ѣстъ кормъ, давали ли ему достаточный отдыхъ и перестой послѣ проѣздки, на которой замѣтили, что онъ не въ духѣ, не тяжелы ли дрожки по его возрасту, не давали ли большихъ концовъ (заѣздовъ) съ одного приема и, наконецъ, не мѣняетъ ли онъ зубы *). Въ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда рысакъ мѣняетъ зубы, ему можно назначать только прогулку въ дрожкахъ, а никакъ не настоящую ѣзду съ посылками всякаго рода. Если онъ дѣйствительно въ такомъ возрастѣ, то пожалѣемъ его и пождемъ бичевать, а лучше побережемъ его для будущаго. Да и что съ него еще можно спрашивать? Все время онъ только росъ и формировался, а окрѣпнуть не успѣлъ. Вѣдь наша же ошибка, что мы черезчуръ рано захотѣли выдерживать его и, съ цѣлью подсушить его, не давали ему въ достаточномъ количествѣ ни воды, ни овса, а теперь хотъ и даемъ много того и другаго, да бѣда-то въ томъ, что теперь онъ уже самъ захотѣлъ себя подсушивать, а потому плохо ѣстъ и пьетъ.

Будемъ истинными охотниками и прежде, чѣмъ прибѣгать къ вынудительнымъ посылкамъ, которыхъ, впрочемъ, мы не рекомендуемъ, а только указываемъ, какъ на послѣднія, крайнія, средства,—взвѣсимъ всѣ причины, перечисленные нами, по которымъ лошадь можетъ идти неохотно, и постараемся сначала устранить тѣ изъ нихъ, которыя замѣтимъ, а потомъ уже будемъ взыскивать съ нашего рысака. Но взыскъ этотъ долженъ сообразоваться съ возрастомъ и силой рысака, и если мы будемъ требовать съ него

*) Рысакъ мѣняетъ зубы въ возрастѣ около $4\frac{1}{2}$ лѣтъ и во время этого періода находится въ болѣзненномъ состояніи, характеризующемся слабостью всего организма, а нерѣдко и лихорадочнымъ состояніемъ. Признаками этого явленія служатъ то, что лошадь начинаетъ пить мало и глотками, какъ бы грѣя зубы въ водѣ, ворсъ шерсти не лежитъ гладко и какъ бы запрокидывается къ головѣ.
Н. Т.

того же, что и со взрослой лошади, то только измучимъ его, а толку не добьемся. Если мы будемъ беречь жеребятъ и усиливать ѣзду на нихъ—соображаясь съ ихъ возрастомъ и съ ихъ силами, то тѣмъ сохранимъ ихъ въ бодрости и въ духѣ до старости; если же, напротивъ, на жеребятахъ мы начнемъ ѣздить спозаранку и какъ на старыхъ лошадяхъ, тогда намъ хватить ихъ не надолго, и подъ ихъ старость на нихъ придется ѣздить такъ же осторожно, какъ и на жеребятахъ. Съ лошади, вѣдь, нельзя спросить и потребовать болѣе того, что она сама получила въ даръ отъ природы, и въ рукахъ владѣльца лошади находится это все,—онъ воленъ сразу растратить и взять у лошади всѣ эти дары, т. е. срубить сразу подъ корень плодовое дерево и обобрать съ него плоды, или же оставить его расти и развиваться, чтобы пользоваться плодами съ него годъ отъ году все въ большемъ количествѣ. Лучше выбрать послѣднее и послушаться мнѣній и совѣтовъ людей вполне компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ; недостатка въ такихъ совѣтахъ быть не можетъ,—стоитъ только обратиться къ истиннымъ любителямъ, цѣнителямъ и знатокамъ нашей славной орловской породы. Одинъ изъ нихъ, почтенный В. И. Коптевъ, истинный любитель типичныхъ орловскихъ лошадей, неоднократно поддерживалъ эти взгляды и развивалъ любовь къ этому типу печатнымъ словомъ, за что, по всей вѣроятности, стяжалъ себѣ не одно сердечное *спасибо* отъ всѣхъ, кому дорогъ типъ орловскаго рысака и кто съ отвращеніемъ смотритъ на попытки новѣйшихъ владѣльцевъ превратить его въ *американскаго быгуна*. А такой *быгунъ* получается именно вслѣдствіе преждевременной заѣздки, искусственной выдержки, усиленной ѣзды на молодой лошади, путемъ еще не успѣвшей ни вырасти, ни сложиться. И отъ такой-то лошади требуютъ значительной рѣзвости для того только, чтобы записать ее на призъ, на который уже записанъ ея соперникъ, обнаруживающій, при одинаковомъ возрастѣ, еще большую быстроту, такъ что приходится добигаться и отъ записываемой лошади такой же рѣзвости, какою отличается уже записавшая. Такимъ образомъ начинаютъ тянуть ее на всѣ лады въ 3—4 лѣтнемъ возрастѣ и въ оправданіе себя говорить, что вотъ, молъ, такой-то одногодокъ ея уже записанъ и идетъ во столько-то; а того не сообразятъ, что Россія-матушка велика и отличается разнообразіемъ мѣстныхъ и

климатическихъ условій, которыя имѣютъ огромное вліяніе на быстрое или медленное сложеніе жеребятъ, такъ что жеребята различныхъ мѣстностей и заводовъ, будучи ровесниками, не могутъ быть подведены подъ одну категорію по силѣ и крѣпости, и питомцы заводовъ, напр., Московской и Тверской губерній будутъ, навѣрное, слабѣе своихъ саратовскихъ и тамбовскихъ ровесниковъ. Да при томъ, въ молодомъ возрастѣ, не во всѣхъ заводахъ дается одинаковаго количества и качества кормъ, а это—тоже важная статья. На столы состязанія лошади приводятся отовсюду и южные питомцы пускаются съ сѣверными на одинаковыхъ условіяхъ.

Такимъ малолѣткамъ на первомъ же состязаніи уже назначаютъ продажную цѣну, и лошадь иногда, по игрѣ счастья пришедшая на нѣсколько секундъ ранѣе, цѣнится несравненно выше хорошей типичной лошади, взявшей вторые деньги, и *быгуна-скоростяку*, удачно промчавшагося какимъ-то барсучьимъ ходомъ три версты, продаютъ за баснословную цѣну, да еще этимъ не ограничиваются, а начинаютъ указывать всѣмъ на тѣ секунды, въ которыя онъ прошелъ дистанцію, и хвастаться этимъ подвигомъ. Прельщенные такимъ фортелемъ, владѣльцы и наѣзники, вернувшись съ бѣга домой, принимаютъ изъ всѣхъ силъ готовить своихъ, типичныхъ и достойныхъ сбереженія, молодыхъ лошадей къ будущему состязанію съ бѣгунками и не брезгаютъ при этомъ самыми сильными, непозволительными, по возрасту, посылками. Они не думаютъ, достоинъ ли вниманія *соперникъ-быгунъ*, съ его быстротечной карьерой,—вѣдь, онъ только и готовится на эти три версты, блеснетъ какъ стекло на солнцѣ и исчезнетъ безъ вѣсти. Рѣдко, очень рѣдко эти бѣгунки выдерживаютъ сезонъ, по большей же части подъ конецъ его они уже начинаютъ уступать призы болѣе выдержаннымъ и сбереженнымъ лошадямъ, которыхъ готовили не на одно только состязаніе, а на бѣговое поприще вообще; на второй сезонъ эти бѣгунки и не появляются, такъ какъ дѣлаются уже никуда негодными, да ими и заниматься-то некогда,—надо готовить новыхъ бѣгуновъ изъ молодыхъ да въ ранніе.

Не этимъ славились настоящіе рысаки и слава ихъ не была такъ мишурна и мимолетна. Бѣговое поприще ихъ было продолжительнѣе, ихъ крѣпость и рѣзвость испытывались и выходили съ торжествомъ послѣ многихъ состязаній и на различныя дистан-

ции, а когда они сходились съ бѣговаго поприща, то поступали въ заводъ и дѣлались мощными производителями новыхъ поколѣній рысаконъ, новаго славнаго потомства, которое получало особую цѣну именно потому, что шло отъ такихъ производителей. Спустя много лѣтъ послѣ смерти такого рысака имя его все-таки продолжало повторяться въ аттестатахъ нисходящаго потомства и даже боковое родство съ нимъ служило рекомендаціей молодой лошади.

Бывали и такіе случаи, что лошади, которыя были посолондѣе подготовлены, оставались за флагомъ *бѣгунками* на первыхъ состязаніяхъ, или брали вторыя деньги, впослѣдствіи же сами оставляли за флагомъ или раскидывали по кругу этихъ *бѣгунконъ* и долго съ честью держались на ипподромахъ, тогда какъ ихъ первоначальные побѣдители исчезали Богъ вѣсть куда. Дѣло въ томъ, что быстрота и сила *бѣгунконъ* начинаютъ постепенно *уменьшаться* послѣ перваго же побѣднаго состязанія, или, въ болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, остается безъ измѣненія. На второй годъ, отставая отъ побѣжденныхъ ими прежде рысаконъ, они возбуждаютъ въ зрителяхъ нѣчто въ родѣ ироніи: „въ прошлый годъ все взяли съ этой лошади,—что же съ нея хотятъ взять въ нынѣшній?“ Нѣкоторыя же лошади, бравшія въ первый сезонъ своего поприща вторыя деньги или даже совсѣмъ не бравшія ихъ, возбуждали нерѣдко глубокія симпатіи къ себѣ со стороны знатковъ, и тѣ принимались увѣрять, что быстрота этихъ лошадей еще разовьется, что спѣшить еще не къ чему и т. д., и, дѣйствительно, такія пророчества оправдывались зачастую,—лошади постепенно достигали степени первоклассныхъ рысаконъ и съ честью держались на ней.

Итакъ, терпѣніе—глава всему въ этомъ дѣлѣ и съ нимъ, равно какъ и съ любовью къ славной и родной нашей рысистой породѣ—можно многого добиться отъ ея представителей. Побережемъ же ихъ и отложимъ до самой крайней необходимости въ немъ—строгое бичеваніе, а сначала испытаемъ всѣ другія, зависяція отъ насъ, средства и попробуемъ подпустить къ рысаку добрую поддужную лошадъ,—авось она *осмылитъ* его при помощи терпѣливаго и опытнаго ѣздока и смышленнаго поддужнаго.

Поддужный и поддужная лошадъ.

Мы уже неоднократно имѣли случай упоминать про поддужную лошадъ, такъ какъ она была нужна рысаку еще тогда, когда его водили за кряквами, когда отпускали отъ нихъ и водили съ поддужной на поводѣ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ мы говорили болѣе о молодомъ рысакѣ и путемъ не познакомили читателя съ поддужной лошадыю и съ ея ролью въ дѣлѣ выѣздки рысака. Теперь настала пора исполнить это.

Названіе свое—*поддужная*—лошадъ получила, по всей вѣроятности, вслѣдствіе того, что она скачетъ при проѣздахъ и состязаніяхъ рысака *болѣе* *) около дуги; по крайней мѣрѣ мы не можемъ объяснить происхожденіе этого названія чѣмъ-либо инымъ. Но, какъ-бы то ни было, поддужная лошадъ, что мы уже видѣли и увидимъ далѣе, положительно необходима при выѣздѣ рысака, при проѣздахъ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже при самыхъ призовыхъ состязаніяхъ. Поддужная лошадъ подпускается къ рысаку съ цѣлью пріохотить его къ работѣ,—съ цѣлью, какъ говорится, *пораспустить* его. При этомъ, конечно, поддужныя лошади подпускаются не ко всѣмъ рысакамъ по однимъ и тѣмъ же правиламъ и на однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Наѣздникъ долженъ располагать поддужною лошадыю—сообразуясь съ темпераментомъ рысака и его энергіей, равно какъ и съ тѣмъ, какъ онъ терпитъ поддужную; согласно этому, онъ и отдаетъ приказанія поддужному относительно того, какъ и въ какое время тотъ долженъ подѣзжать къ рысаку, т. е. съ пріема ли или со второй версты, со втораго заѣзда и т. д., равно какъ дѣлаетъ указанія на то, на какомъ разстояніи онъ долженъ держаться отъ рысака. Сначала поддужный ѣдетъ противъ задняго колеса дрожекъ, и рысакъ, обыкновенно, вполне терпитъ это, т. е. не горячится. Убѣдившись въ этомъ, поддужный подается впередъ и выравниваетъ кор-

*) Скаканіе около дуги есть только самый обыкновенный пріемъ, а потому мы и употребили слово *болѣе*, изъ котораго, слѣдовательно, не должно выводить, что поддужная лошадъ скачетъ постоянно такъ; она, напротивъ, сообразно съ надобностью, дѣлаетъ при проѣздахъ рысака разнообразныя маневры.

пусть своей лошади съ корпусомъ рысака, а если послѣдній выдерживаетъ хладнокровно и этотъ напоръ, то выдвигаетъ свою лошадь на голову впередъ, что наноситъ большой ударъ самолюбію рысака и заставляетъ его также торопиться и прибавлять рыси. Все вниманіе поддужнаго должно быть сосредоточено на рысакѣ, и, смотря постоянно на его голову, онъ не упускаетъ изъ вида ни малѣйшихъ его движеній,—по ней онъ видитъ, не сдаетъ ли рысакъ возжей или не повисъ ли на сбою и т. д.; замѣтя что-либо подобное, поддужный долженъ принять свои мѣры. Такъ, напр., замѣтивъ, что рысакъ готовится къ сбою, поддужный немедленно отдаляетъ отъ него свою лошадь на болѣе почтительное разстояніе, чтобы не горячила его, а самъ старается уговорить рысака словами: „тиру, тир!“ Такое дѣйствіе опытнаго поддужнаго даетъ также предостереженіе и наѣзднику относительно того, что рысакъ готовится къ сбою, и тотъ принимаетъ свои мѣры. Поэтому въ высшей степени важно, чтобы наѣздникъ заранѣе уговорился съ поддужнымъ про образъ дѣйствій во всѣхъ предвидѣнныхъ и непредвидѣнныхъ случаяхъ и познакомилъ-бы его какъ можно тщательнѣе съ его обязанностями. Опытный поддужный во многомъ можетъ помочь наѣзднику, такъ какъ онъ съумѣетъ подзадорить рысака, а вмѣстѣ съ тѣмъ предохранить его отъ сбоя, во-время замѣтивъ и даже заранѣе предугадавъ его возможность. Кромѣ того, у наѣздника при опытномъ поддужномъ болѣе развязавъ руки относительно посыловъ: онъ пошлетъ рысака, сдѣлавъ предварительно знакъ поддужному, и поддужный постарается всѣми неправдами уговорить рысака и удержать его на рыси при этомъ посылѣ. Словомъ, полный успѣхъ, особенно на призовыхъ состязаніяхъ, можетъ быть только тогда, когда между этими четырьмя быстро несущимися существами царствуетъ полное согласіе. Все это, конечно, должно быть выработано заранѣе, такъ какъ, напр., во время выѣздки некогда уже ни сговариваться, ни разговаривать,—тутъ какого-нибудь отрывочно произнесеннаго наѣздникомъ слога *тиру* вполне достаточно для того, чтобы предостеречь поддужнаго, что рысакъ готовится къ сбою, или что наѣздникъ хочетъ его послать. Отъ несогласія же въ дѣйствіяхъ могутъ получиться самые печальные результаты: такъ, напримѣръ, нерѣдко бывали и бываютъ случаи, что безъ позволенія наѣздника под-

дужный сильно выпускалъ впередъ свою лошадь тогда, когда рысакъ и безъ того шелъ полною рысью, и отъ этого рысакъ начиналъ скакать. Наѣздникъ самъ долженъ чувствовать по возжамъ и видѣть по ходу, идетъ ли рысакъ полною рысью, или нѣтъ, и если нѣтъ, то приказываетъ поддужному дѣйствовать смѣлѣе. Но поддужный въ этомъ дѣлѣ отнюдь не долженъ поступать по своему произволу, безъ разрѣшенія на то наѣздника, такъ какъ его дѣло—приохотить рысака бѣгать съ поддужной лошадейю и предохранять отъ сбоевъ, а вовсе не посылать его.

Въ виду такого весьма важнаго значенія поддужнаго въ дѣлѣ выѣздки лошади и при состязаніяхъ, необходимо выбирать въ эту должность самаго смѣтливаго, ловкаго, смѣлаго и хладнокровнаго конюха, который бы чувствовалъ къ этой должности призваніе и способность, вникалъ бы въ дѣло и понималъ его, когда это потребуется, даже со знаковь и полусловъ.

Поддужная лошадь должна быть рѣзва, вынослива, добра и не груба. Съ мѣста она должна брать хорошо въ карьеръ, но не заноситься, быть легкой въ рукѣ, не отставать отъ поводырей и не сдавать головы направо и налево, такъ какъ отъ этого задъ ея можетъ подвернуться къ оглоблѣ и помѣшать рысаку. Скакать ей слѣдуетъ низкимъ, учащеннымъ карьеромъ, а не рѣдкимъ махомъ, такъ какъ иначе она можетъ выдаваться впередъ рысака каждымъ своимъ скачкомъ; она должна хорошо знать поводья, такъ что если прижать поводъ къ правой сторонѣ шеи, то чтобъ отъ этого она подавалась *влево*, и наоборотъ. Словомъ, поддужная лошадь должна быть столь легка въ управленіи ею, что поддужный нисколько не забочился бы объ этомъ, скача на ней съ рысакомъ, и почти забывъ о ней, а обращалъ бы вниманіе только на рысака.

Мы сказали уже, что если поддужный замѣтитъ готовность рысака къ сбою, то тотчасъ же долженъ отдалить отъ него, на значительное разстояніе, свою лошадь. Чтобъ исполнить это, поддужный сначала откидываетъ свою лошадь въ сторону отъ рысака, т. е. отъѣзжаетъ отъ него направо и налево (смотря по тому, съ какой стороны скачетъ), и потомъ уже, если это будетъ нужно, уменьшаетъ и аллюръ своей лошади. Эта предосторожность соблюдается потому, что лошадь, ознакомленную съ поводьями, несравненно легче моментально откинуть въ сторону, чѣмъ заста-

вить уменьшить аллюръ, а во-вторыхъ потому, что, останавливая лошадь около рысака и принимая, для этого, ее на поводья, можно подставить ей задъ подъ переднее колесо дрожекъ, которымъ можно подшибить ее и даже повалить на дрожки.

Итакъ, если все, что можетъ принести дѣйствительную пользу для поощренія рысака, будетъ оцѣнено по достоинству и принято поддужнымъ и наѣздникомъ, и если они постараются обоюдно предусмотрѣть и устранить всякія вредныя случайности, тогда поддужный и его лошадь, дѣйствительно, могутъ оказать на рысака самое благотѣльное вліяніе, т. е. приохотить его къ дѣлу и пораспустить на полный ходъ.

Нѣкоторые наѣзники желаютъ при посредствѣ поддужнаго достигнуть еще большихъ результатовъ и *по-своему распусти*ть рысака. На проѣзду они берутъ, вмѣсто одного, двухъ поддужныхъ, и когда, послѣ втораго или третьяго сбоя, наѣздникъ скажетъ: *разъ*, то поддужные, находящіеся по обѣимъ сторонамъ рысака, даютъ своимъ лошадямъ шенкеля, а по рысаку накладываютъ арапникомъ, и такимъ образомъ распускаютъ рысака до тѣхъ поръ, пока наѣздникъ не велитъ перестать.

Мы сказали уже нѣсколько словъ о нашемъ взглядѣ на подобныя приемы (см. статью — *посылъ*), а потому находимъ совершенно излишнимъ вновь оцѣнивать пользу и вредъ подобныхъ экзекуцій, которыя остряки называютъ обыкновенно *баней*. Если наѣздникъ чаётъ достигнуть отъ подобныхъ экзекуцій какой-либо пользы для рысака и если онъ убѣдился, что всѣ другія средства бесплодны и бесполезны, въ такомъ случаѣ, имѣя въ виду пользу, нельзя не допустить и такого жесткаго приема. Такое бичеваніе допустимо только, само собой разумѣется, съ лошадью готовящейся на призъ, но въ большинствѣ другихъ случаевъ оно не имѣетъ ни цѣли, ни смысла. Производится оно за нѣсколько дней передъ состязаніемъ, — слѣдовательно, послѣ того, когда наѣздникъ уже нѣсколько разъ успѣлъ прикинуть лошадь по секундометру и убѣдился, что ходъ ея нѣсколько тихъ сравнительно съ соперниками, но что она, тѣмъ не менѣе, *могла бы идти рѣзвѣе*. И вотъ для того, чтобы добиться отъ лошади полного хода, наѣздникъ прибѣгаетъ къ бичеванію, какъ къ послѣднему средству получить благоприятный результатъ. Послѣ бичеванія дается лошади не-

большой отдыхъ, и затѣмъ наѣздникъ вновь прикидываетъ ее на секунды. Если окажется, что послѣ экзекуціи рысакъ прошелъ быстрѣе, то, слѣдовательно, наѣздникъ не ошибся, что прежде ходъ рысака былъ не полный и, значитъ, *баня* пошла ему въ пользу. Если же, наоборотъ, рысакъ и послѣ экзекуціи ничего не прибавилъ въ быстротѣ своего хода, тогда само благоразуміе требуетъ оставить его въ покоѣ и не вымогать изъ него бичеваніемъ того, что онъ по своей природѣ не въ силахъ дать, и если рысь, на которой онъ держится, не достаточно быстра для призоваго состязанія, то рысака не слѣдуетъ и пускать на него, а лучше, переставъ бесполезно выжимать изъ него прибавку рыси, поберечь, и онъ останется отличной, неизнуренной, невытянутой и рѣзвой упряжною лошадью для городской ѣзды.

Къ несчастію, наѣзники не всегда точно стараются опредѣлить, идетъ ли лошадь своимъ полвымъ ходомъ, или можетъ прибавить его отъ насильственныхъ экзекуцій. По большей части, если лошадь, готовящаяся на призъ, нѣсколько тиха, они стараются непременно устроить надъ ней баню. Этимъ особенно отличаются тѣ наѣзники, которымъ хотъ одинъ разъ удалось получить, вслѣдствіе экзекуцій, удовлетворительный результатъ, т. е. на столько *распусти*ть лошадь, что она выиграла призъ; но, примѣняя этотъ методъ экзекуцій и *бань* ко всѣмъ лошадямъ безъ различія, такіе наѣзники большинству изъ нихъ скорѣе приносятъ вредъ, чѣмъ пользу, въ особенности когда имъ придется готовить лошадей для бѣга на призъ. Поэтому мы считаемъ долгомъ повторить еще разъ, что экзекуціи могутъ быть допускаемы только тогда, когда наѣздникъ вполне убѣдился въ томъ, что *лошадь можетъ идти рѣзвѣе, но не идетъ именно вслѣдствіе своей мягкости, неэнергичности или по другимъ какимъ-либо причинамъ*.

Во всякомъ случаѣ не худо бы было учредить такой порядокъ, чтобы наѣзники предупреждали владѣльца завода или его управляющаго о намѣреніи дать лошади экзекуцію и производили бы ее не иначе, какъ съ ихъ разрѣшенія. Послѣдніе же, по всей вѣроятности, прежде чѣмъ дать такое разрѣшеніе, не откажутся сами убѣдиться въ томъ, нужно оно или нѣтъ, а главное — можетъ ли привести къ благоприятному результату. Если непол-

нота хода на рыси происходит не от недостатка энергичности и развитію быстроты хода препятствуетъ устройство дыхательныхъ органовъ и самый складъ лошади, въ такомъ случаѣ всякія экзекуціи будутъ не только бесполезны, но еще озлобятъ и вытянутъ лошадь. Если же не окажется въ лошади ни одного изъ вышеприведенныхъ природныхъ недостатковъ, то надо убѣдиться въ томъ, что, можетъ-быть, она проходитъ тихо извѣстную дистанцію потому только, что такая дистанція ей не подъ силу, т. е. убѣдиться въ томъ, не малосильна ли лошадь. Сдѣлать это не трудно,—стоитъ только провѣрить, во сколько секундъ лошадь идетъ одну версту и во сколько идетъ три версты безъ роздыха. Если со второй и третьей версты число секундъ начнетъ все болѣе и болѣе прибавляться, т. е. лошадь будетъ идти все тише, то ясно, что виною этого будетъ одно малосиліе. Если окажется въ лошади такой недостатокъ, то мы совѣтуемъ не изнурять ее подготовкой на призъ, такъ какъ, при той баснословной рѣзвости, съ которой ѣдутъ на призы современные рысаки, съ малосильной лошадью нечего и соваться.

Баснословная быстрота современныхъ призовыхъ лошадей, для достиженія которой, какъ мы уже имѣли случай замѣтить въ статьѣ „о посылѣ“, принесенъ въ жертву красивый и картинный природный ходъ орловскаго рысака, дѣйствуетъ также въ высшей степени заразительно на наѣздниковъ. Если кому-нибудь изъ нихъ хоть разъ въ жизни удастся спустить лошадь съ верхняго хода на нижній, вслѣдствіе чего достигнуть большей отъ нея рѣзвости и взять призъ, то повѣрите, что они и со всѣми другими, сравнительно тихими, лошадьми, которыя попадутся въ ихъ руки, будутъ поступать такимъ же образомъ и вытягивать ихъ на всѣ лады для того только, чтобы сдѣлать ихъ призовыми. Конечно, это очень рѣдко удастся имъ, а несравненно чаще послѣ такой школы они бывають принуждены объявить, что лошадь на призъ не годится. Такая лошадь, недотянутая для призовой ѣзды и перетянутая для городской, съ испорченнымъ низкимъ ходомъ, съ подтянутыми боками и уже съ нѣсколько поразстроенными ногами, возвращается въ заводъ, гдѣ и произносятъ надъ ней слѣдующій приговоръ: „въ продажу для городской ѣзды въ такомъ видѣ она не годится, такъ пусть лучше на росахъ походить да поваляется, а тамъ увидимъ“.

Наѣздники, хоть изъ самолюбія, должны удерживаться отъ такихъ поверхностныхъ взглядовъ на природныя средства лошадей для призовыхъ состязаній и мѣрить ихъ всѣхъ на одинъ аршинъ. Подобная опрометчивость съ ихъ стороны, естественнымъ послѣдствіемъ которой является возвращеніе лошади въ заводъ, всегда даетъ обильную пищу для насмѣшекъ всякаго рода надъ потерпѣвшимъ неудачу наѣздникомъ. Кому какое дѣло до того, что онъ, быть-можетъ, ошибся по охотѣ, по увлеченію. Его ошибка—на-лицо, а слѣдовательно есть прямой поводъ позлословить на его счетъ,—все-таки пища для заводскихъ конюховъ, кучеровъ, наѣздниковъ-сотоварищей и т. п. Начинается подробный разборъ происхожденія наѣздника: одинъ кричитъ, что прежде онъ былъ торговцемъ, другой—что извозчикомъ, артельщикомъ и т. д., какъ будто наѣздникъ такъ-таки и долженъ родиться наѣздникомъ, съ конькомъ на лбу, и прежде никакихъ должностей не могъ занимать, а прямо долженъ быть поставленъ еще въ качкѣ на заводъ, а какъ подросъ, такъ и садиться на дрожки и брать призы. Конечно, подобная критика не особенно логична, хотя бы уже и потому, что самъ лучший и незабвенный русскій наѣздникъ, гр. А. Г. Орловъ, не былъ наѣздникомъ отъ природы и какъ по званію, такъ и по дѣламъ государственнымъ вовсе не стоялъ близко къ этому искусству, любовь къ которому онъ пріобрѣлъ только въ послѣдствіи. Вспомнимъ и другаго отличнаго наѣздника-любителя, И. И. Рогова, извѣстнаго торговца и коннозаводчика, сдѣлавшагося отличнымъ наѣздникомъ единственно только по личной охотѣ и по страстной любви къ лошади и ея выѣздкѣ.

Далѣе начинается переборка, у кого жилъ наѣздникъ прежде, сколько лошадей перепортилъ и т. д., а о томъ, сколько ихъ исправилъ, сколько выигралъ призовъ и сколько этимъ пріохотилъ къ дѣлу спортсменовъ, конечно, помалчивають. Мы говоримъ все это какъ для того, чтобы предостеречь наѣздниковъ и сдѣлать ихъ болѣе внимательными къ выбору лошадей для призовой подготовки, такъ и въ предостереженіе владѣльцевъ завода, которые нерѣдко придають всѣмъ этимъ сплетнямъ и злословіямъ о наѣздникахъ несравненно большій вѣсъ и значеніе, чѣмъ они имѣють на самомъ дѣлѣ, и по милости этихъ-то сплетенъ иногда отказываются брать въ услуженіе дѣльнаго и быть-можетъ только разъ увлекшагося и ошибившагося наѣздника.

Повторяемъ: и для наѣзника, и для владѣльца несравненно будетъ пріятнѣе и выгоднѣе, если первый, прикинувъ нѣсколько разъ лошадь и *убѣдившись* въ ея природной неспособности къ большой быстротѣ, не станетъ тянуть ее на всѣ лады и дѣйствовать на-авось, а возвратитъ ее въ заводъ и прямо откажется отъ подготовки на призъ. Мы можемъ въ этомъ случаѣ поставить въ примѣръ извѣстнаго и талантливаго наѣзника, И. И. Кочеткова, который твердо придерживается этого метода и почти всегда вѣрно выбираетъ лошадей дѣйствительно годныхъ для призовой ѣзды. Москва и Петербургъ достаточно уже ознакомились съ результатами избраннаго Кочетковымъ и его хозяевами метода по тѣмъ блестящимъ результатамъ, которые имѣли ихъ лошади на ипподромахъ обѣихъ столицъ, особенно *Крутой 2-й и Летунъ*. Положимъ, что и сами владѣльцы такихъ лошадей покупаютъ ихъ уже выѣзженными и даютъ за рѣзвыхъ лошадей, которыхъ они прикидываютъ по секундомеру, большія деньги. Но, вѣдь, рѣзвыхъ лошадей много и за деньги ихъ всегда можно купить, а сколько изъ нихъ выйдетъ призовыхъ—это Богъ вѣсть. Слѣдовательно, въ томъ-то и задача, чтобъ изъ массы предполагаемыхъ рѣзвыхъ лошадей выбрать одну, двухъ или трехъ—пригодныхъ для призовой ѣзды. Задача эта, само собою разумѣется, разрѣшается какъ навыкомъ и опытомъ, такъ равно особеннымъ вниманіемъ при опредѣленіи качествъ призовой лошади и изученіемъ ея. Благодаря соблюденію подобныхъ правилъ и полной внимательности къ выбираемымъ лошадямъ, Кочетковъ рѣдко впадаетъ въ ошибки, а это, во всякомъ случаѣ, служить отличною для него рекомендаціей. Было время, когда и про этого талантливаго наѣзника говорили, что онъ перепортилъ много лошадей въ заводѣ покойнаго Н. И. Ершова, и на этотъ разъ говорила объ этомъ не заводская челядь, а самъ Н. И. Ершовъ и другія личности, заслуживающія болѣе или менѣе довѣрія. Всѣ эти личности обвиняли Кочеткова именно въ томъ, что онъ, выѣзжая лошадей, не умѣлъ сберегать ихъ. Но не эти ли первоначальныя ошибки и научили Кочеткова быть впослѣдствіи столь внимательнымъ къ выбору лошадей для призовой ѣзды, по пословицѣ: *обожжешься на молоко, станешь дуть и на воду?* И дѣйствительно, эта практика съ ея печальными результатами послужила ему отличною наукой, изъ которой

онъ извлекъ столько пользы и получилъ такую опытность, что въ настоящее время ни одинъ знатокъ призоваго дѣла и ѣзды не откажется присудить Кочеткову пальму первенства за выборъ лошадей и за смѣлку въ призовомъ дѣлѣ. На Кочеткова не слѣдуетъ, однако, смотрѣть исключительно какъ на боеваго ѣздока, и многіе коннозаводчики предлагаютъ ему большое жалованье (какъ мы слышали, 200 р. въ мѣсяцъ), съ тѣмъ, чтобъ онъ занялся на ихъ заводахъ прежнею профессіей, т. е. выѣзкой лошадей, но на подобныя условія онъ не соглашается. Когда намъ случалось говорить съ нѣкоторыми лицами о двухсотенномъ жалованьи, предлагаемомъ Кочеткову, то многіе изъ нихъ замѣчали съ ироніей, что это—*профессорское* жалованье. Мы вполне соглашаемся съ этимъ, но въ то же время думаемъ, что, вѣдь, не грѣхъ каждому имѣть свою спеціальность и служить самымъ разнообразнымъ искусствамъ, равно какъ стараться изучить ихъ до мельчайшихъ подробностей и довести до высшей степени совершенства. Кочетковъ, дѣйствительно, профессоръ призоваго дѣла, въ чемъ согласится всякій знатокъ, знакомый съ его мастерскою ѣздой, отличающейся ровностью, незапальчивостью и разсчитанностью. Если Кочетковъ возьметъ призъ, то навѣрное съумѣетъ показать при этомъ и ѣзду лошади, и блестящую подготовку,—словомъ, убѣдить зрителей, что призъ взять лошадью не даромъ, не случайно, а по заслугамъ. Если же Кочетковъ беретъ вторыя деньги (призъ второй лошади), то лошади и ѣздоку, взявшимъ 1-й призъ, достается онъ не легко. Кромѣ того, къ чести этого талантливаго русскаго наѣзника слѣдуетъ отнести еще то, что онъ всегда готовъ къ дѣлу и не причется отъ него въ полпивныя и погребки, какъ это подчасъ бываетъ съ его сотоварищами по профессіи, которые, послѣ пріятнаго *временного* проведенія въ этихъ заведеніяхъ, за дѣло привимаются не совсѣмъ охотно и смотрятъ на него не какъ на охоту и призваніе, а какъ на скучнѣйшую матерію, изъ которой они должны извлекать средства для существованія и для посѣщенія вышеупомянутыхъ заведеній.

Подобное равнодушіе къ дѣлу грустнѣе видѣть въ наѣзникѣ, чѣмъ бездарность и неспособность. Кочеткову же надо отдать справедливость въ томъ, что онъ любитъ свое поприще и лошадей, на которыхъ онъ ѣздитъ. Осенью 1875 г. мы случайно по-

встрѣчались съ Кочетковымъ въ козловскомъ гокзалѣ: мы ѣхали на ярмарку въ Беково, а онъ—въ заводъ кн. Вяземскихъ, выѣстѣ съ I. I. Даціаро. Это было какъ разъ послѣ того, какъ Кочетковъ на *Крутомъ 2-мъ* взялъ призъ въ память столѣтняго юбилея рысистой породы въ Россіи. Разговоръ нашъ, само собою разумѣется, вращался около этого событія, и мы съ рѣдкимъ удовольствіемъ замѣтили, что Кочетковъ съ особенною любовью говорилъ о виновникѣ недавняго торжества—*Крутомъ 2-мъ* и искренне сожалѣлъ, что послѣ лѣтнихъ призовъ пришлось готовить его на осенній юбилейный и что теперь, не давъ ему отдохнуть, придется опять готовить на зимніе призы въ С.-Петербургѣ. По всему было замѣтно, что Кочетковъ съ удовольствіемъ готовъ бы былъ отказаться отъ новыхъ лавровъ и выгодъ, лишь бы только оставить на зиму въ покоѣ *Крутаго 2-го*, что зависѣло, конечно, не отъ него.

Въ разговорѣ съ нами, говоря о *Крутомъ 2-мъ*, онъ сталъ перечислять его предковъ и съ глубокою симпатіей вспоминалъ о дѣдѣ *Крутаго*—*Лебедѣ VII*, сынѣ *Лебеда* завода Казакова, гнукѣ *Лебеда V*-го государственнаго Хрѣновскаго завода. Кочетковъ говорилъ, что ему больше не приходилось во всю свою жизнь ѣздить на другой такой стойкой и крѣпкой лошади, какъ *Лебедь VII*. Казакова бы ни была дистанція, *Лебедь* проходилъ ее безъ посылы, не сдвывая возжей и не измѣняя хода *).

Но, несмотря на свою мастерскую ѣзду и всѣ другія прекрасныя качества, Кочетковъ все-таки не свободенъ отъ различныхъ упрековъ и обвиненій со стороны нѣкоторыхъ личностей, причисляемыхъ или, вѣрнѣе, причисляющихъ себя къ знатокамъ и любителямъ призовой ѣзды и дѣла. Недостатки, конечно, есть вездѣ и во всемъ,—даже и въ самомъ солнцѣ есть пятнышки,—это вполне справедливо, равно какъ и то, что судьей въ призовомъ дѣлѣ быть несравненно легче, чѣмъ дѣйствующимъ лицомъ. Результаты многихъ призовыхъ состязаній уже достаточно ясно могутъ свидѣтельствовать, что если въ Кочетковѣ, какъ въ наѣздникѣ, и есть какіе-либо недостатки (мы, впрочемъ, ихъ не замѣчали), то во всякомъ

*) Въ настоящее время *Лебедь VII* находится въ заводѣ кн. Григорія Дмитриевича Хилкова. Отъ души желаемъ князю получить отъ *Лебеда* дѣтей съ такимъ же огнемъ и силой, которыми отличался ихъ отецъ.

случаѣ очень небольшіе и не мѣшающіе успѣху дѣла. Да и сами судьи не указываютъ на нихъ съ положительною точностью, а высказываютъ болѣе или менѣе одни только гадательныя предположенія. Главнымъ образомъ они утверждаютъ, будто бы Кочетковъ, равно какъ и всѣ другіе боевые ѣздоки, если увидятъ въ лошади ~~ея данныя для призовыхъ состязаній~~, то начинаютъ тянуть ее до призовой быстроты, затѣмъ возмуть на ней призъ или два и этимъ завершаютъ карьеру лошади, такъ какъ послѣдняя, обезсиленная такимъ вытягиваніемъ, подъ конецъ побѣждается своими сверстниками и сходить съ ипподрома. На наѣздника послѣ этого нападаютъ еще съ большимъ ожесточеніемъ и принимаютъ утверждать, что онъ не знаетъ своего дѣла, что не выдержалъ и не приготовилъ лошади, горячо ѣздивъ на ней и т. д. Ко всѣмъ подобнымъ отзывамъ слѣдуетъ относиться съ нѣкоторою осторожностью и не особенно довѣрять имъ, тѣмъ болѣе, что они противорѣчатъ сами себѣ. Если наѣздникъ взялъ на лошади призъ или два, то очевидно, что онъ не могъ *не приготовить* ее для этого, въ противномъ случаѣ призы эти ей бы не удалось взять. Если говорятъ, что наѣздникъ ѣздивъ на лошади горячо, то надо проверить, при какихъ обстоятельствахъ онъ это дѣлалъ: если такъ, для собственнаго удовольствія, по дурной привычкѣ гонять и т. п., то вина, конечно, непростительная; если же къ такой ѣздѣ побуждалъ его, во время состязанія, соперникъ, такъ что же, спрашивается, ему оставалось тогда дѣлать, какъ не ѣхать горячо?

Что же касается до вытягиваній при подготовкѣ къ призу, то, по нашему мнѣнію (что мы высказали и ранѣе), наѣздникъ былъ бы виноватъ только тогда, еслибы выбралъ для подготовки на призъ лошадь не могущую, по своему природному строенію, взять его и увѣрилъ бы всѣхъ въ томъ, что онъ ее приготовилъ; а если наѣздникъ угадаетъ силы и способности, сокрытыя въ организмѣ лошади, разовьетъ ихъ и потомъ покажетъ ихъ въ блестящемъ видѣ, такъ за это слѣдуетъ скорѣе благодарить его, чѣмъ винить. Далѣе, наѣздникъ не можетъ предугадать, долго ли продержится лошадь на ипподромѣ, равно какъ и поручиться за то, что послѣ взятія ею приза не появятся болѣе рѣзвые ея соперники. Призъ и призовое поприще во всякомъ случаѣ придаютъ славу и лошади, и заводу, въ которомъ она родилась, а потому даже и съ

матеріальной точки зрѣнія наѣздникъ долженъ быть оправданъ: если выѣзженная имъ лошадь, взявши призъ, и сойдетъ съ ипподрома, то и тогда ее можно будетъ все-таки продать дороже въ заводъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, еслибы наѣздникъ отказался готовить ее на призъ и, вслѣдствіе этого, ее причислили бы въ разрядъ городскихъ лошадей. Да, наконецъ, виновать ли наѣздникъ въ томъ, что на призовыхъ состязаніяхъ быстрота хода доводится до истощенія лошади и что для достиженія такой быстроты приходится почти перековеркивать строеніе лошади? Не только живой организмъ, какъ болѣе поддающійся разнымъ неблагоприятнымъ вліяніямъ, но даже болѣе устойчивыя паровыя машины—и тѣ при непормальной силѣ и быстротѣ дѣйствія должны подвергнуться скорѣйшему разрушенію. Если быстроту локомотива, приспособленнаго къ ходу на 30 верстъ въ часъ, довести до 80 верстъ, тогда, навѣрное, всѣ составныя части его механизма въ самомъ скоромъ времени распатаются и локомотивъ или вовсе не выдержитъ, или долженъ будетъ отправиться въ депо для починки. Кого же должно винить въ этомъ случаѣ? — Конечно, не машиниста: вѣдь, онъ дѣйствовалъ по предписанію, отъ котораго отказаться не могъ, такъ какъ его локомотивъ могъ дѣйствительно пройти восемьдесятъ верстъ въ часъ, вмѣсто нормальныхъ тридцати, а на долго ли—это другой вопросъ; предписаніе же было дано потому, что этого требовала настоятельная надобность. Остается, слѣдоват. винить механизмъ?—но, вѣдь, онъ съ честью выдержалъ пробу и съ честью держался, когда локомотивъ пробѣгалъ по 30 верстъ въ часъ, и поэтому не можетъ заслуживать упрека за то, что не выдержалъ, когда быстроту хода довели до непосильныхъ по его устройству размѣровъ.

Да проститъ намъ благосклонный читатель за сдѣланныя нами отступленія,—мы дѣлали это не для того, чтобы пустословить, а чтобы предохранить читателей отъ вѣры въ пустословные отзывы и увѣренія нѣкоторыхъ псевдо-знатковъ призоваго дѣла и чтобы помянуть добрымъ словомъ одного изъ талантливыхъ и даровитыхъ наѣздниковъ нашего времени.

Ѣзда хладнокровной и Ѣзда энергичной лошади.

Выѣзка рысистыхъ лошадей и ея приемы должны находиться въ прямомъ соотношеніи съ ихъ темпераментомъ и зависеть отъ него; поэтому мы сочли необходимымъ рассмотретьъ отдѣльно способы ѣзды мягкой лошади и способы ѣзды энергичной лошади.

Предположимъ, что нашъ молодой рысакъ имѣетъ всѣ качества хорошей лошади, т. е. силенъ, крѣпокъ, рѣзвъ, имѣетъ свободное дыханіе и всѣ другіе природные дары, и наши труды, которые мы положили при его выѣздѣ, не пропали даромъ, а благотѣльно отразились на немъ, сдѣлавши его послушнымъ, вѣрнымъ въ возжахъ, съ правильными сбоями и не тихими приемами. Словомъ, въ лошади, кажется, есть всѣ достоинства; но бѣда въ томъ, что въ ней нѣтъ охоты къ ѣздѣ, нѣтъ огня, нѣтъ энергіи,—она все какъ будто лѣнится и идетъ вяло. Напрасно наѣздникъ старается объяснить это разными соображеніями и начинаетъ смѣяться, не много ли проѣхалъ на лошади и не устала ли она, такъ ли онъ сработалъ возжами легкой посылъ и не приняла ли лошадь этотъ маневръ за полуостановъ и т. д. Пока онъ размышляетъ объ этомъ, ему на встрѣчу катитъ наѣздникъ на другомъ рысакѣ и, поровнявшись, предостерегаетъ свою лошадь словомъ: „тиру!“ Нашъ рысакъ охотно принимаетъ это чужое *тиру* на свой счетъ и начинаетъ постепенно стихать, какъ будто ожидая, когда это, столь пріятное ему слово, повторится еще разъ. По всѣмъ этимъ признакамъ наѣздникъ убѣждается, что лошадь его хоть и хороша, но лѣнлива, и поэтому онъ долженъ принять мѣры для уменьшенія, а если окажется возможнымъ, то и искорененія подобнаго недостатка. Кнутъ и бичеваніе, казалось бы, въ этомъ случаѣ—лучшіе цѣлители, но, помимо жестокости подобныхъ мѣръ, не мѣшаетъ вспомнить остроумную русскую пословицу, что *на кнутъ далеко не уйдешь*. Поэтому благоразумный наѣздникъ подобныя крайнія средства долженъ беречь только про запасъ, а не пускать ихъ сразу въ дѣло, пока не испробуетъ иныхъ, болѣе гуманныхъ, приемовъ. Замѣтивъ въ лошади мягкость и убѣдившись, что мягкость эта происходитъ главнымъ образомъ отъ темперамента ры-

сака, наѣздникъ всѣми мѣрами долженъ стараться не выбивать лошадей изъ духа и не доводить ее до утомленія, во избѣжаніе чего онъ и дѣлаетъ на ней за одинъ пріемъ только небольшіе концы. Пріемы и посылы дѣлаются какъ можно строже, для того чтобы лошадь шла не иначе, какъ полною рысью, хотя и небольшія разстоянія. ~~Послѣ того, какъ лошадь пробѣжитъ такимъ образомъ~~ небольшую дистанцію, ее слѣдуетъ сдерживать, дать пройти и потомъ опять послать построже. При подобномъ обращеніи можно достигнуть того, что лошадь сама начнетъ стараться снять съ шага на рысь,—словомъ, растревожитъ лошадь и сдѣлать ее болѣе энергичной и бодрой. Подобная черта и усваивается лошадей послѣ этихъ упражненій, если только она не будетъ доводима до утомленія. Нѣкоторые наѣздники стараются пріохотить мягкихъ лошадей къ ѣздѣ, подпуская къ нимъ подлужныхъ. Мы съ своей стороны не рѣшаемся предложить подобную мѣру, такъ какъ ѣздить постоянно съ подлужной лошадей нельзя,—когда ее отнимешь отъ мягкаго рысака, тогда онъ, пожалуй, безъ нея и совсѣмъ не пойдетъ.

Энергичную лошадь слѣдуетъ выѣзжать съ совершенно противоположными пріемами, нежели хладнокровную, т. е. пріемы съ мѣста слѣдуетъ дѣлать самыя мягкіе, посылать не горячо, концы давать побольше, но также ни въ какомъ случаѣ не доводя лошадь до утомленія, особенно въ тяжелыхъ дрожкахъ. Когда энергичная лошадь станетъ утомляться, то начинаетъ спѣшить ходомъ и срываться съ рыси на галопъ, а нѣкоторыя лошади готовы при этомъ даже и подхватить,—словомъ, лошадь начинаетъ злиться отъ того, что ослабѣваетъ силами, и если во-время не замѣтятъ этихъ признаковъ усталости и не дадутъ роздыха, то лошадь, пожалуй, начнетъ вертѣть хвостомъ. Добрую и энергичную лошадь опытный наѣздникъ легко можетъ пріучить къ хладнокровной и спокойной ѣздѣ, если только это для него нужно. При этомъ отнюдь не слѣдуетъ опасаться, чтобы такая ѣзда вошла въ привычку лошади,—стоитъ только послѣ этого обойтись съ ней построже, на двухъ или трехъ проѣздахъ, и ея темпераментъ возьметъ свое. Поэтому, смягчая лошадь, наѣздникъ достигаетъ того, что она сберегаетъ свои силы и не растрчиваетъ ихъ понапрасну, не дѣлается капризной и не вертитъ на ѣздѣ хвостомъ.

Конечно, выѣзка энергичныхъ и мягкихъ лошадей требуетъ времени знанія и опытности со стороны выѣзжающаго; что же касается результатовъ, то они всегда могутъ быть достигнуты при подобныхъ условіяхъ. Такая правильная выѣзка благотворно и фундаментально дѣйствуетъ на темпераментъ лошадей и, умѣряя пылъ одной лошади, придаетъ извѣстную долю энергіи другой. Основываясь на этомъ, опытный наѣздникъ двухъ совершенно различныхъ по темпераменту лошадей, путемъ правильной выѣзки, до того приближаетъ другъ къ другу по ѣздѣ, что изъ нихъ, если только онѣ одинаковаго склада, роста и масти, выходятъ превосходныя пары, и впоследствии, когда лошади запрягаются къ дышлу и поступаютъ подъ руководство опытнаго кучера, ихъ темпераменты такъ приравниваются, что кучеръ управляетъ ими вполне свободно, не дѣлая замѣтныхъ посыловъ мягкой лошади и не особенно удерживая горячую.

Само собой разумѣется, что достичь такихъ результатовъ въ парной ѣздѣ можно не иначе, какъ съ хорошимъ кучеромъ, понимающимъ и толкъ въ лошадяхъ, и самое дѣло. Къ сожалѣнію, хорошіе кучера встрѣчаются довольно рѣдко и ихъ трудно достать не только въ провинціяхъ, но, подчасъ, и въ самой Бѣлокаменной. За неимѣніемъ ихъ или просто изъ экономіи и равнодушія къ дѣлу, многіе владѣльцы лошадей нерѣдко даютъ кучерскую должность людямъ совершенно неопытнымъ и незнакомымъ съ этимъ дѣломъ. У такихъ, наскоро испеченныхъ, ѣздоковъ, конечно, не будутъ ходить, какъ бы слѣдовало, даже и хорошо объѣзженные лошади. Самое произволство въ кучера совершается очень просто: живетъ какой-нибудь Ома въ дворникахъ, мететъ мостовую, чиститъ тротуаръ и, въ свободное отъ этихъ занятій время, помогаетъ кучеру закладывать и откладывать лошадей, а также вмѣстѣ съ нимъ ходить за водой, поможетъ иногда вымыть экипажъ и т. д., отчего нѣсколько и попривыкнетъ къ лошадямъ. Затѣмъ, если случится, что кучеръ уйдетъ со двора, заболѣетъ и т. п., Ома поручаютъ заложить какого-нибудь разгоннаго битюга и стѣздить на немъ съ экономкой, напримѣръ, за зеленью въ Охотный рядъ, или старую барыню отвезти ко всенощной. Все это Ома выполняетъ пока благополучно, да и старый бигугъ выручаетъ его,—проѣхавъ такъ, что даже за уголь нигдѣ не зацѣпилъ и ни на кого не наѣхалъ.

Хозяина послѣ такого блестящаго подвига Оома начинаетъ брать раздумье относительно того, зачѣмъ платить кучеру 25 р. въ мѣсяць, когда Оома и за 10 руб. можетъ исполнять его обязанности. Въ силу этихъ размышлений, Оома передаетъ свои метлы и лопаты другому мужику, а самъ принимается за кучерство. Прежде, конечно, ему и въ голову не приходило спросить у кучера, какъ что и для чего дѣлается и одинаково ли ѣздить на всѣхъ лошадяхъ, или съ нѣкоторою разницею, и вотъ онъ на всѣхъ, поступившихъ подъ его вѣдѣніе, лошадяхъ начинаетъ ѣздить точно такъ же, какъ ѣздилъ въ Охотный рядъ на старомъ битюгѣ. Кормить лошадей онъ принимается съ большимъ усердіемъ, какъ будто ему велѣли готовить ихъ на убой,—лошади, дѣйствительно, жирѣютъ и толстѣютъ; хозяйское сердце не на радуется, глядя на нихъ, и похвалбы Оомѣ слышатся то и дѣло. Все дѣлается, кажется, хорошо, ѣздитъ Оома благополучно, никого не давить, да и лошади-то сдѣлались какъ бы послушнѣе. Прежній дорогой кучеръ никогда, напримѣръ, пріѣхавъ домой, не заставлялъ ихъ впрячь въ каретный сарай, по крутымъ подмостямъ, задомъ, карету или коляску, а Оома постоянно заставляетъ ихъ это дѣлать, сильно осаживая на возжахъ,—не самому же ввозить карету. Только спустя нѣсколько времени, когда, послѣ подобныхъ осадокъ, лошади затаились въ возжахъ и сдѣлаются капризными, хозяинъ Оомы начинаетъ сознавать нѣкоторую разницу между нимъ и прежнимъ кучеромъ. Оома же продолжаетъ шиковать—со всего разлета подаетъ къ подъѣзду и сразу осаживаетъ передъ нимъ лошадей. Хозяинъ сѣлъ—и Оома съ мѣста опять беретъ сразу. Подобные шики продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ людей знающихъ не шепчетъ хозяину, что подобное подаваніе лошадей къ подъѣзду и осаживаніе въ сарай экипажей не только можетъ испортить характеръ лошадей и затянуть ихъ, но и вредно отзовется на ихъ ногахъ и поясницѣ. Убѣжденный этимъ, хозяинъ призываетъ Оому и начинаетъ читать ему наставленіе. Но Оома, который прежде не заботился ни о чемъ спрашивать у опытныхъ кучеровъ, такъ какъ это было не его дѣло,—ему слѣдовало, какъ дворнику, заботиться только о томъ, чтобы былъ чистъ дворъ или мостовая,—теперь оказывается уже настолько всезнающимъ, что замѣчанія хозяина выслушиваетъ уже съ иронической улыбкой, какъ будто

онъ выслушиваетъ лепетъ трехлѣтняго ребенка, и на каждыя десять поучительныхъ словъ хозяина возражаетъ цѣлыми тирадами своихъ соображеній. Всѣ просьбы и мольбы хозяина, обращаемыя къ Оомѣ, чтобы онъ помолчалъ и выслушалъ его, остаются тщетными.—Оома еще болѣе рьянымъ краснорѣчіемъ предупреждаетъ всякую попытку хозяина раскрыть ротъ, такъ что владѣлецъ лошадей отпускаетъ его, не добившись толку. Съ такимъ же подавляющимъ словоизверженіемъ относится Оома и ко всякой попыткѣ своихъ собратьевъ и знающихъ людей—сдѣлать ему, безъ всякой предвзятой мысли, какое-нибудь замѣчаніе про его ошибки въ ѣздѣ и въ обращеніи съ лошадьми.

Но откуда же Оома научился всему такъ хорошо, что даже никого и слушать не хочетъ?—Вотъ въ томъ-то и сила, что онъ ровно ничему не научился, нѣтъ у него ни охоты къ лошадямъ, ни искусства управлять ими, и вся задача ѣзды для него заключается только въ томъ, чтобы сѣсть на козлы, взять возжи и ѣхать, а все это очень просто и спрашивать тутъ ровно не о чемъ. Рѣдко кругозоръ подобныхъ самоучекъ простирается далѣе этого возрѣнія на ѣзду; интересоваться и вникать въ искусство они не хотятъ, такъ какъ не любятъ самаго дѣла, а только служатъ ему за извѣстное жалованье, за которое они прежде исполняли и болѣе трудныя работы, сопряженные съ обязанностями дворника. Конечно, и между подобными людьми бываютъ исключенія, и нѣкоторые изъ нихъ, поѣздивъ побольше, вникаютъ въ дѣло, начинаютъ понимать его, интересоваться имъ и тогда уже, понявъ всю разносторонность ѣзды, охотно спрашиваютъ совѣтовъ и указаній. Мы нѣсколько разъ имѣли случай замѣтить, что хорошій, опытный кучеръ, всею душой любящій свою профессію, всегда съ большимъ удовольствіемъ выслушиваетъ всѣ совѣты и замѣчанія, нежели какой-нибудь неучъ, взятый на козлы, что называется, *отъ сохи на время*. Да это и понятно: одинъ смотритъ на ѣзду какъ на искусство и старается совершенствоваться въ немъ, другой-же смотритъ на это дѣло только какъ на обязанность, которую и старается исполнять съ большимъ или меньшимъ усердіемъ. Опытный кучеръ, навѣрное, не откажется выслушать какой бы то ни было совѣтъ и замѣчаніе, и если то и другое можетъ послужить въ пользу, то постарается примѣнить на практикѣ. Подобные кучера—по

призванію и охотники въ душѣ—сами ищутъ свшеній съ людьми опытными, чтобы посовѣтоваться относительно тѣхъ или другихъ занимающихъ ихъ вопросовъ, и какъ бы велика ни была ихъ собственная опытность, они все-таки стараются болѣе и болѣе совершенствоваться. На ѣзду такихъ кучеровъ пріятно смотрѣть даже со стороны, и хозяева-любители дорожатъ ими и не расстаются безъ особо-уважительныхъ причинъ.

Эти строки невольно вызвали въ насъ воспоминаніе о превосходной ѣздѣ и качествахъ извѣстнаго многимъ охотникамъ кучера Тимоѳея Иванова, жившаго долгое время у нашего уважаемаго коннозаводчика и любителя рысистыхъ лошадей, М. С. Мазурина. Стоило только разъ посмотреть, хоть со стороны, на его ѣзду, чтобы понять, что это дѣйствительно мастеръ и любитель своего дѣла. Вы видите, что на ѣздѣ онъ всецѣло посвящаетъ свое вниманіе лошадямъ и правильному установу ихъ головъ и ничто постороннее не интересуетъ его въ данную минуту. Пройди въ это время по тротуару, на встрѣчу ему, мать, отецъ, жена или пріятель и отдавай ему какія угодно почтенія, онъ навѣрное не замѣтитъ ихъ, а если и замѣтитъ, то съ своей стороны не сдѣлаетъ никакой попытки отвѣтить на нихъ. Это не то, что нашъ Ома, который съ своихъ поѣздокъ возвращается съ самыми разнообразными разсказами о томъ, кого онъ видѣлъ на улицѣ, у кого какая шапка, какой армякъ и т. д. Тимоѳея же Иванова, какъ мы сказали, интересуютъ во время ѣзды только его лошади и только ими онъ бываетъ занятъ, отчего и пара, на которой онъ ѣдетъ, идетъ плавно и стройно, какъ бы подъ музыку, самъ же онъ сидитъ въ красивой, но не натянутой, позѣ и старается работою возжей поддерживать плавный кадансъ хода лошадей. По всему видно, что это дѣйствительно знатокъ дѣла, страстно любящій какъ лошадей, такъ и искусство управлять ими.

Тимоѳей Ивановъ, если не ошибаемся, прежде былъ придильщикомъ на Реутовской мануфактурѣ гг. Мазуриныхъ и въ свободное отъ занятій время постоянно посѣщалъ, находящійся при Реутовѣ, конный заводъ, гдѣ съ любовью смотрѣлъ на лошадей и на обращеніе съ ними конюховъ, спрашивая послѣднихъ, для чего дѣлается то-то и то-то, и, вникая постепенно въ ихъ обязанности, еще болѣе пристрастился къ этому дѣлу и полюбилъ лошадей,

такъ что, въ концѣ концовъ, рѣшился перемѣнить, въ силу этого призванія, свое поприще и изъ придильщика сдѣлаться конюхомъ. Объ этомъ доложили владѣльцу завода, М. С. Мазурину, для котораго, какъ для истиннаго любителя рыистой лошади и правильнаго съ ней обращенія и ухода, оказалось не безынтереснымъ имѣть у себя на заводѣ такого конюха по призванію, и онъ исполнилъ желаніе Тимоѳея Иванова.

Впослѣдствіи Тимоѳей Ивановъ обратилъ на себя вниманіе владѣльца завода и пробилъ тропу къ мѣсту старшаго кучера одной изъ первоклассныхъ московскихъ конюшенъ, къ которымъ по справедливости должно отнести конюшню г. Мазурина, находящуюся на Мясницкой, въ собственномъ его домѣ, гдѣ постоянно находится больше десятка цѣнныхъ городскихъ рысистыхъ лошадей. Всѣ онѣ состояли подъ надзоромъ Тимоѳея Иванова, и на лучшихъ изъ нихъ онъ ѣздилъ самъ. Когда одному изъ братьевъ М. С. Мазурина понадобилось купить пару городскихъ лошадей и онъ обратился за ними къ нему, какъ къ родному человѣку, то послѣ выбора подходящей пары братъ М. С. согласился купить ихъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы къ нему перешелъ и Тимоѳей Ивановъ; тотъ, поощряемый обоими братьями, согласился на такое предложеніе.—Вотъ что значить кучеръ по призванію и какъ высоко цѣнятъ его любители хорошей ѣзды и лошадей. Не думаемъ, чтобы М. С. Мазуринъ рѣшился для посторонняго человѣка отпустить подобнаго кучера, особенно въ томъ случаѣ, еслибъ образцовый порядокъ и заботливость объ его лошадяхъ лежали исключительно на обязанностяхъ Тимоѳея Иванова, а не находились бы подъ главнымъ вѣдѣніемъ и строгимъ, опытнымъ надзоромъ уважаемаго многими истинными охотниками и спортсменами, завѣдующаго его коннымъ заводомъ, Митрофана Илларионовича Крылова.

Мы не знаемъ, гдѣ въ настоящее время живетъ Тимоѳей Ивановъ, но не допускаемъ мысли, чтобы безъ особо рѣзкихъ поступковъ съ его стороны гг. Мазурины исключили его изъ числа своихъ служащихъ.

Заговоривъ о кучерахъ и объ ихъ важномъ вліяніи на вѣрныя имъ лошадей, не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ превосходномъ кучерѣ, Михаилѣ Ивановѣ, живущемъ въ настоящее время у извѣстнаго лю-

бителя и знатока цѣнныхъ городскихъ лошадей, Михаила Григорьевича Сушкина.

Михаилъ Ивановъ—ученикъ извѣстнаго знатока лошади, ея выдержки и правильной ѣзды на ней, покойнаго Алексѣя Софроновича, и мы не можемъ не пожалѣть, что послѣ такого опытнаго и талантливаго учителя осталось не много такихъ учениковъ, какъ Михаилъ Ивановъ. На конюшнѣ г. Сушкина находится 10 цѣнныхъ городскихъ лошадей и всѣ онѣ состоятъ подъ вѣдѣніемъ Михаила Иванова. Стоитъ только разъ посмотрѣть на образцовый порядокъ, въ которомъ содержится конюшня, и на то, какъ и въ какомъ тѣлѣ выдержаны лошади, чтобы убѣдиться, что Михаилъ Ивановъ, дѣйствительно, любитель и знатокъ своего дѣла. Это подтверждаетъ и самъ г. Сушкинъ, говоря, въ числѣ другихъ лестныхъ отзывовъ о Михаилѣ Ивановѣ, между прочимъ, и то, что съ тѣхъ поръ, какъ кучеръ этотъ сталъ завѣдывать его конюшней, самъ г. Сушкинъ посѣщаетъ ее не болѣе какъ разъ въ недѣлю и постоянно находитъ въ порядкѣ, тогда какъ при прежнихъ кучерахъ онъ бывалъ въ конюшнѣ по два раза въ день и все-таки не могъ быть вполне доволенъ надзоромъ и порядкомъ, что его всегда не мало беспокоило. Ясно, что такого кучера, какъ Михаилъ Ивановъ, пріятно имѣть всякому хозяину, такъ какъ, помимо довѣрія къ себѣ, онъ, образцовымъ порядкомъ и отличнымъ содержаніемъ лошадей, невольно вселяетъ въ хозяина еще большую любовь къ дѣлу. При обзорѣ лошадей г. Сушкина намъ особенно пріятно было видѣть ихъ превосходную выдержку, вслѣдствіе которой лошади были, если можно такъ выразиться, какъ бы въ *полугородскомъ* или въ *полупризовомъ* тѣлѣ, то-есть были не такъ раскормлены, какъ обыкновенныя городскія лошади, а несравненно суше ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поляѣе призовыхъ. Подобною выдержкой лошадей достигается то, что лошади имѣютъ превосходный и очень эффектный видъ, такъ какъ всѣ ихъ формы обрисовываются вполне ясно, тогда какъ у раскормленныхъ городскихъ лошадей онѣ сливаются какъ бы въ одну общую массу. Призовыя же лошади, наоборотъ, такъ подсушиваются выдержкой, что въ значительной степени теряютъ свой красивый природный видъ. Поэтому намъ кажется, что Михаилъ Ивановъ поступилъ благоразумно, избравъ средину между этими двумя способами вы-

держки лошадей, такъ какъ такая выдержка не отяжеляетъ лошадей, дѣлаетъ ихъ болѣе легкими на ѣздѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ выставляетъ на видъ всю природную красоту изящнаго сложенія рысака. Конечно, какъ истинный любитель лошадей, г. Сушкинъ умѣетъ цѣнить подобнаго кучера и платить ему большое жалованье, именно 100 р. въ мѣсяцъ; но, вѣдь, нельзя не согласиться, что есть за что и заплатить, когда подъ вѣдѣніемъ Михаила Иванова находится лошадей, экипажей и сбруи болѣе чѣмъ на 25 т. руб. и когда все это содержится въ такомъ образцовомъ порядкѣ, что г. Сушкинъ можетъ быть вполне покоенъ относительно того, что лошади его не искалѣчатся, сбруя не будетъ лежать порванной, въ пренебреженіи, и экипажи не потребуютъ преждевременной починки, какъ это часто бываетъ у тѣхъ кучеровъ, которые имѣютъ привычку пробовать прочность экипажей объ тумбы и фонарные столбы. Да и ѣздить-то съ такимъ кучеромъ въ высшей степени пріятно, такъ какъ ему вполне можно довѣрить и лошадей, и свою собственную персону.

Какъ-то разъ, по окончаніи одного изъ лѣтнихъ бѣговъ, намъ вздумалось посмотрѣть на московскихъ рысаковъ, и съ этой цѣлью мы остановились на подѣздѣ бѣговой бесѣдки въ ожиданіи разѣзда. Безчисленная толпа мальчишекъ и бездѣльниковъ всякаго рода явилась къ подѣзду, какъ только на него начали выходить владѣльцы лошадей, и стала предлагать послѣднимъ свои услуги, за 10—15 копѣекъ розыскать экипажъ. Говорилась фамилія владѣльца, его экипажъ и имя кучера. Съ этими данными мальчишка отправлялся на розыски по обширному Ходынскому полю, пропадая иногда довольно подолгу, и владѣлецъ экипажа долженъ былъ съ примѣрнымъ терпѣніемъ ожидать его возвращенія. Когда же на подѣздѣ, въ числѣ другихъ владѣльцевъ, вышелъ М. Г. Сушкинъ, то ему оказалась совершенно ненужной помощь десяти-копѣчнаго гонца, такъ какъ кучеръ его не заставилъ долго ожидать экипажа и подалъ лошадей безъ малѣйшаго зова или знака со стороны г. Сушкина. Надо было видѣть, какъ подалъ къ подѣзду Михаилъ Ивановъ эту превосходную пару: лошади подошли вполне покойно и остановились какъ вкопанныя,—ни та, ни другая даже не переправились на ногахъ (не помялись), и какъ только г. Сушкинъ сѣлъ въ экипажъ, то взяли съ мѣста такъ

ровно и плавно, что не было замѣтно ни малѣйшаго толчка отъ этого пріема.

Оцѣнивъ по справедливости то прекрасное вліяніе, которое имѣетъ на лошадей опытный надзоръ, ухоть и ѣзда, М. Г. Сушкинъ пересортировалъ и свой конный заводъ въ Волоколамскомъ уѣздѣ и пригласилъ управлять имъ знатока этого дѣла, Алексѣя Семеновича Чернова. Отъ души желаемъ г. Сушкину вырастить рысаконъ своего завода, а Михаилу Иванову—буагополучно катать на нихъ своего хозяина.

Ѣзда лошади съ тяжелымъ дыханіемъ.

Въ одной изъ предыдущихъ статей мы имѣли случай замѣтить, что нерѣдко встрѣчаются лошади со всѣми достоинствами, сильныя, крѣпкія, энергичныя,—словомъ, со всѣми задатками, обусловливающими понятіе о хорошемъ рысакѣ,—но въ нихъ есть своего рода особенность, заключающаяся въ томъ, что дыхательные органы развиты у нихъ слабѣе, чѣмъ у другихъ лошадей, а это лишаетъ возможности не только готовить такихъ лошадей на призы, но даже довести ихъ ходъ до значительной рѣзвости. Лошади съ подобнымъ недостаткомъ называются *лошадми съ тяжелымъ дыханіемъ*, и выѣздка ихъ должна быть нѣсколько иная, принаровленная къ этимъ особенностямъ ихъ организма. Постоянно сообразуясь съ этимъ недостаткомъ и имѣя его въ виду, наѣздникъ, во время выѣздки такой лошади, не долженъ дѣлать на ней съ одного пріема большихъ концовъ, а раздѣлять дистанцію, которую онъ предполагаетъ проѣхать, на два и даже на три пріема, причемъ послѣ каждаго пріема долженъ проѣзжать шагомъ до тѣхъ поръ, пока затрудненное ѣздой дыханіе лошади не придетъ въ нормальное состояніе, и только послѣ этого дѣлать слѣдующій пріемъ. Если эти промежутки дѣлаются очень коротки и лошадь не успѣваетъ въ продолженіе ихъ путемъ перевести духъ и вобрать въ свои слабые дыхательные органы достаточное количество воздуха, то она неохотно принимаетъ съ шагу на

рысь, да и на шагу-то, во время короткихъ промежутковъ, сильно поводитъ боками и дѣлаетъ ими, отъ затрудненнаго дыханія, какъ будто толчки. Если послѣ этого сдѣлаютъ второй пріемъ и, по окончаніи его, дадутъ лошади, передъ третьемъ пріемомъ, такой же незначительный роздыхъ, тогда, вслѣдствіе еще болѣе затрудненнаго дыханія, ~~начинаетъ сдвигать лошадь какъ бы~~ мертвою петлей, отчего она дѣлается какъ бы получумѣлой и начинаетъ капризничать—съ цѣлю освободиться отъ непосильной ей ѣзды. Въ такомъ случаѣ мягкая лошадь начинаетъ вертѣть хвостомъ, закидываться и пятиться назадъ, а энергичная, кладя на рысь послѣднія силы, подъ конецъ путается ходомъ, а иногда и понесетъ. Если же наѣздникъ, желая остановить ее отъ этого, приметъ сильно на возжи, въ такомъ случаѣ она начнетъ бить задомъ. Разъ обозливши такимъ образомъ лошадь и дозволивъ ей подобныя дерзости, послѣ будетъ трудно отъучить ее отъ нихъ. Вотъ почему для наѣздниковъ и важно въ высшей степени предварительно изучить всѣ обязанности организма выѣзжаемыхъ ими лошадей и съ ними сообразовать выѣздку, а не мѣрить всѣхъ на одинъ аршинъ и не прикладывать ко всѣмъ одинаковаго метода выѣздки и одинаковыхъ при немъ пріемовъ. Если сапожникъ будетъ шить сапоги всѣмъ на одну колодку, то ясно, что многимъ они придутся не по ногѣ.

Лошадей съ тяжелымъ дыханіемъ весьма полезно, послѣ того какъ онѣ пройдутъ полною рысью извѣстную дистанцію, проѣзжать хотя версту болѣе тихой и мелкою рысью, такъ какъ на такой рыси дыханіе ихъ не только не затрудняется, но еще лучше развивается и крѣпнетъ. Послѣ такой проѣздки даютъ лошади пройти сколько нужно шагомъ, что составитъ для ея дыханія довольно мягкій переходъ; если же ставить на шагъ съ полной рыси, во время которой дыханіе лошади бываетъ, какъ извѣстно, не такъ учащено, какъ на шагу послѣ пробѣга рысью, то отъ этого рѣзкаго перехода дыханіе дѣлается еще болѣе спертымъ и учащеннымъ. Итакъ, чѣмъ постепеннѣе будетъ перемѣна аллюровъ, тѣмъ легче будетъ переносить ее лошадь съ тяжелымъ дыханіемъ, и, слѣдовательно, всѣ рѣзкіе переходы и остановки отнюдь не должны быть употребляемы при ея выѣздкѣ. Для такихъ лошадей быстрый и рѣзкій остановъ съ полной рыси почти

невыносимъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ грозить имъ даже ударомъ. Поэтому мы еще разъ рекомендуемъ такихъ лошадей съ полной рыси переводить на болѣе тихую мелкую рысь и потомъ уже на шагъ. Конечно, ѣзда мелкою рысью допустима только въ тѣхъ случаяхъ, когда наѣздникъ не имѣетъ основаній опасаться, что подобная рысь можетъ сдѣлать ходъ зада лошади или спустить ходъ переда, и что лошадь на ней станетъ забивать заднія ноги. Если же ничего подобнаго не предвидится, то рекомендуемый нами методъ выѣздки лошадей съ тяжелымъ дыханіемъ мы советуемъ испытать на практикѣ, такъ какъ намъ удавалось посредствомъ него получить вполне удовлетворительные результаты. Такая ѣзда не доводитъ до каприза и постепенно, на сколько это возможно, развиваетъ и укрѣпляетъ легкія; тогда какъ иные приемы и безразлично-одинаковая выѣзка всѣхъ лошадей, не исключая и лошадей съ тяжелымъ дыханіемъ, можетъ, какъ мы уже замѣтили, нанести послѣднимъ значительный вредъ и сдѣлать изъ нихъ вертохвостокъ и съ закидкой, или довести до того, что онѣ будутъ носить, что случается довольно часто съ энергичными лошадьми, не имѣющими свободнаго дыханія, которыя подхватываютъ какъ бы для того, чтобъ освободиться отъ томящаго ихъ удущья. Конечно, привычка подхватывать и носить не составляетъ характеристическаго признака лошади съ труднымъ дыханіемъ,—напротивъ, эту привычку можно привить, путемъ несоразмѣрной и неправильной ѣзды, ко всякой лошади, какимъ бы свободнымъ дыханіемъ она ни обладала. Попробуйте, напр., энергичную лошадь утомить несоразмѣрной ѣздой и посылами, и тогда, выбиваясь изъ силъ, она навѣрное или завертитъ хвостомъ, или повесетъ, или, что еще хуже, станетъ бить задомъ. Кромѣ того, у насъ на Руси есть и такіе ѣздоки, въ родѣ нашего стараго знакомаго Оомы, которые, какъ бы ни шла лошадь и какъ бы энергична она ни была, все таки считаютъ своимъ непремѣннымъ долгомъ постоянно посылать ее или прищелкиваніемъ языка и чюканьемъ губъ, или же накладываніемъ возжей, передержками удилъ и т. п.,—словомъ, какъ бы ни посылать, лишь бы только посылать,—что для нихъ является какою-то необходимостью и безъ посылокъ имъ не терпится. Дѣлайте имъ какія угодно внушенія, совѣты, замѣчанія и т. д.,—все это будетъ только выслу-

шиваться, но ни въ какомъ случаѣ не исполняться, и посылы будутъ производиться съ такою же непоколебимой твердостью и послѣдовательностью, достойной лучшей участи. Развѣ только послѣ всѣхъ вашихъ замѣчаній Оома выкинетъ еще новую штуку—положить въ ротъ лошади удила съ шариками на подобіе счетъ. Если спросите, зачѣмъ Оома сдѣлалъ это, то получите въ отвѣтъ что „такъ лучше“, или что-либо подобное, но другихъ объясненій, разумѣется, нечего дожидаться отъ человѣка, который и самъ не знаетъ, зачѣмъ онъ перемѣнилъ лошади удила. Но достаточно одного только факта этой перемѣны, чтобы добродушный хозяинъ заключилъ, что Оома все-таки заботится о лошади и объ усовершенствованіи своей ѣзды,—авось, молъ, это усовершенствованіе вмѣстѣ съ новыми фокусными удилами положить конецъ беспощаднымъ посыламъ, на которые такъ надокъ Оома. Но все это, разумѣется, однѣ только иллюзіи: трудно отбучить цыгана, чтобъ онъ, показывая покупателю свою лошадь, не ударилъ ее при этомъ кнутомъ и не побожился бы за свою добросовѣстность,—трудно и неуча-кучера отбучить отъ тѣхъ привычекъ и приемовъ, съ которыми онъ сроднился.

Но чего же можно ожидать отъ лошади, которой нашъ Оома такъ часто надобѣдаетъ ни для чего ненужными посылами? На этотъ вопросъ отвѣтить не трудно,—стоитъ только Оому поставить хоть на полчаса въ положеніе лошади. Представимъ себѣ, что Оома встрѣтился на улицѣ съ своимъ самымъ лучшимъ пріятелемъ, который, при свиданіи, ударилъ его, въ знакъ пріязни, по шапкѣ и надвинулъ ему на глаза. Оома смолчалъ и поправилъ шапку, но пріятель опять надвинулъ ее. Ясно, что еслибы пріятель надвинулъ Оомѣ такимъ образомъ шапку разъ двадцать пять сряду, то Оома бы разсердился; еслибы пріятель и послѣ этого не отсталъ, то Оома выругался бы; а еслибы и послѣ брани пріятель не пересталъ бы надвигать Оомѣ шапку, то, повѣрьте, у Оомы явилось бы желаніе попробовать и самому надвинуть хорошенько шапку своему пріятелю, что онъ навѣрное и исполнилъ бы. Точно также и лошадь: какъ бы она ни была предана дѣлу и ѣздоку, но отъ безтолковыхъ и частыхъ посыловъ можетъ обозлиться, а вслѣдствіе этого подхватить и повести.

Г. Гиппiатровъ въ своей книгѣ говорить: *чтобы отучить лошадей (отъ привычки носить), даютъ ей, когда она понесла, волю скакать и, замѣтивъ, что она устала, понуждаютъ ее продолжать нести, пока окончательно не устанетъ.* Не желая по этому поводу входить въ какую бы то ни было полемику съ г. Гиппiатровымъ, мы тѣмъ не менѣе отнюдь не можемъ согласиться съ такими воззрѣніемъ на это дѣло и такой пріемъ признаемъ полезнымъ и цѣлесообразнымъ исключительно только въ томъ случаѣ, если достоверно дознано, что лошадь заносится отъ избытка силъ или отъ того, что она затянута въ возжахъ. Но, повторяемъ, прежде, чѣмъ употребить подобный пріемъ, необходимо узнать тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ лошадь носить. Если же примѣнять его, безъ проверки, ко всѣмъ лошадямъ, имѣющимъ эту привычку, въ такомъ случаѣ большинству изъ нихъ онъ скорѣе принесетъ вредъ, нежели пользу. Очень много лошадей начинаютъ носить отъ только-что разобранныхъ нами причинъ, т. е. отъ тяжелаго дыханія при излишнемъ вынужденіи, вслѣдствіе чего лошадь дѣлается какъ бы получумовою и безсознательно бросается впередъ; или же энергичная лошадь начинаетъ посить отъ чрезмѣрныхъ и частыхъ посыловъ, отъ которыхъ она приходитъ также въ какой-то безсознательный капризъ, равно какъ и отъ непосильной работы. Ясно, что если мы будемъ давать скакать и еще понуждать къ скаканію лошадей, носящихъ отъ этихъ двухъ причинъ, то будемъ только масломъ тушить огонь.

Г. Гиппiатровъ упоминаетъ также о статьѣ г. Шишкина—*Правила ѣзды рысистыхъ лошадей*—и приводитъ изъ нея слѣдующую выдержку: *лошадь можетъ носить двумя способами: закусывая удила и опуская голову внизъ или поднимая ее вверхъ.* Мы не имѣли удовольствія читать эту статью г. Шишкина, но отъ многихъ слышали про ея автора, какъ про любителя и знатока правильной рысистой ѣзды, а потому и предполагаемъ, что если въ его статьѣ и находится подобная фраза, то во всякомъ случаѣ она относится именно только къ исключительнымъ примѣрамъ, а а не ко всѣмъ лошадямъ.

Что же касается до *закусыванія удила*, то мы должны откровенно сознаться, что намъ никогда не случалось видѣть ничего подобнаго въ тѣхъ лошадяхъ, которыхъ намъ приходилось выѣз-

жать,—а ихъ было у насъ не одинъ десятокъ,—да и отъ другихъ опытныхъ и знающихъ людей мы не слышали ничего подобнаго. Поэтому мы считаемъ себя въ правѣ замѣтить: подтверждающіе подобное явленіе не смѣшиваютъ ли его съ тѣмъ, что ѣздокъ при запряжкѣ кладетъ слишкомъ низко удила, именно на беззубый край челюсти—~~между клыковыхъ и рѣзцовыхъ зубовъ, или между клыковъ и коренныхъ зубныхъ бабокъ~~, о чемъ мы и говорили въ одной изъ предыдущихъ статей? Тогда, дѣйствительно, случается, что если лошадь понесетъ, а ѣздокъ будетъ тянуть возжами съ цѣлью остановить ее, то этими усилиями подтягиваетъ голову лошади къ клещамъ хомута, такъ какъ тянетъ удилами не разрѣзъ рта, а только оттягиваетъ нижнюю челюсть. Но, вѣдь, это не значитъ, что лошадь закусываетъ удила. Да позволено намъ будетъ спросить тѣхъ, кто утверждаетъ, что лошади могутъ закусывать удила,—какимъ образомъ онѣ могутъ сдѣлать это при правильномъ положеніи удила въ рту? Мы, по крайней мѣрѣ, положительно отвергаемъ возможность подобнаго маневра со стороны лошади, особенно когда закладывающіе ее, зная ея замашку подхватывать, обратятъ строгое вниманіе на правильное положеніе удила и, для предосторожности, положить ихъ нѣсколько выше, чѣмъ они обыкновенно кладутся. Если это будетъ исполнено въ точности, то какія бы ни были удила, т. е. толстыя, тонкія, строгія или мягкія, лошади мудрено ихъ будетъ закусить. Да, наконецъ, еслибъ ей и удалось стиснуть въ зубахъ удила, то неужели нѣтъ средствъ немедленно ихъ высвободить—хоть бы, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ: принять посильнѣе вожжи и сейчасъ же сдать ихъ? Тогда лошадь почувствуетъ, что она какъ бы сорвалась съ вожжей, вскинетъ голову вверхъ и отдѣлитъ ганапъ, а въ это время удила опять лягутъ на свое мѣсто. Если лошадь не отдѣлитъ ганапа, то нужно повторить маневръ два или три раза.

Если же лошадь, чтобы закусить удила, поднимаетъ для этого голову вверхъ,—что, какъ справедливо замѣчаетъ г. Шишкинъ, возможно бываетъ для лошадей съ такъ-называемой *оленьей шеей*,—въ такомъ случаѣ, для предупрежденія подобнаго маневра, можно пристегивать къ уздечкѣ ремень и, пропустивъ его между передними ногами, прикрѣпить за подиругу, какъ это дѣлается съ вер-

ховыми лошадьми. Очевидно, что подобная предусмотрительность лишит лошадей, имѣющихъ привычку поднимать вверхъ голову, возможности дѣлать это. Конечно, недостаточно одной только этой предосторожности,—успѣшному достиженію благоприятныхъ результатовъ должны способствовать опытность, умѣнье, а главное—хладнокровіе ѣздока. Если же, напр., лошадь (съ запрокинутою шеей) понесетъ, и ѣздокъ въ первое время начнетъ сильно брать ее на возжи, тогда, понятно, уже не помогутъ никакіе предохранительные ремни, такъ какъ сильнымъ пріемомъ возжей онъ взвѣситъ передъ лошади какъ бы на блокахъ, отчего она еще сильнѣе поднимаетъ голову и передъ вмѣстѣ со всею упряжью и сдѣстъ при этомъ возжи, а затѣмъ рванется, что называется *ударить* въ возжи и повиснетъ на нихъ всѣмъ корпусомъ. Понятно, что ѣздоку уже не подъ силу будетъ держать ее на возжахъ и для выхода изъ подобнаго положенія останется одно только средство,—если, впрочемъ, позволяетъ мѣстность,—дать лошади скакать.

Но вернемся вновь къ предложенію г. Гиппіатрова: давать *всѣмъ* носящимъ лошадямъ, отчего бы онѣ ни носили—отъ избытка ли силъ, отъ затянутости ли въ возжахъ, или отъ характера, во время подхватыванія, не только полную свободу скакать, но даже посылать ихъ на такой аллюръ, въ особенности когда будетъ замѣчено, что лошадь утомляется и хочетъ перейти опять на рысь. Подобный маневръ г. Гиппіатровъ предлагаетъ, какъ мы уже замѣтили, поголовно для всѣхъ лошадей безъ различія и не сопровождаетъ своего предложенія никакими оговорками. Но ясно, что примѣнимость его возможна только въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Если мы исчислимъ быстроту полного аллюра лошади въ полторы минуты на версту (что будетъ не много), въ такомъ случаѣ въ три минуты она проскачетъ двѣ версты. Три минуты времени не много, но на двухъ верстахъ, пожалуй, могутъ встрѣтиться кое-какія препятствія, перескакивать черезъ которыя будетъ не совсѣмъ-то удобно какъ для экипажа, такъ и для лошади, да, вдобавокъ, и ѣздоку-то, вѣроятно, не совсѣмъ надоѣла жизнь. Вотъ и придется, подѣзжая къ препятствію, брать сильно лошадь на возжи, отчего можно озлобить ее и затащить еще болѣе въ возжахъ.

Правда, что если несущуюся лошадь, по совѣту г. Гиппіатрова, послать скакать до усталости, то она послѣ этого, въ ту же по-

ѣзду, болѣе не подхватить; но кто же поручится, что, отдохнувъ и собравшись съ духомъ, она не вздумаетъ при первомъ удобномъ случаѣ отплатить ѣздоку и, подхвативъ, не начнетъ носить его до изнуренія, до полного упадка своихъ силъ, имѣя въ виду, что если она остановится, то ее опять пошлутъ скакать? Ясно, что, доводя лошадь до подобнаго утомленія, мы не достигнемъ желаемой пользы.

По крайней мѣрѣ, если мы будемъ примѣнять подобный методъ къ лошадямъ, носящимъ отъ затянутости въ возжахъ, труднаго дыханія, отъ частыхъ чрезмѣрныхъ посыловъ, вообще не отъ избытка силъ, то подобное изнуреніе нанесетъ такой вредъ и такъ выбьетъ ихъ изъ силъ, что рано или поздно онѣ не только перестанутъ подхватывать, но и рысю-то хотъ погоняй—не пойдутъ, если только не случится чего-нибудь болѣе худшаго, т. е. если лошадь не задохнется и вовсе не упадетъ. Неужели ни г. Гиппіатрову, ни всѣмъ другимъ личностямъ, восхваляющимъ подобный пріемъ, ни разу не случалось задуматься и вникнуть въ слѣдующее простое соображеніе: лошадь носитъ всегда какъ бы въ какомъ-то самозабвеніи и безпамятствѣ и этимъ сильно изнуряетъ себя,—будетъ ли поэтому рационально, если еще мы съ своей стороны начнемъ поощрять ее къ этому самоизнуренію посылками, которые будемъ давать ей въ тѣ моменты, когда усталость начинается обезсиловать ее? Предоставляемъ судить всѣмъ истиннымъ охотникамъ, удобенъ ли подобный моментъ для новаго посылки лошади въ новую бѣшеную скачку и по охотничьи ли будетъ такъ съ ней поступать. Мы убѣждены, что ни одинъ истинный охотникъ не согласится съ мнѣніемъ г. Гиппіатрова и почувствуетъ въ глубинѣ своей души отвращеніе къ подобному пріему. Онъ сознается, что въ такихъ мѣрахъ нѣтъ ни страсти, ни любви къ лошади—и даже не видно умѣнья и искусства со стороны ѣздока. Да и какое искусство можетъ быть въ томъ, чтобы погонять лошадь въ то время, когда она понесетъ, и этимъ довести ее до какой-то дикой скачки, которая прилична болѣе башкирцу или калмыку *) на его дикой, не обѣзженной лошади, чѣмъ на ѣз-

*) А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, между методомъ, предлагаемымъ г. Гиппіатровымъ, и башкирско-калмыцкимъ очень большое сходство. Башкирецъ или калмыкъ ловятъ

нику на кровномъ орловскомъ рысакѣ? Здѣсь умѣнье и искусство заключаются развѣ только въ томъ, чтобы сидѣть крѣпко на дрожкахъ, и больше ни въ чемъ. Мы еще разъ позволимъ выразить твердое убѣжденіе въ томъ, что ни одинъ истинный охотникъ не допуститъ примѣненія такого калмыцкаго способа къ своимъ лошадямъ, и поставитъ на видъ передъ людьми, предлагающими подобную мѣру, хотя бы слѣдующее соображеніе. Башкирцы и калмыки — промышленники, а не охотники; да и кромѣ того они имѣютъ дѣло съ дикими, степными, табунными лошадьми, которыя, какъ звѣри, носятъ по степи и, рѣдко встрѣчаясь съ человекомъ, боятся его, считаютъ за врага и потому бѣгутъ отъ него, такъ что сами даютъ ему полный поводъ примѣнять и мертвую петлю, и гонку до усталости, и иныя подобныя средства. Мы же — охотники въ душѣ, чувствуемъ страсть къ дѣлу, которымъ руководитъ наша любовь къ лошади, и наше призваніе состоитъ въ томъ, чтобы правильно выѣздкой довести лошадь до вѣрнаго и быстрого хода рысью. Мы называемъ своихъ рысаконъ *благодными* и съ самаго ихъ дѣтства до преклоннаго возраста не замѣчаемъ въ нихъ ничего сколько-нибудь сходнаго съ тѣмъ, что видятъ калмыкъ въ вольной, дикой лошади. Мы ласкаемъ своихъ рысаконъ еще въ самой ранней ихъ молодости, и они очень рано привыкаютъ подходить къ намъ, привыкаютъ къ нашему голосу и слушаются его, позволяютъ намъ гладить себя, надѣвать уздечку, а потомъ и всю сбрую, — словомъ, мало-по-малу привыкаютъ считать насъ своими покровителями и властелинами. Да и мы-то съ своей стороны не мало тратимъ денегъ на ихъ воспитаніе и хлопотъ на то, чтобы приучить ихъ покойно закладываться, быть не строгими и не капризными на ѣздѣ и т. д. Не будетъ ли поэтому нѣсколько опрометчиво и безразсчетливо посылать нашего рысаконъ

дикихъ лошадей, какъ извѣстно, изъ табунонъ мертвую петлей и, вскочивъ на пойманную, крѣпко держатся одною рукой за гриву, чтобы не упасть, а другою рукой погоняютъ лошадь арапникомъ съ тою же цѣлью — довести ее до усталости и этимъ смирить. Во всякомъ случаѣ, любопытно бы было узнать происхожденіе этого метода: башкирцы ли познакомились съ нимъ изъ нѣкоторыхъ русскихъ сочиненій по выѣздѣ рысистой лошади и стали примѣнять его къ своимъ дикимъ лошадямъ, или наши наѣзники и авторы узнали, что такой способъ употребляютъ башкирцы, и нашли его подходящимъ для орловскаго рысаконъ? Н. Т.

сразу на дикія скачки, когда онъ по какому-нибудь нечаянному случаю подхватитъ и понесетъ? Не лучше ли будетъ сначала испытать что-либо другое, болѣе гуманное и цѣлесообразное, для отвращенія и уничтоженія подобной замашки? „Нѣтъ дѣйствій безъ причинъ“, а потому если понесетъ рысакъ, то понесетъ непремѣнно въ силу какого-либо случая, — вообще, по какимъ бы то ни было причинамъ. Ыздокъ, пораженный такимъ поступкомъ, начинаетъ сдерживать его, передергивать и строго принимать на возжи, чѣмъ, конечно, еще болѣе озлобляетъ лошадь. Послѣ всего этого она, легко можетъ быть, станетъ бояться этихъ сильныхъ приемовъ на возжи, осаживаній и передергиваній и, чтобы избѣгнуть ихъ, будетъ въ слѣдующую поѣздку болѣе тянуть возжи, какъ бы стараясь высвободить ихъ, а наѣзникъ поневолѣ долженъ будетъ принимать ихъ, чтобы удержатъ ее. Вотъ въ такой-то моментъ, — какъ вѣрно замѣчаетъ г. Гиннiатровъ, — для того, чтобы спустить лошадь съ возжей, необходимо дать ей скакать, но при этомъ отнюдь не слѣдуетъ упускать случая разрабатывать, на сколько возможно, чувствительность рта лошади. При этомъ не худо бы было, если позволяетъ мѣсто, какъ только рысакъ сорвется съ рыси, для того чтобы нести, послать его раза два и даже съ этой цѣлью наложить возжи *). Этимъ мы дадимъ лошади понять, будто бы она сорвалась не по собственной волѣ, но что мы сбили ее и послали скакать. Вслѣдъ за вторымъ посыломъ нужно начать уговаривать лошадь и становить на рысь какъ бы со сбоя, но становить легко и не строго. Поступая такимъ образомъ, не достигнемъ-ли мы того, что сведемъ всѣ эти подхватыванія на обыкновенные сбои и проскачки, — вѣдь, когда мы вырабатываемъ сбои, то также заставляемъ лошадей дѣлать проскачки и еще посылаемъ на нихъ, да послѣ же ставимъ на рысь? Понятно, что подобный методъ можетъ дать хорошіе результаты только при полномъ хладнокровіи ѣздока, такъ какъ исполненіе его должно сопровождаться исполнѣ свободными посылами, не сильными остановками и ласковымъ уговариваніемъ, что горячій или растерявшійся ѣздокъ едва ли будетъ въ состояніи исполнить въ тѣ

*) Слѣдовательно, не тогда, когда онъ дойдетъ до чрезвычайнаго утомленія на карьерѣ. Н. Т.

моменты, когда лошадь подхватитъ. Если послѣ двухъ или трехъ подобныхъ маневровъ лошадь все-таки не успокоится и будетъ носить, то надо будетъ постараться опредѣлить вѣрнѣе причины, отъ которыхъ она подхватывается. Чтобы достигнуть этого, нужно обратить вниманіе на слѣдующее: не съ одного ли какого-нибудь мѣста начинаетъ подхватывать рысакъ, и если это такъ, то нужно подождать ѣздить на это мѣсто, пока рысакъ не позабудетъ его, а если надо ѣхать къ нему, въ такомъ случаѣ попробовать подѣхать съ другой стороны. Не подхватываетъ ли лошадь послѣ того, какъ на ней сильно поѣздить и разгорячать ее, — тогда должно избѣгать большихъ проѣздовъ, и какъ только ѣздовъ замѣтитъ, что лошадь начнетъ входить въ азартъ, пусть попробуетъ уговаривать ее, обернетъ назадъ и шагомъ поѣдетъ домой. Если при этомъ дѣло обойдется благополучно разъ или два, то навѣрное и на слѣдующихъ, болѣе сильныхъ проѣздахъ ѣздоку удастся уговорить лошадь.

Кромѣ этихъ, такъ сказать — внѣшнихъ, причинъ, нужно обратить вниманіе и на самого рысака и постараться опредѣлить, хорошо ли у него зрѣніе, т. е. дальновиденъ ли онъ, такъ какъ между лошадьми такъ же возможна близорукость, какъ и между людьми. Не длинны ли у лошади волосы надъ бровями и ниже глазъ, потому что случается, что лѣтомъ отъ жара, а зимой отъ инея эти волосы виснутъ на самые глаза, отъ чего во время быстрой ѣзды могутъ препятствовать ея зрѣнію, такъ что у лошади отъ нихъ рябитъ въ глазахъ. Кромѣ того, слѣдуетъ внимательно рассмотреть, нѣтъ ли на какомъ-нибудь глазу лошади едва замѣтнаго бѣлзма. Всѣ эти недостатки въ правильности зрѣнія могутъ давать весьма важные поводы къ тому, чтобы лошадь носила или начала носить, такъ какъ на сильномъ ходу, при этихъ недостаткахъ, лошадь не можетъ хорошо различать предметы. Такъ, напр., если впереди, на дорогѣ, стоятъ два какіе-либо предмета одинъ противъ другаго, то приближающейся съ нимъ, на полномъ ходу, лошади будетъ казаться сначала, что одинъ изъ этихъ предметовъ какъ бы стремится къ ней на встрѣчу, а потомъ какъ бы начинаетъ забѣгать сзади, отчего и кажется ей какимъ-то страшилищемъ. Вѣдь надо же чѣмъ-нибудь объяснить то обстоятельство, что пока мы ѣздили на лошади тихо, то она хоть и шла строго,

но не подхватывала, такъ какъ успѣвала различать всѣ предметы, а на быстромъ ходу, съ котораго она сорвалась на карьеръ и понесла, равно какъ и на самомъ карьерѣ, когда предметы, стали проноситься мимо быстрѣе, она перестала различать ихъ, отчего и передается кому-то безотчетному страху и скачетъ все сильнѣе и сильнѣе. Все это ѣздоку не мѣшаетъ принять во вниманіе и по возможности устранить причины, мѣшающія остротѣ зрѣнія лошади, такъ какъ этимъ, быть-можетъ, онъ искоренитъ и самую привычку носить. Нѣкоторые лошади на проѣздахъ въ солнечные дни боятся своей тѣни.

Специалистамъ и знатокамъ рысистой ѣзды быть-можетъ извѣстны и другія причины, въ силу которыхъ лошади могутъ носить, равно какъ извѣстны и тѣ средства, при помощи которыхъ искореняется въ лошадяхъ подобный порокъ. Поэтому не худо бы было каждому наѣзднику поучиться у нихъ этимъ приемамъ и только послѣ того, если всѣ они, паче чаянія, не помогутъ, можно уже будетъ ему послушаться г. Гиппiатрова и давать лошади скакать, пока не устанетъ, и посылать ее, пока совсѣмъ не встанетъ. Другихъ же, болѣе утѣшительныхъ, послѣдствій отъ такого метода ожидать нельзя, такъ какъ подобнымъ обращеніемъ мы черезчуръ утомимъ лошадь, выбьемъ ее изъ духа и изъ силъ, отобьемъ ей ноги; вообще, лошадь слѣдается вялой и слабой, да и спутается ходомъ, отчего можетъ начать забивать заднія ноги, а то, пожалуй, что еще хуже, начнетъ забивать переднія ноги въ бабки и колѣни, а такой забой и неправильность хода исправляются далеко не такъ легко, что мы и увидимъ изъ слѣдующей статьи.

Забой заднихъ и переднихъ ногъ.

Нерѣдко случается встрѣчать лошадей, забивающихъ себя заднія ноги, что происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что лошадь на шагѣ и на рыси не разноситъ правильно зада, отчего и колотитъ другъ о дружку задними ногами, задѣвая ихъ при этомъ заднимъ шипомъ подковы, бокомъ ея, или роговымъ краемъ ко-

пыта. Подобный недостаток у лошади можетъ быть природнымъ и зависѣть отъ неполнаго сложенія зада (узкозада), или отъ чрезмерной короткости окорока, хотя бы и при широкомъ крупѣ; но чаще всего этотъ недостатокъ является прямымъ послѣдствіемъ неправильной ѣзды, чрезмернаго утомленія лошади, сильныхъ приѣмовъ съ карьера на возжи, рѣзкихъ остановокъ съ рыси на шагъ, и т. п. Многіе ѣздоки обыкновенно не сознаются въ этомъ и сваливаютъ вину на кузнецовъ, говоря, что они не сумѣли правильно поставить подковы, не могли скрыть ихъ нѣсколько внутрь, а напротивъ, выпустили наружу, не обѣкли копытъ, и т. д. Вслѣдствіе такихъ заявленій, лошадь, забивающая ноги, отправляется къ кузнецу, и тотъ перековываетъ ее сообразно съ указаніями наѣздника. Когда онъ опилитъ всѣ острые неровности, то лошадь, дѣйствительно, меньше станетъ забивать ноги, но самый порокъ отъ этого все-таки не уничтожится. Если, напр., кузнецъ убавитъ подкову и копыто только на четверть дюйма, то для рысистой лошади этого слишкомъ мало: если предположить, что, при всей узкости зада, заднія ноги на полномъ ходу шли (самое меньшее) на четверть аршина другъ отъ друга и при этомъ забивались одна объ другую, то ясно, что опилка въ четверть дюйма не много поможетъ искоренію подобнаго недостатка. Впрочемъ, въ такихъ случаяхъ отъ перековки иногда получается извѣстная доля пользы, и лошадь послѣ нея на нѣкоторое время перестаетъ забивать заднія ноги. Но только это происходитъ вовсе не отъ того, что кузнецъ отпилитъ копыта на четверть дюйма, а отъ того, что, по случаю перековки, лошади дается отдыхъ на 2—3 дни; собравшись съ силами во время этого отдыха, она выѣзжаетъ на проѣздку болѣе бодрой и свѣжей, отчего идетъ правильнѣе и менѣе забиваетъ ноги. На что бы, кажется, было проще наѣздику и конюхамъ обратить полное вниманіе на это лѣкарство, прямо дающее имъ въ руки, и сообразить слѣдующее: въ день перековки на лошади не ѣздили; на другой день ее также пожалѣли закладывая и оставили въ денникѣ съ цѣлью полѣчить раны; на третій хоть и проѣхались, но немного; когда же на четвертый день проѣхали какъ слѣдуетъ, то лошадь забила ноги гораздо менѣе, чѣмъ прежде. Не ясно ли, что не иное что, а этотъ трехдневный отдыхъ былъ истиннымъ цѣлителемъ лошади, такъ какъ онъ при-

далъ ей и духъ, и бодрость, вслѣдствіе чего лошадь на четвертый день прошла положенную дистанцію съ полной охотой и на болѣе правильномъ ходу? Но конюхи и наѣздникъ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ догадываются принять къ свѣдѣнію благотворность подобнаго лѣченія и всю честь такой удачной проѣздки безъ заботъ ногъ продолжаютъ приписывать кузнецу и его искусству. Конечно, при этомъ они не упускаютъ случая восхвалить и себя за свою смѣлливость: тотъ, кто выдумалъ перековать лошадь, бываетъ въ полномъ восторгѣ отъ гениальности пришедшей ему на умъ мысли и поэтому утверждаетъ предъ товарищами, что еслибъ онъ не предложилъ перековать лошадь по новому фасону, такъ она забивала бы постоянно ноги. Если же при этомъ перековывалъ лошадь не тотъ кузнецъ, который ковалъ ее прежде, а другой, то этому новому кузнецу также воздаются всевозможныя похвалы и сразу производятъ его въ *золотые мастера*. Но управляющій заводомъ или владѣлецъ отнюдь не должны чрезмерно увлекаться всей этою болтовней и приписывать успѣхъ дѣла перековкамъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, имъ очень скоро приходится разочаровываться если не въ дѣйствительности этого средства, то въ продолжительности его цѣлебнаго дѣйствія, потому что, какъ скоро лошадь станетъ утомляться отъ частыхъ проѣздовъ, забой заднихъ ногъ опять начнетъ повторяться съ такою же силой, какъ и прежде, а поэтому опять придется отыскивать, для устраненія подобнаго недостатка, другія, болѣе радикальныя, средства.

Къ числу такихъ средствъ, какъ мы уже сказали, принадлежитъ то, чтобы никогда не выбивать лошадь изъ духа и не доводить ее до утомленія частой и несоразмѣрною ѣздой. Мы совѣтуемъ даже, коль скоро будетъ замѣченъ у лошади подобный недостатокъ, оставить ее послѣ проѣздки, на которой она забила себѣ ноги, въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока она вновь не соберется съ духомъ, и тогда вмѣсто ѣзды прогнать ее нѣсколько разъ въ манежѣ на кордѣ или безъ корда, вольно, — прогнать не помногу, но правильнѣе и полною размашкой. На ѣздѣ же не слѣдуетъ давать идти мелкою рысью, а стараться, чтобы съ шага она становилась поскорѣе на крупную рысь, на которой лошадь несетъ задъ полнѣе, чѣмъ на мелкой рыси. Кромѣ того, лошадь на ѣздѣ непремѣнно нужно заставлять принимать возжи, чтобы она отнюдь не шла, какъ говорится, на *брошенные возжахъ*.

За одинъ пріемъ не должно дѣлать большихъ концовъ, а проѣхавъ немного, остановить, дать пройти шагомъ и опять послать. Остановы съ рыси нашагъ и съ шага на мѣсто должны быть мягкіе и постепенные. Хорошо даже, для большой ихъ постепенности, готовить лошадей къ этимъ остановамъ угавариваніемъ, которое нужно произносить за нѣсколько секундъ до остановки или до перемѣны аллюра, отчего лошадь будетъ постепенно сокращать свой ходъ и ноги ея, вслѣдствіе этого, будутъ становиться правильнѣе. Вообще сильные остановки вредны для всѣхъ безъ исключенія лошадей, для лошадей же со слабымъ и неразвитымъ задомъ они положительно пагубны, такъ какъ при такихъ остановкахъ лошадь еще болѣе съуживаетъ задъ, отчего и забиваетъ ноги.

Если всѣ вышеизложенныя правила ѣзды, паче чаянія, не произведутъ желаемого дѣйствія на лошадь, забивающую ноги, въ такомъ случаѣ придется приступить къ разработкѣ хода заднихъ ногъ посредствомъ вольтовъ. Это дѣлается такъ: выбравъ въ полѣ удобную лужайку безъ кочкарника и въѣхавъ на нее, поднять лошадь на рысь и на рыси дѣлать *полуповороты* то на правую, то на лѣвую сторону. На этихъ полуповоротахъ, или, какъ мы ихъ называли, *вольтахъ*, ѣздокъ отлично можетъ видѣть, какъ разрабатывается ходъ зада лошади. Квѣгда дѣлается полуповоротъ направо, то лѣвая задняя нога при этомъ на моментъ остается на мѣстѣ, а корпусъ идетъ вправо,—слѣдовательно, лѣвая нога отстаетъ отъ него, а когда наступаетъ моментъ переставить ее, то лошадь сначала дѣлаетъ упоръ на нее, правую же ногу отодвигаетъ еще дальше и уже тогда передвигаетъ лѣвую. Во все это время корпусъ лошади не подается быстро впередъ, а между тѣмъ работа заднимъ ногамъ большая, и задъ, подаваясь на такихъ поворотахъ съ одной стороны на другую, разрабатывается несравненно лучше чѣмъ на ѣздѣ по прямому направленію. Если почему-либо исполненіе подобныхъ полуповоротовъ окажется неудобнымъ или нежелательнымъ для ѣздока, то для разработки правильнаго хода зада можно употребить еще слѣдующій способъ, болѣе покойный для лошади. Ѣзда по прямой дорогѣ, наѣздникъ долженъ заставлять лошадь дѣлать зигзаги, т. е. какъ будто бы переѣзжать дорогу съ одной стороны на другую. Слѣдуетъ замѣтить, что какъ при второмъ, такъ, въ особенности, при первомъ изъ предлагаемыхъ ма-

невровъ лошади обыкновенно беспокоятся и, вслѣдствіе этого, иногда начинаютъ капризничать, а потому и повторять эти маневры нужно не часто; замѣтивъ же, что лошадь начинаетъ беспокоиться на поворотахъ, можно проѣхать нѣкоторое время шагомъ по прямой линіи, а когда лошадь успокоится, тогда снова начать упражненія на полуповоротахъ. Наѣздникъ долженъ стараться, чтобы всѣ эти вольты лошадь дѣлала на принятыхъ возжахъ, иначе голова ея будетъ сдвигаться въ одну сторону, а задъ въ другую, вслѣдствіе чего и корпусъ будетъ гнуться въ кольцо, и тогда, конечно, всѣ труды и старанія, употребленные на эти маневры, пропадутъ безслѣдно и не принесутъ никакой пользы.

Кромѣ забоя заднихъ ногъ, лошадь, при недостаточномъ природномъ развитіи переда, а частью и отъ того, что ходъ переднихъ ногъ спутанъ неправильной ѣздой, можетъ забивать переднія ноги одна объ другую въ бабкахъ и въ колѣнкахъ. А также при вымыхъ, несоумѣренныхъ движеніяхъ переда, сокращенныхъ еще болѣе неумѣлою и невнимательною ѣздой, можетъ появиться забой иного рода, который характеризуется тѣмъ, что лошадь бьетъ въ подкову передней ноги подковою задней (*куетъ*).

Такого рода забой, какъ мы сказали, происходитъ отъ слабого развитія переда и отъ неправильной ѣзды, которая еще болѣе способствуетъ его ослабленію, отчего и самая перестановка ногъ дѣлается вялой и путанной, и лошадь не выноситъ ихъ, какъ бы слѣдовало, изъ-подъ корпуса, отчего забиваетъ ноги, а также и куетъ. Чрезмѣрное утомленіе лошади также немало способствуетъ развитію такихъ забоевъ и даже предрасполагаетъ къ нимъ. Измученная лошадь не несетъ правильно головы, не принимаетъ возжей, такъ какъ ей уже не до этого,—она постоянно только и ждетъ того, скоро ли скажутъ ей *тпру* или начнутъ сокращать ходъ для остановки, и какъ только услышитъ и почувствуетъ это, то сразу ткнется передомъ на мѣстѣ, какъ бы боясь сдѣлать лишній шагъ, а отъ этого ноги ея путаются и переплетаются. Забой же въ колѣнѣхъ происходитъ отъ того, что когда лошадь становится съ галопа на рысь по собственной волѣ, не принявши возжей, то при этомъ она обыкновенно не выноситъ, какъ слѣдуетъ, переда, отчего и забиваетъ ноги или въ бабкѣ, или колѣнѣхъ, подобно тому, какъ лѣнивый или измученный постоянною ходьбою мужичокъ протираетъ голенищи своихъ сапоговъ.

Ѣздитъ на лошади, забивающей переднія ноги, слѣдуетъ такъ же, какъ и на той, которая забиваетъ заднія ноги, съ тою только разницей, что вольты или зигзаги съ этою лошадью слѣдуетъ дѣлать на ходу не рысью, а шагомъ, отчего передъ ея развивается лучше. Главную роль въ этомъ дѣлѣ играетъ терпѣніе ѣздока, а потому ѣздокъ, обладающій имъ, навѣрное добьется благоприятныхъ результатовъ, если воспользуется предложенными здѣсь способами.

Выдержка лошади.

Подъ словомъ *выдержка* подразумѣвается искусство подготавливать лошадь къ извѣстнымъ цѣлямъ путемъ правильнаго и соразмѣрнаго ея кормленія и поенія.

Не во всѣхъ заводахъ и не у всѣхъ владѣльцевъ лошадей существуютъ одинаковыя правила относительно выдержки лошадей, такъ какъ, кромѣ различія цѣлей, къ которымъ приготавливаются лошади, т. е. къ призовой ли ѣздѣ, къ городской ли или для деревенской и загородной ѣзды,—существуютъ и другія осложненія, препятствующія точному опредѣленію способовъ выдержки и ихъ общему примѣненію для всѣхъ лошадей. Осложненія эти, главнымъ образомъ, заключаются въ томъ, что выдержка должна сообразоваться съ природными качествами каждой лошади и съ ея сложеніемъ, т. е. съ тучностью, худобой, съ тѣмъ, какъ она держитъ тѣло, съ какою охотою сѣдаетъ кормъ, жадно ли пьетъ воду и т. д. Кромѣ того, въ силу нѣкоторыхъ физиологическихъ причинъ, мы должны отказаться отъ мысли выдерживать лошадь исключительно по нашему усмотрѣнію и довольствоваться ея однимъ какимъ-либо сортомъ корма или чрезмѣрно уменьшать поеніе, такъ какъ все это будетъ имѣть вредное вліяніе не только на силу аппетита лошади, но и на пищевареніе. Попробуйте, напр., кормить лошадь однимъ только овсомъ и не давать ей при этомъ ни капли сѣна, и вы скоро замѣтите, что овесъ она будетъ ѣсть все съ меньшей и меньшей охотою и жадностью и нерѣдко, когда въ кормушкѣ будетъ овесъ, лошадь, вмѣсто того, чтобы ѣсть его, станетъ рыться

въ соломенной постилкѣ своего деянника и выбирать изъ нея болѣе чистую солому, которую и начнетъ ѣсть съ полнымъ удовольствіемъ. Спрашивается: что побуждаетъ въ данномъ случаѣ лошадь пренебрегать такимъ прекраснымъ и питательнымъ кормомъ, какъ овесъ, и предпочитать ему подстилочную солому?—Ясно, что не иное что, какъ потребность самой ея натуры. Точно также мы не властны заставить лошадь сѣдять то количество овса и сѣна, какое бы намъ желалось, если мы, давая значительную порцію этихъ кормовъ, чрезмѣрно уменьшимъ поеніе, такъ какъ отъ этого лошадь непременно потеряетъ позывъ на кормъ—и опять-таки въ силу того, что натура ея требуетъ (также какъ и натура человѣка) извѣстнаго количества жидкости на извѣстное количество сухаго корма; а потому безъ достаточнаго поглощенія влаги не можетъ существовать сильнаго позыва на поглощеніе сухаго корма и аппетита вообще.

Кромѣ этихъ главныхъ физиологическихъ причинъ, существуетъ еще бездна мелкихъ, трудно уловимыхъ для наблюденія и до сихъ поръ еще мало уясненныхъ, въ силу которыхъ человѣкъ не можетъ подчинить своей волѣ выдержку лошади и еще менѣе примѣнить одинъ и тотъ же способъ выдержки ко всѣмъ лошадямъ. Иногда, напр., удастся выдержать лошадь привосходно, и когда получается подобный результатъ, то выдерживавшій ее приходитъ въ полнѣйшій восторгъ и увѣряетъ какъ себя самого, такъ и другихъ, что гордіевъ узелъ разрубленъ и что важная задача выдержки теперь имъ разрѣшена вполне удовлетворительно, такъ какъ вотъ по какому методу онъ выдерживалъ лошадь и вотъ какой получился отъ его примѣненія блестящій результатъ. Когда ему приходится выдерживать другую лошадь, то онъ и къ ней примѣняетъ тотъ же методъ безъ всякихъ уклоненій; но—увы! результатъ получается совершенно иной и вторая лошадь послѣ такой выдержки выходитъ или слишкомъ утучненной, или чрезмѣрно подсушенной. Почему же изъ двухъ лошадей, выдержанныхъ при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, одна вышла вполне удовлетворительно, а другая наоборотъ?—На этотъ вопросъ существуетъ одинъ только отвѣтъ: *потому что эти две лошади различались по своей природѣ*, человѣкъ же этой разницы не могъ ни предугадать, ни предусмотрѣть.

Да, наконецъ, человѣку какъ-то странно брать на себя, при такомъ недостаткѣ положительныхъ данныхъ, полную отвѣтственность за то, что онъ вполне безошибочно можетъ опредѣлить то количество отдѣльно взятыхъ овса, сѣна и воды, въ которомъ дѣйствительно нуждается натура каждой выдерживаемой лошади, особенно если принять во вниманіе то различіе въ природѣ лошадей, о которомъ мы говорили выше. Различіе это несравненно значительнѣе, чѣмъ бы можно было предполагать. Такъ, напр., при совершенно одинаковыхъ условіяхъ содержанія двухъ лошадей, нерѣдко одна лошадь выходитъ чрезмѣрно утучненной, такъ что отъ излишней полноты дыханіе у ней дѣлается затрудненнымъ и замѣчается вялость въ движеніяхъ,—другая же лошадь, послѣ такой же выдержки, оказывается вполне доброй и только *держитъ тѣло*. Кромѣ всего вышесказаннаго, слѣдуетъ еще замѣтить, что количество корма должно сообразоваться съ работой лошади, т. е. съ тѣмъ моціономъ, который ей назначается.

Вообще нельзя не согласиться, на основаніи этихъ доводовъ, съ тѣмъ, что выдержка лошади—дѣло очень трудное, требующее и опытности, и знанія, а главное—дѣло еще *темное*, до сихъ поръ мало разработанное и настоятельно нуждающееся, какъ важнѣйшая часть коневодства, въ дальнѣйшихъ опытахъ и изученіи со стороны специалистовъ. Имѣя въ виду то несовершенство и неопредѣленность, въ которыхъ находилась, да и въ настоящее время еще находится наука о выдержкѣ лошадей, какъ-то странно опредѣлить даже и самое слово *выдержка* тѣмъ, что *мы выдерживаемъ* лошадей относительно корма и поенія, такъ какъ на дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ, выходитъ, что не мы выдерживаемъ ихъ, а просто-на-просто лошади сами *выдерживаютъ себя*. Съ этимъ, по всей вѣроятности, согласится всякій, кто занимается съ полнымъ вниманіемъ выдержкой лошадей и дѣлалъ наблюденія по этому предмету, такъ какъ опытъ, по всей вѣроятности, убѣдилъ его, что человѣку еще трудно *вполнѣ властною рукой* вмѣшиваться въ это дѣло, исключительно по своей волѣ дѣлать классификацію кормовъ и опредѣлять ихъ количество отдѣльно каждой лошади.

Не желая, съ своей стороны, затемнять еще болѣе этого дѣла всякими гадательными предположеніями, мы предпочли сказать здѣсь только то, что намъ удалось узнать изъ нашей обширной практики,

все же остальное предоставляемъ специалистамъ и будемъ терпѣливо ожидать ихъ компетентнаго слова по этому вопросу, столь важному и столь интересующему всѣхъ коннозаводчиковъ и любителей лошадей.

Выдержка лошадей, предназначаемыхъ для городской и загородной ѣзды, далеко не представляетъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, такихъ затрудненій, съ которыми приходится встрѣчаться при выдержкѣ рысака на призы. Городскихъ лошадей самое лучшее выдерживать на слѣдующемъ корму: 4 гарнца овса *) въ сутки (раздѣляя это количество на три дачи) и 20 фунтовъ сѣна. Такой порціи для городской лошади будетъ вполне достаточно, какъ бы ни была велика ея работа, такъ какъ въ упряжи едва ли ей приходится быть болѣе 4—5 часовъ въ сутки, да притомъ еще съ роздыхомъ, остальное же время она отдыхаетъ въ конюшнѣ. Для загородной же и вообще для деревенской лошади такая порція будетъ мала, такъ какъ этой лошади приходится безъ отдыха пробѣгать болѣе значительныя разстоянія и при томъ при менѣе благоприятныхъ условіяхъ относительно легкости дороги и т. п. Поэтому, если она часто ѣздитъ и на значительныя разстоянія, то для нея требуется усиленный кормъ, а именно: овса вволю, т. е. сколько сама можетъ сѣсть, и сѣна 15—20 ф., да и этого количества сѣна она не сѣсть, если довольствуется овсомъ вволю. Такой кормъ, при соответствующей работѣ, не можетъ произвести утучненія, и лошадь будетъ только хорошо держать тѣло. Вообще выдержка этихъ лошадей вполне зависитъ отъ частныхъ условій, и если будутъ при этомъ сдѣланы какія-либо ошибки, то онѣ обнаруживаются довольно скоро и ихъ легко бываетъ замѣтить по наружному виду лошадей, т. е. по ихъ толщинѣ или худобѣ, и сообразно съ этимъ измѣнить дачу корма. Тутъ всегда есть время поправить промахъ и опредѣлить вѣрное количество корма на будущее время. Поэтому мы не будемъ долѣе останавливаться надъ правилами выдержки этихъ лошадей и перейдемъ къ выдержкѣ рысака на призы.

*) Назначая порціи корма, мы имѣемъ въ виду овесъ и сѣно лучшаго качества.
Н. Т.

Едва ли въ какомъ-либо другомъ дѣлѣ встрѣчается болѣе противорѣчій въ тѣхъ средствахъ, при помощи которыхъ стараются подвергнуть рысака правильной выдержкѣ и тѣмъ подготовить его къ призу. Противорѣчія эти являются вслѣдствіе того, что призовою выдержкой стараются достигнуть разнообразнѣйшихъ результатовъ, которые также находятся въ нѣкоторомъ противорѣчій другъ съ другомъ. Главное, чего желаютъ достичь правильною выдержкой лошади, это, безъ сомнѣнія, то, чтобы лошадь была *сильна, тверда, вынослива и вмѣстѣ съ тѣмъ легка*. Но первыя три качества развиваются въ лошади главнымъ образомъ отъ обильнаго, но правильнаго кормленія, нисколько не препятствующаго правильности и легкости пищеваренія и дающаго возможно болѣе питательныхъ соковъ организму лошади. Но при условіяхъ обильнаго кормленія, столь способствующаго укрѣпленію лошади, какимъ образомъ можетъ получиться въ ней та легкость, которой настоятельно требуетъ отъ лошади быстрота современныхъ призовыхъ состязаній? Если же, наоборотъ, стараясь достигнуть этой легкости, мы будемъ давать уменьшенное количество корма, тогда отъ этого должно будетъ неминуемо затормозиться правильное развитіе организма лошади, такъ какъ главные составныя части его — мышцы, сухожилія и т. п. — не достигнутъ при этихъ условіяхъ той силы и твердости, которыхъ онѣ могли бы достигнуть при условіяхъ достаточнаго кормленія и поенія лошади. Вліяніе подобной недостаточной выдержки лошадей дѣйствуетъ на нихъ особенно пагубно вслѣдствіе того, что такой призовой выдержкѣ подвергаются лошади очень молодыя, еще формирующіяся и далеко не достигшія полнаго физическаго развитія. Спрашивается: какимъ же образомъ при подобной недостаточной выдержкѣ можетъ правильно формироваться лошадь, т. е. получить упругость мышцъ, правильное развитіе, твердость костей, вѣрныя сухожилія и т. п., когда все это должно получать питаніе и развитіе только изъ корма и питья? Но, съ другой стороны, если мы будемъ давать волю корму и питью, то мы этимъ отяжелимъ лошадь, и она не будетъ такъ легка въ движеніяхъ, какъ бы это было нужно для призовой ѣзды. Итакъ, является два полныхъ противорѣчія въ задачахъ выдержки и ея способахъ, а ихъ примиреніе между собой и составляетъ задачу, рѣшить которую мы предоставили специалистамъ и будущему.

Итакъ, мы дошли до двухъ золъ. — „Какое же изъ нихъ меньшее, — спроситъ читатель, — и, слѣдовательно, съ какимъ выгодыѣ мириться?“ — Выборъ зависитъ отъ личнаго взгляда, потребностей и *духа времени*. Прежніе охотники выдерживали лошадей на хорошемъ корму, оттого-то и лошади выходили у нихъ съ болѣе капитальными формами и съ наряднымъ ходомъ, такъ что даже теперь если случается увидѣть какому-нибудь знатоку лошадь съ такими формами и на плотныхъ ногахъ, то, указывая на нее, онъ навѣрное скажетъ: вотъ лошадь *стариннаго типа* или *старинныхъ ладовъ*. Охотники же нашего времени стараются достигнуть, выдержкой рысака, одной только легкости, которой дѣйствительно требуетъ чрезмѣрная быстрота, съ которой идутъ на ипподромахъ наши рысаки. Поэтому современные призовые лошади и выходятъ съ менѣе капитальными и красивыми формами, съ меньшей силой и стойкостью, и своимъ низкимъ, стелящимся ходомъ нисколько не напоминаютъ мастерскаго, картиннаго хода своихъ прародителей — типичныхъ орловскихъ рысаковъ.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что методы прежней выдержки были несравненно лучше и гуманнѣе; но вмѣстѣ съ этимъ нельзя не убѣдиться и въ томъ, что, примѣняя ихъ теперь, мы не выведемъ лошадей равныхъ по рѣзвости нашимъ современнымъ *бѣгункамъ*. Постараемся же избѣжать, на сколько возможно, обѣихъ этихъ крайностей и золъ и предложимъ на благоусмотрѣніе охотниковъ способъ выдержки, изученный нами на практикѣ и оказавшійся удовлетворительнымъ. При этомъ считаемъ долгомъ оговориться, что ставимъ его за образецъ единственно только потому, что не знаемъ лучшаго, а потому и будемъ очень благодарны, если кто-либо изъ знатоковъ этого дѣла укажетъ на наши промахи и на ошибочность воззрѣній и познакомитъ насъ, а вмѣстѣ съ нами и другихъ русскихъ охотниковъ, съ болѣе примѣнимымъ и совершеннымъ методомъ выдержки, за что мы принесемъ ему, по примѣненію подобнаго способа на практикѣ, искреннюю благодарность.

Итакъ, правильною выдержкой на призъ мы стараемся добиться того, чтобы выдерживаемая лошадь была сильна, тверда, вынослива и легка, и, кромѣ того, всякому вполне естественно желать, чтобы эта выдержка какъ можно менѣе повліяла на красоту лоша-

ди и чтобы подѣйствіемъ ея не остановилось развитіе организма, т. е. чтобы лошадь какъ можно менѣе уклонилась своими формами отъ типа кровнаго орловскаго рысака. Достигать подобныхъ результатовъ мы стараемся всегда при помощи слѣдующихъ условій. Мы не стѣсняемъ лошади относительно корма и питья и предоставляемъ ей самой, сообразно съ ея аппетитомъ, поглощать то количество пищи (по вѣсу и объему), какого требуетъ ея натура и развивающійся организмъ. При этомъ мы неуклонно заботимся только о томъ, чтобы при такомъ кормленіи отнюдь не была, ни въ какомъ случаѣ, затруднена правильность пищеваренія. Поэтому мы никогда не даемъ за одинъ разъ много корма, а, напротивъ, стараемся дѣлить все предназначаемое лошади въ кормъ на мелкія порціи и давать ихъ постепенно въ теченіи сутокъ.— Возьмемъ для примѣра одинъ день. Лошадь наша только сейчасъ вернулась съ проѣздки *), послѣ которой она устала, разгорячилась и вспотѣла, такъ что послѣ этого моціона аппетитъ у ней на кормъ и питье несравненно сильнѣе, чѣмъ тогда, когда она стояла безъ дѣла. Какъ только отложили ее, то, не выводя изъ конюшни, мы заставляемъ конюховъ немедленно промыть лошади теплой комнатною водой глаза, ноздри, ноги по колѣна и половыя части **), отчего лошадь нѣсколько освѣжится. Ноги же слѣдуетъ промывать для того, чтобы потъ не прошелъ подѣ щетку, такъ какъ отъ этого онъ на сгибу будетъ разѣдать ноги, вслѣдствіе чего на этомъ мѣстѣ образуются цыпки (струпья). Послѣ этого можно дать лошади два глотка воды и приступить къ уничтоженію пота, который счищается съ ногъ и съ корпуса при помощи особо устроенныхъ для этого деревянныхъ ножей. Исполнивши все вышеизложенное, начинаютъ водить лошадь и продолжаютъ эту проводку до тѣхъ поръ, пока не просохнутъ ноги отъ размыванія, а корпусъ отъ пота, и пока дыханіе лошади не придетъ въ нормальное состояніе. Затѣмъ лошадь привязывается у коновязи близъ конюшни и при

*) По крайней мѣрѣ за 5—6 часовъ передъ ѣздой слѣдуетъ прекращать кормленіе лошади. Причины, въ силу которыхъ должна быть соблюдаема такая предосторожность, будутъ перечислены далѣе. Н. Т.

**) Подобное омовеніе ногъ можно производить только въ теплую погоду, т. е. съ половины мая до половины августа, въ другое же время слѣдуетъ послѣ проѣздки обтереть ноги досуха соломой. Н. Т.

томъ, по возможности, такъ, чтобы пыль отъ чистки относилась вѣтромъ отъ лошади, а не садилась бы опять на нее. Вычистивъ лошадь и выбравъ съ помощью желѣзнаго крючка набившійся въ подковы и копыта навозъ и землю, вводятъ лошадь въ денникъ и даютъ ей на счетъ 4—5 глотковъ воды, отчего лошадь нѣсколько освѣжится. Въ денникѣ слѣдуетъ привязать лошадь на развязку, а не пускать вольно, во избѣжаніе того, чтобы она не стала валяться и не зашибла бы при этомъ ногъ. Черезъ часъ надо посмотреть, не оказалось ли у лошади вторичнаго пота, что довольно часто случается наблюдать у нѣкоторыхъ лошадей, да и со стороны конюха можетъ быть ошибка, такъ какъ, видя ее послѣ омовенія на открытомъ воздухѣ, ему легко можетъ показаться, что лошадь совершенно остыла, тогда какъ она, если можно такъ выразиться, только *пообвыла* на вѣтру, и когда ее послѣ этой ошибки поставятъ въ теплую конюшню, то она опять начнетъ постепенно отходить, т. е. вторично потѣть. Замѣтивъ такое новое выдѣленіе пота, конюхъ долженъ—если ему есть время, досугъ, и если имѣется такое мѣсто—провести лошадь, но только отнюдь не на сквозномъ вѣтру. Если же сдѣлать это почему-либо неудобно, въ такомъ случаѣ лошадь оставляется еще на одинъ часъ на развязкѣ и остываетъ сама собою.

И такъ, если спустя часъ послѣ того, какъ поставили лошадь въ денникъ, она окажется совершенно сухой и на ней не выступитъ вторичный потъ (а если это случится, то, слѣдовательно, черезъ два часа),—лошади даютъ 5 глотковъ воды и сѣна *) 2—3 фунта (приблизительно) и при этомъ спускаютъ ее съ развязки. Такъ какъ теперь она уже нѣсколько утолила жажду и примется за сѣно, то уже нѣтъ основаній предполагать, что будетъ валяться. Затѣмъ, еще черезъ часъ или полтора, нужно дать опять лошади 6—8 глотковъ воды и гарнецъ овса. Подобную порцію можно давать смѣло, такъ какъ послѣ ѣзды прошло около четырехъ часовъ. По прошествіи еще часа, лошади даютъ 10 глотковъ воды, полгарнца овса и сѣна приблизительно два фунта, а спустя такой же срокъ даютъ ей воды еще 10—12 глотковъ (больше этого она и сама, вѣроятно, не захочетъ пить) и полгарнца или гарнецъ

*) Сѣно также можно слегка смочить водою. Н. Т.

овса. Слѣдовательно, по прошествіи 7—8 часовъ послѣ ѣзды, лошадь уже *отдержана*, то-есть напоена и накормлена, и при томъ все это сдѣлано такъ, что и корму она приняла немного, да и желудокъ-то ни на одну минуту не былъ затрудненъ и обремененъ, отчего, слѣдовательно, пищевареніе совершалась правильно и весь данный кормъ пошелъ лошади въ прокъ.—Подобный методъ вполне рационаленъ, въ чемъ всякій можетъ убѣдиться на практикѣ, такъ что, рекомендуя его, мы нисколько не боимся того, что надъ нами посмѣются за это мелкое распредѣленіе корма, напоминающее докторскіе приемы. Но что же дѣлать,—лучше воспитывать лошадь на такихъ *докторскихъ* условіяхъ, чѣмъ прибѣгать въ этомъ дѣлѣ къ помощи ветеринаровъ и просить ихъ прописывать лошадямъ всякія слабительныя отъ излишней тучности, что практикуется въ наше время далеко не рѣдко.

Мы должны еще замѣтить, что тотъ, кому предоставляется выдержка лошади, непременно долженъ знать и принимать въ соображеніе то, какъ ѣздила лошадь на проѣздкѣ—хладнокровно или горячо, такъ какъ въ первомъ случаѣ нѣтъ надобности морить ее долго безъ воды и корма, а во второмъ надо быть осторожнѣе и не такъ скоро увеличивать количество корма и воды, а лучше раздѣлить его на болѣе мелкія дачи и дать лишній разъ.

Кромѣ того, если лошадь имѣетъ очень хорошій аппетитъ, что замѣчается, въ большинствѣ случаевъ, у тѣхъ лошадей, которыя еще недавно поступили на правильную выдержку, прежде же были *распущенными* лошадьми, т. е. не подчинялись никакимъ правиламъ относительно корма, а пили и ѣли сколько имъ было угодно и когда было угодно, такъ какъ кормъ былъ всегда въ кормушкахъ, а пить подводили ко всему чану,—то такимъ лошадямъ также слѣдуетъ давать кормъ чаще, но небольшими порціями, отчего сила аппетита навѣрное будетъ постепенно уменьшаться и для лошади мало-по-малу сдѣлается вполне достаточнымъ то количество корма, которое предписывается ей правильною выдержкой.

Выдерживая лошадь неуклонно по этому методу, мы достигнемъ того, что она, получая въ сущности значительное количество корма и воды, ни въ какомъ случаѣ не потеряетъ отъ этой выдержки ни своей легкости, ни своего вида, не будетъ распущенной, сырой

лошадью, а, напротивъ, получить правильныя, округленныя формы, т. е. прекрасно *выточится*, какъ выражаются охотники.

Итакъ, при столь необходимомъ для лошади достаточномъ кормленіи, опасность утучнить ее заключается не въ количествѣ корма, а въ томъ, съ какимъ умѣньемъ и по какимъ правиламъ даютъ его. Отчего, въ самомъ дѣлѣ, можетъ произойти утучненіе, когда желудокъ лошади во все время выдержки не будетъ отягощаемъ, и когда пищевареніе, вслѣдствіе этого, станетъ совершаться вполне правильно?

Считаемъ нелишнимъ замѣтить, что лошади всегда слѣдуетъ давать сначала воды, а потомъ уже корма, такъ какъ отъ этого кормъ переваривается желудкомъ лошади несравненно легче; если же дать прежде овса, а потомъ вскорѣ воды, то чрезъ это можно затруднить пищевареніе, а потому иногда и случается, что овесъ выходитъ въ кишечные каналы не совсѣмъ переварившимся. Этотъ фактъ замѣченъ и подтвержденъ ветеринарными науками.

По крайней мѣрѣ за 5—6 часовъ передъ ѣздой слѣдуетъ прекращать дачу корма и воды. Соблюденіе этого правила особенно важно въ томъ случаѣ, если предполагается горячая ѣзда. Только передъ самой закладкой можно дать лошади 2—3 глотка воды. Лошадь, накормленная и напоенная не задолго передъ ѣздой, почувствуетъ себя во время ѣзды обремененной, отчего у ней будетъ замѣтна тяжесть, вялость въ движеніяхъ, да и самое дыханіе будетъ не такъ свободно, какъ бы слѣдовало. Отъ ѣзды и движеній пища всколыхается и лошадь отъ этого начнетъ слабѣть, послѣ чего пахи у ней ввалятся, а масляки осунутся и она будетъ казаться вислобрюхой. Если, вдобавокъ, послѣ этого лошадь не одержать, какъ бы это слѣдовало по предлагаемому здѣсь методу, и опасаясь, что она еще тепла, дадутъ ей простоять нѣсколько часовъ безъ корма и поила, а потомъ, когда пройдетъ опасное время, преподнесутъ лошади то и другое сразу въ большомъ количествѣ, то лошадь, съѣвши и выпивши все это съ жаждой и аппетитомъ, еще болѣе отяготитъ свой желудокъ. Повторяя часто такіе приемы и раздѣляя суточную порцію корма и поила не болѣе какъ на три части, дѣйствительно не трудно отяжелить лошадь, распустить ее и сдѣлать сырой, тогда какъ, выдерживая лошадь по предлагаемому здѣсь методу, дробя ту же самую суточную пор-

цію корма и воды на болѣе мелкія порціи и давая ихъ лошади чаще, мы достигаемъ совершенно иныхъ результатовъ, и наша лошадь послѣ такой выдержки выходитъ легкой, сильной и съ правильными, эффектными формами.

Конечно, трудно обойтись и при этомъ методѣ безъ ошибокъ, но за то ошибки эти бывають не такъ значительны, а потому и всегда легко поправимы. Такъ, напр., если за нѣкоторое время передъ ѣздой на призъ будетъ замѣчено, что лошадь нѣсколько худая, тогда достаточно нѣсколькихъ дней, чтобы поправить ее прибавкой корма и воды; въ случаѣ же излишней тучности стоитъ только продержать ее немного времени впроголодь, и она послѣ этого достигнетъ надлежащаго вида. Поправляется же это такъ легко потому, что при предшествовавшей правильной выдержкѣ не могло быть особенно большихъ измѣненій въ лошади.

Кромѣ очевидной пользы подобной системы выдержки въ томъ отношеніи, что она сохраняетъ полную свободу и правильность пищеваренія и не обременяетъ желудка лошади, мы предохраняемъ ею и всякое ненормальное появленіе у лошади аппетита, а напротивъ, сокращаемъ его силу. Въ сущности, мы даемъ лошади во время этой выдержки пить и ѣсть столько, сколько она сама желаетъ, но при этомъ никогда не доводимъ до раздраженія ея аппетитъ, постоянно уменьшая его силу незначительными насыщеніями. Методъ этой выдержки можетъ быть легко уяснимъ примѣромъ изъ обыденной жизни человѣка. Предположимъ, что мы два раза въ день пьемъ чай, одинъ разъ кофе, за обѣдомъ ѣдимъ три блюда, за ужиномъ два. Попробуемъ теперь распредѣлить порядокъ такимъ образомъ: въ 9 часовъ утра—стаканъ чаю, въ 10—другой, въ 11—стаканъ кофе, въ 1 часъ пополудни—супъ, въ 2 часа—второе блюдо обѣда, въ 4 часа—третье блюдо обѣда, въ 5 часовъ—стаканъ чаю, въ 7 часовъ—другой, въ 8 часовъ—первое блюдо ужина, въ 10 часовъ—другое. Спрашивается, будемъ ли мы такъ же охотно ѣсть и пить все это, какъ при обыкновенномъ порядкѣ, и не будетъ ли одно блюдо уменьшать аппетитъ на другое, подаваемое черезъ длинный промежутокъ времени, когда, наприм., даже легкій завтракъ у непривыкшаго къ нему человѣка совершенно измѣняетъ аппетитъ, такъ что онъ послѣ него почти не можетъ ѣсть за обѣдомъ?

ПОДГОТОВКА КЪ ПРИЗУ.

Подготовка къ призу.

Для того, чтобы подготовить лошадь къ призу, не достаточно одной только правильной выдержки, а нужна при этомъ также и правильная ѣзда. Вообще выдержка находится въ неразрывной связи съ ѣздою, и только при совокупной ихъ правильности и соотношении можетъ быть успѣшная подготовка на призъ.

Каждый коннозаводчикъ и каждый охотникъ, имѣющій рѣзвыхъ и молодыхъ лошадей, болѣе или менѣе стараются достигнуть одной и той же цѣли—подготовить на призъ болѣе для этого подходящихъ и рѣзвѣйшихъ изъ своихъ питомцевъ. Первый хлопочетъ объ этомъ для того, чтобы сдѣлать болѣе извѣстнымъ свой заводъ, а второй—по охотѣ и изъ-за денежныхъ расчетовъ, такъ какъ призовую лошадь можно продать несравненно дороже.

Подготовка рысака къ призу, точно также какъ и выдержка, производится не по какимъ-либо общепринятымъ и тщательно выработаннымъ правиламъ,—напротивъ, въ каждомъ заводѣ и у каждаго наѣздника имѣется для этого свой собственный методъ. Да и самыя мнѣнія объ этой подготовкѣ весьма различны: одинъ увѣряетъ, что лошадь къ призу можно подготовить въ три мѣсяца, другой*говоритъ, что для этого нужно шесть мѣсяцевъ, а третій назначаетъ цѣлый годъ. Кто же изъ нихъ правъ? спросить читатель.—Все правы, скажемъ мы, но только надо принять во вниманіе то, для какой лошади *) они назначаютъ эти сроки. Для лошади правильно выдержанной и хорошо выѣзженной, у которой уже выработаны сѣби, которая вѣрна въ возжахъ и вообще ѣдетъ хорошо, дѣйствительно, достаточно трехъ мѣсяцевъ, чтобы подготовить ее къ призу, такъ какъ наѣзднику остается только хорошенько ознакомиться съ характеромъ лошади, пріучить ее къ своей

*) Здѣсь подразумѣваемъ лошадей одного возраста. Н. Т.

тактики, выработать приемы, показать повороты (на бѣговомъ ипподромѣ), проѣхать послѣ какого-либо бѣга по бѣговому кругу мимо бесѣдки, въ которой помѣщаются зрители, и проѣхать тогда когда еще не вся публика разошлась оттуда, чтобы такимъ образомъ приучить лошадь къ столь многочисленнымъ зрителямъ и къ гулу ихъ голосовъ. На такую подготовку, дѣйствительно, не надо болѣе трехъ мѣсяцевъ. Но съ лошадью плохо выдержанной, которая идетъ еще не смѣло или выбита изъ духа, не влегающей въ возжи, толкущейся на сбояхъ, не имѣющей энергіи, но обнаруживающей всѣ данныя быть призовою лошадью, несмотря на то, что еще ѣдетъ пока тихо,—въ такой срокъ справиться и подготовить трудно, потому, что наѣздникъ долженъ будетъ поступать съ нею какъ съ только-что заѣзженной лошадью, т. е. ему нужно будетъ выдержать ее, осмѣлить, заставить принять возжи, выработать сбой, возбудить въ ней энергію на ѣздѣ, распустить ходъ, приучить къ боевымъ приемамъ и т. д. Надо сознаться, что всего этого трудно достигнуть не только въ три, а и въ шесть мѣсяцевъ. Вообще не слѣдуетъ смѣшивать собственно *подготовки къ призу* съ тѣмъ, что лошадь *готовится на призъ*. Подготовка къ призу—дѣло временное и примѣнимое только къ тѣмъ лошадямъ изъ готовившихся на призы или быть призовыми, которые обнаружили для этого болѣе данныхъ. Чистокровныя же рысистыя лошади начинаютъ готовиться къ призу, какъ къ общей и желаемой всѣми ихъ владѣльцами цѣли, очень рано и задолго до приза,—еще съ тѣхъ поръ, когда онѣ находятся въ утробахъ своихъ матерей, такъ какъ и тогда опытный коннозаводчикъ наблюдаетъ, чтобы матки кормились хорошо и выдѣляли бы, вслѣдствіе этого, изъ своего организма достаточную пищу въ организмъ развивающагося въ ихъ утробѣ плода. Весь дальнѣйшій, извѣстный уже намъ, уходъ за жеребятами имѣетъ ту же самую цѣль, и когда подходит время выѣздки, то на нейто и сосредоточиваютъ все вниманіе, стараясь распознать силу и рѣзвость лошади и опредѣлить, годится ли она на призъ. Итакъ, значитъ, почти всѣ рысистыя лошади, конечно, хорошей чистокровнѣйшей породы, съ аттестатами неминуемо восходящими, хотя и по различнымъ вѣтвямъ, до самаго ея родоначальника, знаменитаго Барса, *готовятся къ призовой ѣздѣ*, но *подготовки къ призу* требуютъ только тѣ изъ нихъ, которые, повторяемъ, обнаруживаютъ болѣе данныхъ сдѣлаться призовыми лошадями.

Прежде, чѣмъ приступить къ описанію способовъ подготовки рысака на призъ, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о выдержкѣ жеребятъ съ двухлѣтняго возраста *).

По достиженіи жеребенкомъ двухлѣтняго возраста, его начинаютъ приучать къ гонкѣ на кордѣ. При этихъ упражненіяхъ все наше вниманіе должно быть сосредоточено на томъ, чтобы какъ можно болѣе приручить жеребенка,—достигнуть того, чтобы онъ слушался нашего голоса, повиновался нашимъ приказаніямъ, но имѣлъ съ тѣмъ держалъ себя вполне свободно и не боялся насъ, т. е. не считалъ за своихъ мучителей. Вообще слѣдуетъ всѣми мѣрами стараться, чтобы не озлобить жеребенка во время гонокъ, такъ какъ, помимо уже неблагопріятнаго нравственнаго на него вліянія, это можетъ отозваться и на его организмѣ,—озлобившись, онъ, пожалуй, начнетъ чрезмѣрно сильно скакать или пойдетъ очень скорою рысью, а то и другое будетъ ему не подъ силу, такъ какъ у него не успѣли еще путемъ сложиться и окрѣпнуть связки, сухожилія и т. д.,—словомъ, вся мускульная система не достигла еще полного развитія. Впрочемъ, несмотря на несовершенство всего этого, въ жеребенкѣ иногда начинаетъ уже пробуждаться энергія къ дѣлу, и, озлобленный частыми подергиваніями и повуканіями, а иногда и по своей охотѣ, онъ начинаетъ приходить, какъ говорится, *въ азартъ*; но такимъ вспышкамъ отнюдь не надо давать развитія, а напротивъ, при появленіи ихъ, слѣдуетъ уговаривать жеребенка съ цѣлью привести его опять въ нормальное состояніе духа. Подобная, излишняя, временная энергичность не можетъ принести никакой пользы развитію организма жеребенка и усовершенствованію его мускульной системы, такъ какъ все это крѣпнетъ и развивается не отъ усиленной энергичной работы, столь несоотвѣтствующей возрасту жеребенка, а отъ правильнаго, постепеннаго моціона, которому должно соотвѣтствовать и правильное кормленіе жеребенка, т. е. правильная его выдержка, безъ чего, такъ же какъ и безъ моціона, не можетъ складываться и крѣпнуть организмъ молодой лошади. Поэтому выдерживающій лошадь долженъ постоянно стараться, чтобы моціонъ

*) О воспитаніи жеребятъ въ болѣе раннемъ возрастѣ было уже говорено въ первыхъ главахъ настоящей книги. Н. Т.

лошади находился въ примомъ соотношеніи съ тѣмъ кормомъ, который она получаетъ, и наоборотъ. Для молодой лошади не вреденъ и продолжительный моціонъ (только не до изнуренія), но при такомъ моціонѣ нуженъ опять-таки усиленный кормъ, а при достаточномъ кормѣ, въ свою очередь, не слѣдуетъ бояться давать лошади хорошій моціонъ, при которомъ не худо доводить ее черезъ двѣ-три гонки до обильнаго пота. Если, вдобавокъ къ такимъ условіямъ, нашъ молодой рысакъ стоитъ не въ душномъ денникѣ, а хотя изрѣдка пользуется благотворно дѣйствующимъ на его украшеніе свѣжимъ воздухомъ, или если на заводѣ устроена хорошая вентиляція, то, безъ всякаго сомнѣнія, онъ будетъ быстро расти, крѣпнуть и развиваться въ мощную лошадь.

По мѣрѣ того, какъ растетъ и мужаетъ жеребенокъ, моціонъ для него постепенно увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ развивается и большая быстрота въ движеніяхъ нашего будущаго рысака. Приучивъ его съ такихъ лѣтъ ко всѣмъ условіямъ правильной выдержки на призь, намъ уже и самимъ будетъ легче, когда настанетъ время его заѣздки, соблюсти съ такимъ жеребенкомъ всѣ условія, предписываемыя правильной ѣздой, такъ какъ, во-первыхъ, къ наступленію этого времени мы уже успѣли хорошо изучить молодую лошадь и, во-вторыхъ, приучивъ ее къ условіямъ правильной выдержки, мы и сами основались и какъ бы сроднились съ такими отношеніями къ рысаку, а потому, когда начнется его заѣзка и, затѣмъ, ѣзда на немъ, т. е. наступитъ то время, когда рысакъ потребуетъ еще болѣе тщательной выдержки относительно корма, болѣе опредѣленныхъ ѣзды и отдыха,—словомъ, большаго ухода и вниманія съ нашей стороны,—то не будетъ никакихъ основаній предполагать, что мы станемъ неглижировать этимъ дѣломъ, т. е. будемъ недокармливать молодую лошадь или огружать ее излишнимъ количествомъ корма, утомлять чрезмѣрною ѣздой или оставлять ее безъ моціона и т. д.,—словомъ, послѣ всѣхъ перенесенныхъ нами хлопотъ и трудовъ, навѣрное, не захотимъ испортить бочку меда ложкой дегтя, какъ справедливо говоритъ пословица.

Въ первое время выѣздки, съ молодой лошадейю нужно быть болѣе мягкимъ и снисходительнымъ и согласоваться съ ея возрастомъ, но потомъ постепенно приступать (хотя и не въ каждую проѣзду) къ болѣе строгимъ приемамъ и посыламъ, стараясь,

чтобы хоть сто сажень лошадей прошла полнымъ ходомъ, какимъ только она можетъ пройти, но больше этого отъ нея требовать нельзя, и даже въ томъ случаѣ, еслибъ она сама пожелала пройти на такомъ ходу далѣе этой дистанціи, ей не слѣдуетъ этого позволять. Отъ нея только требуется, чтобы она понимала ѣзду, а ѣздить какъ слѣдуетъ—еще не пришло время. Наѣздникъ не долженъ увлекаться тѣмъ, если его лошадь сразу пойдетъ шибко и правильно,—позднѣе, лошадь можетъ пойти и неправильно, и тише, особенно если наѣздникъ не предостережетъ ее отъ такой перемѣны хода и будетъ назначать ей проѣздки несоотвѣтствующія ея силамъ и возрасту, станетъ требовать отъ нея исполненія того, чего она еще не понимаетъ и чему онъ ее не училъ, а также если будетъ проходить съ лошадейю всѣ упражненія только поверхностно и, не внушивъ ей какъ слѣдуетъ одного какого-либо приема, станетъ учить ее слѣдующему, а иногда перескочитъ черезъ одинъ или два приема, найдя ихъ ненужными. Понятно, что при такомъ легкомъ внушеніи лошади правилъ ѣзды получается одинъ только наружный лоскъ—мишура, и такую школу пройти съ лошадейю не долго. Но впослѣдствіи не замедлятъ обнаружиться и результаты такой поверхностной школы, такъ что лошадь хоть бы и снова заѣздить не мѣшало. На такія продѣлки особенно способны боевые наѣздники, которымъ хоть разъ случилось проѣхать на трехлѣтней лошади и взять призь. Обыкновенно они очень кичатся такимъ подвигомъ и говорятъ, что *я на трехлѣтней проѣхалъ съ такой быстротой, какой бы было надо спросить съ четырехлѣтней лошади*. Но проѣхать такимъ образомъ можно только разъ или два на случайно выдавшихся лошадяхъ. И что же послѣ дѣлается съ этими лошадями?—вмѣсто того, чтобы съ каждымъ годомъ дѣлаться рѣзвѣе, какъ это бываетъ со всѣми нескороспѣлыми рысаками, онѣ начинаютъ терять рѣзвость, и за то, что въ трехлѣтнемъ возрастѣ прошли какъ четырехлѣтнія, на слѣдующій годъ, на четырехлѣтній призь, онѣ уже идутъ съ рѣзвостью трехлѣтнихъ.

Всякому коннозаводчику свойственно, какъ мы сказали, готовить своихъ лошадей къ призу; но готовить съ такою настойчивостью и изнуреніемъ ихъ мы не совѣтуемъ,—это значитъ рисковать, и рисковать очень много, потому что вытянутая та-

кимъ образомъ лошадь, если не возьметъ приза, не будетъ годна и въ городскія лошади. Если же лошади готовятся на призъ какъ слѣдуетъ, по всѣмъ правиламъ рациональной ѣзды, то хоть бы онѣ и не вышли призовыми, все-таки такая ѣзда будетъ далеко не излишней, такъ какъ, во-первыхъ, послѣ нея владѣлецъ лошадей убѣдится, что его лошади дѣйствительно не подходили къ условіямъ призовой ѣзды, и этимъ устранятся всѣ сомнѣнія, и, во-вторыхъ, такая ѣзда усиливаетъ и совершенствуетъ и рысь лошади, и ея приемы, такъ что при продажѣ ея для городской ѣзды будетъ что показать покупателю, а поэтому и цѣну можно взять болѣе высокую—какъ за лошадь рысистую, съ хорошими, легкими приемами, невытянутую и прекрасно выѣзженную.

Вообще, приготовленіемъ лошади къ призу можно достичь хорошихъ, прочныхъ результатовъ только тогда, когда за это дѣло приметъ знающій наѣздникъ, который, прежде чѣмъ приступить къ этому дѣлу, тщательно обдумаетъ способы его веденія и будетъ исполнять ихъ съ полнымъ терпѣніемъ, преданностію къ дѣлу и съ любовью къ лошади. Только при такихъ условіяхъ лошадь съ каждымъ днемъ будетъ все болѣе подготавливаться къ своему роковому экзамену, и подготавливаться не слегка, а вполне фундаментально, и, разъ отличившись на призовомъ испытаніи, она будетъ годъ отъ году выдерживать его все тверже и блистательнѣе.

Выѣзжая молодую лошадь, опытный наѣздникъ никогда не позволитъ себѣ довести ее, непомѣрною ѣздой, до изнуренія силъ и не выбьетъ ее изъ духа, такъ какъ онъ хорошо знаетъ, что лошадь безъ энергіи не можетъ быть призовою. Вотъ почему, замѣтивъ, что лошадь идетъ на какой-нибудь изъ проѣздовъ невесело или неохотно,—словомъ, не обнаруживаетъ расположенія къ ѣздѣ, что наѣздникъ можетъ замѣтить въ лошади очень легко,—онъ не станетъ посылать ее, а дастъ лучше простоять лишній день въ денникѣ, или проѣдетъ одну проѣздку шагомъ. Когда лошадь идетъ съ полной охотой и энергіей, то идетъ безъ посылковъ и на правильномъ, а слѣдовательно и болѣе рѣзвомъ ходу; измученная же лошадь, вслѣдствіе усталости, можетъ пойти даже мѣшаннымъ ходомъ, на которомъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ той рѣзвости, которая замѣчается на правильномъ ходу.

Если наѣздникъ принимаетъ уже выѣзженную лошадь для под-

готовки на призъ, то ему слѣдуетъ принять во вниманіе, гдѣ и кѣмъ готовилась лошадь, и, подвергнувъ ея ѣзду тщательному испытанію, онъ долженъ вполне безпристрастно рѣшить, достаточно ли подготовлена лошадь и можно ли начать съ ней собственно призовую работу, или же ее слѣдуетъ подготовить къ ней и усовершенствовать еще болѣе въ предшествовавшихъ упражненіяхъ. При этомъ знакомствѣ наѣздника съ лошадыю, отъ него не должно укрыться ни малѣйшаго недостатка въ ея характерѣ, ѣздѣ, приемахъ, постановкѣ хода и т. п., и, только убѣдившись въ томъ, что для усовершенствованія всего этого уже были приняты всѣ мѣры и употреблены всѣ старанія,—словомъ, что съ лошади взяли все, что она могла дать по своимъ природнымъ качествамъ,—онъ приступаетъ къ подготовкѣ на призъ. Замѣтивъ въ лошади всѣ данныя для призовой ѣзды, рѣдкій наѣздникъ не увлекается дѣломъ ея подготовки къ призу, взятіе котораго и для него представляетъ обязательный интересъ. Надо видѣть, съ какимъ трепетнымъ жаромъ предается истый ѣздокъ этому дѣлу, какъ напряженно слѣдитъ онъ за всѣми движеніями лошади и какъ старается, такъ сказать, передать ей свои мысли,—такъ бы, кажется, и побѣждалъ передъ лошадыю, чтобъ увлечь ее,—онъ бы, кажется, готовъ былъ въ эти роковыя минуты приставить къ ея туловищу свою голову, чтобъ только передать ей свои мысли и желанія, внушить ей о важности той минуты, къ которой она готовится. Всѣхъ такихъ стремленій наѣздника, несмотря на то, что къ нимъ примѣшивается значительная доля эгоизма, нельзя не назвать добросовѣстными, и они служатъ самымъ вѣрнымъ ручательствомъ за успѣхъ дѣла, при возможныхъ для этого условіяхъ.

Подготавливая рысака, каждый наѣздникъ долженъ знать, какую дистанцію ему придется проѣхать во время призоваго состязанія, и сообразно съ этимъ руководить своими дѣйствіями относительно лошади. Если, напр., онъ готовитъ на трехверстный призъ, то старается всѣми мѣрами развить въ ней быстроту хода; если же предстоятъ шести и болѣе верстные призы, то заботится главнымъ образомъ о томъ, чтобъ лошадь была сильна и вынослива. Поэтому, готовя лошадь на трехверстную дистанцію, онъ ѣздитъ на ней горячѣе и строже; а готовя къ шести-верстной дистанціи, ѣздитъ хладнокровнѣе и тише, старается все болѣе и болѣе усилить ло-

шадь, для чего съ каждою проѣздой увеличиваетъ дистанціи и силу ея хода и примѣняетъ (по секундомеру) къ силѣ хода соперниковъ, стараясь, во всякомъ случаѣ, сберечь запасъ силы и рѣзвости лошади, чтобы воспользоваться этимъ въ критическую минуту, когда дѣйствительно ему придется потребовать отъ лошади всего, что она можетъ дать по своимъ силамъ и по своему ходу.

Вообще очень важно заранѣе приучить лошадь проходить ту дистанцію, какую ей придется пробѣжать во время приза, такъ какъ иногда и очень рѣзвая лошадь безъ подобной подготовки слабѣетъ на послѣдней полуверстѣ и теряетъ изъ-за этого призъ. Готовя, напр., на трехверстный призъ, наѣздникъ долженъ пробѣжать передъ призомъ нѣсколько разъ эти три версты полною размашкой и посмотреть, какъ это перенесетъ лошадь. Вообще наѣздникъ долженъ изучить до мельчайшихъ подробностей весь запасъ силы и хода, которымъ владѣетъ лошадь, и изучить на дѣлѣ, выполнѣ примѣняясь къ условіямъ тѣхъ призовъ, къ которымъ онъ ее готовить.

За два, а еще лучше за три дня передъ ѣздой на призъ слѣдуетъ осмотрѣть возможно тщательнѣ подковы у лошади, и если окажется нужнымъ, то перековать ее; но позже этого срока, то есть наканунѣ или въ самый день бѣга, не слѣдуетъ перековывать лошадь, такъ какъ послѣ перековки подковы могутъ нѣсколько сжимать копыто, да и самые удары молотка раздражительно и непріятно дѣйствуютъ на ноги лошади, такъ что несравненно лучше если послѣ ощущенія перековки ноги успѣютъ отдохнуть. Если передъ призовымъ состязаніемъ окажется, что лошадь нѣсколько тучна, въ такомъ случаѣ слѣдуетъ поморить ее дня два, т. е. давать не вдоволь корма, а въ особенности сѣна и воды; если же, вслѣдствіе такого сокращенія въ сѣнѣ, лошадь примется ѣсть подстилку, въ такомъ случаѣ, послѣ того какъ лошадь съѣстъ порцію своего корма, можно надѣть на нее намордникъ.

Наканунѣ призоваго состязанія на лошади пробѣгаютъ немного по ипподрому, чтобъ убѣдиться, въ духѣ ли она, т. е. энергично ли ѣдетъ и здорова ли. Утромъ въ самый день состязанія можно дать лошади немного воды, гарнецъ овса и сѣна фунта три. Лѣтнія состязанія начинаются въ 7 часовъ вечера, и лошадь нельзя же морить, въ ожиданіи ихъ, цѣлый день безъ пищи и питья,

особенно въ жаркое лѣтнее время, а потому во время полуденной уборки совѣтуемъ дать ей еще глотковъ шесть воды и полгарнца овса,—такая порція, очевидно, не въ состояніи отяготить желудка лошади. Когда же настанетъ время вести лошадь на роковое состязаніе, то передъ этимъ слѣдуетъ ей дать еще глотка три воды и потомъ уже съ надеждой на успѣхъ вести лошадь на ипподромъ.— Пожелаемъ же и мы счастливаго успѣха этому первому дебюту молодаго рысака и его наѣзднику, твердость духа котораго и опытность могутъ во многомъ помочь рысаку во время призоваго состязанія.

Потнѣніе рысака.

Потнѣніе предохраняетъ рысака отъ излишней тучности и т. н. послѣдствій, происходящихъ отъ обильнаго, не въ мѣру, корма, отъ недостатка въ моціонѣ и долговременнаго стоянія безъ ѣзды—за неимѣніемъ манежа, по болѣзни ногъ, или вслѣдствіе какихъ-либо непредвидѣнныхъ случаевъ. Потнѣніе рысака производится съ помощью различныхъ способовъ. Самый обыкновенный изъ нихъ тотъ, что рысака покрываютъ попоною, а на голову и шею надѣваютъ капоръ; нѣкоторые же, для вѣрнѣйшаго достиженія цѣли, покрываютъ даже двумя попонами. Въ такомъ нарядѣ рысака гоняютъ долгое время въ манежѣ на кордѣ или закладываютъ въ дрожки. При этомъ самую тонку или проѣздку производятъ не въ обыкновенное время, т. е. не рано утромъ или при вечерней прохладѣ, а выбираютъ для этого самое жаркое время дня и ѣздить на рысакѣ гораздо долѣе, чѣмъ на простыхъ проѣздкахъ, такъ что нерѣдко дѣлаютъ на немъ отъ 5—7 верстъ, не давая во все это время ни малѣйшаго роздыха и не позволяя даже пройти шагомъ. Прямо съ такой проѣздки, на полномъ ходу, подтѣзжаютъ къ каретному сараю, наскоро откладываютъ лошадь и проводятъ нѣкоторое время въ пополахъ, затѣмъ снимаютъ ихъ и продолжаютъ водить лошадь до тѣхъ поръ, пока она остынетъ. Когда, послѣ пробѣга столь значительной дистанціи, одѣтая ло-

шадь будетъ сразу остановлена и послѣ откладки ее поведутъ шагомъ, то она вся, такъ сказать, загорится и на ней выступитъ очень сильный потъ, который, по снятіи попонъ, счищаютъ съ лошади деревянными ножами и потомъ, покрывъ ее свѣжею попоною, продолжаютъ водить до тѣхъ поръ, пока остынетъ.

Мы ничего не имѣемъ сказать ни *за*, ни *противъ* этихъ способовъ потнѣнія рысакъ, но прибѣгать къ нимъ считаемъ дѣломъ излишнимъ и опаснымъ, такъ какъ постепенное потнѣние на моціонѣ дѣйствуетъ на рысакъ несравненно лучше и тутъ, по крайней мѣрѣ, не рискуешь, что отъ такого ненормальнаго одѣванія и потнѣнія у лошади можетъ сдѣлаться сильный приливъ крови къ головѣ, а пожалуй, что еще хуже, можетъ прилить къ глазамъ темная вода, къ чему въ особенности предрасположены сыроголовыя лошади. Во всякомъ случаѣ, еще разъ совѣтуемъ остерегаться потнѣнія лошади съ помощью такихъ насильственныхъ приемовъ,—лучше выпотнить ее постепенно на ѣздѣ и моціонѣ безъ всякихъ попонъ, капоровъ и т. п. атрибутовъ. Намъ кажется, что лошадь потнѣтъ такъ сильно вовсе не отъ этихъ попонъ и капоровъ, а отъ излишняго пробѣга за одинъ приемъ большей дистанціи противъ той, которую она привыкла пробѣгать и при томъ въ болѣе прохладное время дня. Если же, при снятіи съ лошади попоны, на ней бываетъ замѣтенъ черезчуръ сильный потъ, такъ это слѣдуетъ приписать вовсе не тому, что его вызвали покрывала, а только тому, что покрывала эти препятствовали ему улетучиваться на ѣздѣ. Мы вполне убѣждены, что и безъ попонъ лошадь можно вспотнить точно такъ же, какъ и съ попонами, но только потнѣние это не будетъ столь замѣтно, такъ какъ во время ѣзды потъ будетъ улетучиваться и вѣтеръ станетъ обдувать и обсушить лошадь. Имѣя въ виду все вышесказанное, мы рѣшительно отвергаемъ пользу такихъ чрезвычайныхъ мѣръ и находимъ ихъ сколько опасными, столько же и бесполезными, потому что отучившую лошадь путемъ постепенной ѣзды и потнѣнія можно несравненно вѣрнѣе привести въ желаемый видъ, чѣмъ такими сильными средствами.

Чистка лошадей.

Правильная чистка лошадей имѣетъ большое вліяніе какъ на красоту ихъ наружнаго вида, такъ и на здоровье. Къ сожалѣнію, не всегда и не вездѣ относятся серьезно, какъ бы слѣдовало, къ этому дѣлу и ведутъ его спуста рукава, нерѣдко поручая чистку лошадей людямъ, не имѣющимъ достаточнаго понятія объ этомъ процессѣ. Опытнаго въ чисткѣ лошадей человѣка можно узнать съ перваго раза по всѣмъ его приемамъ, наприм. по тому, какъ онъ надѣнетъ на лошадь недоуздокъ и поставитъ ее на развязку, какъ привяжетъ, съ какой стороны зайдетъ чистить, и т. д.

Чистка лошадей производится въ корридорахъ и въ денникахъ. Въ первомъ случаѣ, выбравъ въ корридорѣ удобное для этого мѣсто, ввертываютъ одно противъ другаго два кольца. Затѣмъ для развязки берутъ веревку въ 1½ или въ 2 аршина длины, смотря по ширинѣ корридора. На веревкахъ дѣлаютъ двѣ петли, изъ коихъ одна продѣвается въ кольцо и потомъ захватывается тамъ въ глухую петлю, а въ другую петлю продѣвается поводъ недоуздки и конецъ его привязывается къ кольцу, находящемуся на противоположной сторонѣ. Лошадь должна стоять на развязкахъ *посрединѣ* корридора, т. е. на равномъ разстояніи отъ обѣихъ его стѣнъ, для того чтобы конюхъ могъ свободно чистить лошадь какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Въ денникѣ же совѣтуемъ устроить развязку такимъ образомъ: одно кольцо ввертывать въ стойку двери, а другое—въ ближайшую къ ней, перпендикулярную стѣну денника. На устроенныхъ такимъ образомъ развязкахъ лошадь стоитъ головою къ одному, а задомъ къ другому перекоскому углу. Поэтому конюхъ во время чистки можетъ свободно обходить вокругъ поставленной такимъ образомъ лошади. Кромѣ того, перекосная развязка лошади въ денникѣ предпочитается еще и потому, что когда лошадь, еще не просохшая послѣ ѣзды, а слѣдовательно и неготовая еще для чистки, стоя на такой развязкѣ, вздумаетъ подвернуться бокомъ или задомъ къ стѣнѣ, чтобы почесаться, то на такой развязкѣ не въ состояніи будетъ сдѣлать это. Нѣкоторые лошади имѣютъ привычку, стоя на развязкахъ, бить ногою объ стѣну, отчего и мо-

гутъ зашибить себѣ ногу; но при перекосной развязкѣ онѣ стоятъ на самой срединѣ денника и потому едва ли могутъ достать ногою до стѣны.

Когда лошадь будетъ поставлена на развязкѣ, тогда конюхъ, взявъ скребницу и щетку, подходитъ къ лошади съ безгривой стороны и начинаетъ водить слегка скребницей по ворсу и противъ ворса шерсти. Конюхъ принаравливаетъ чистку скребницей къ тому, какъ ее сноситъ лошадь, т. е. если она раздражается этимъ, не стоитъ смирно, топаютъ ногами и вертитъ хвостомъ, то надо чистить легче, а если нѣтъ, то можно и сильнѣе. Когда конюхъ, начавъ чистить съ шеи, пройдетъ скребницей весь бокъ лошади и грудь, то начинаетъ чистить все это щеткой, пыль съ которой собираетъ на скребницу, и когда ряды послѣдней наполнятся, то выбиваетъ изъ нихъ пыль на полъ корридора противъ денника. Это дѣлается для того, чтобы старшіе видѣли, насколько тщательно производилась чистка. Конечно, опытный смотритель завода или старшій конюхъ не станутъ судить о тщательности чистки по количеству пыли, а зайдутъ посмотрѣть, не осталось ли на лошади еще болѣе того, сколько ея было вынесено за денникъ. Да, наконецъ, количество пыли еще ничего не доказываетъ, такъ какъ послѣ ѣзды на потной лошади по пыльному ипподрому на нее столько насѣдаетъ пыли, что можно собрать при чисткѣ достаточное ея количество для выноски за денникъ, на показъ, и еще большее количество можно оставить невычищеннымъ въ шерсти лошади. Но, при всей бездоказательности подобнаго приѣма, мы не совѣтуемъ отъучать отъ него конюховъ, въ противномъ случаѣ они станутъ выбивать скребницы въ самыхъ денникахъ, и тогда пыль вмѣстѣ съ потомъ могутъ попадать лошадямъ въ кормъ. Кромѣ того, между лошадьми есть любительницы лизать эту пыль, которая привлекательна для нихъ потому, что отъ пота имѣетъ соленый вкусъ, а полизавши ея, онѣ станутъ фыркать и, пожалуй, еще кашлять.

Когда конюхъ вычиститъ скребницей и щеткой безгривый бокъ лошади, то, не переходя на другую сторону, онъ начинаетъ перечищать щеткой понемногу гриву, постепенно перебирая ее и перекладывая на безгривый же бокъ (т. е. не на тотъ, гдѣ она всегда находится у лошади). Перебравъ

гриву на этотъ бокъ, конюхъ заходитъ съ другой стороны лошади и начинаетъ чистить ее такимъ же порядкомъ, обращая при этомъ самое строгое вниманіе на чистку ногъ, за которыми онъ больше всего долженъ слѣдить, прочищая съ возможною тщательностію подъ щетками и на сгибахъ, такъ какъ отъ дурной чистки и невниманія конюха на этихъ мѣстахъ начинаютъ появляться струпыя, а потомъ *цыпки*, отъ которыхъ не далеко и до подсѣдовъ. Окончивши чистку гривной стороны и ногъ, конюхъ опять перечищаетъ гриву, перебирая ее уже на ту сторону, гдѣ она постоянно лежитъ. Мы не совѣтуемъ позволять чистить скребницей гриву и хвостъ, а приказывать чистить ихъ одной только щеткой.

Нѣкоторые конюхи, сверхъ чистки гривы и хвоста щеткой, расчесываютъ ихъ рѣдкою гребенкой. Такое расчесываніе нужно дѣлать съ полною осторожностію, стараясь не рвать волосъ, самую же операцію эту производить какъ можно рѣже. По нашему мнѣнію, несравненно лучше заставлять конюховъ вмѣсто чесанія хвоста, разминать его, такъ какъ и рѣпицу*), разъ въ недѣлю тепловатою водою съ зеленымъ мыломъ. Отъ такой промывки усиливается ростъ волосъ и они получаютъ красивый глянецъ.

Когда чистка будетъ окончена, конюхъ оправляетъ въ денникъ постилку, перетрясаетъ солому и отбрасываетъ калъ въ одинъ уголъ, въ который не кладется кормъ, а сухую солому подбиваетъ къ тому мѣсту, на которомъ лошадь имѣетъ привычку лежать. Затѣмъ, намочивъ суконку, онъ выжимаетъ ее почти досуха и обтираетъ ею глаза лошади, ноздри, половыя части, безволосую часть рѣпицы (основаніе хвоста снизу), всѣ ноги и въ особенности на сгибахъ и подъ щеткою. Это обтираніе лучше производить послѣ того, какъ будетъ перетрясена солома, на томъ основаніи, что если послѣ него станутъ дѣлать это, тогда пыль опять насядетъ на лошадь и, прилипнувъ къ влажной шерсти, останется на ней до слѣдующей чистки. Если послѣ гонки въ манежѣ будетъ замѣчено, что пыль насѣла на глаза и попала въ ноздри, тогда надо обтереть эти мѣста сырой губкой. Если, послѣ чистки щеткой и скребницей, конюхъ замѣтитъ, что лошадь отчистилась плохо и что на ней осталось много пыли, въ такомъ случаѣ ему слѣдуетъ намо-

*) Стержень хвоста. Н. Т.

чить горсть соломы, свить изъ нея жгутъ и протирать имъ лошадей. Къ такому сырому жгуту пристаётъ одинаково хорошо какъ пыль, такъ и шерсть, когда она лѣзетъ изъ лошади. Хорошо также въ то время, когда лѣзетъ шерсть, водить слегка по ворсу и противъ ворса кусочкомъ новаго кирпича; при такой чисткѣ извлекается отставшая отъ кожи шерсть, а пыль, равно какъ и другія нечистоты, сходящія съ кожи лошади, вбиваются въ неровности кирпича. Кирпичи слѣдуетъ прочищать, какъ скоро шероховатость ихъ сгладится отъ насѣвшей на нихъ пыли.

По окончаніи чистки, конюхъ выбираетъ крючкомъ изъ подковы и копытъ набившійся навозъ и кладетъ на низъ съ внутренней стороны, въ срединѣ подковы глину, смѣшанную съ коровьимъ пометомъ и разведенную уксусомъ или кислымъ квасомъ, что вынимаетъ жаръ изъ копытъ и смягчитъ ихъ. Съ наружной же стороны смазываетъ копыта ворвянымъ саломъ, копытною мазью или глицериномъ; такая смазка хорошо дѣйствуетъ на роженіе копытъ и дѣлаетъ ихъ болѣе красивыми и изящными на видъ.

Исполнивъ все это, конюхъ спускаетъ лошадь съ развязокъ, ласкаетъ ее, поправляетъ чолку и даетъ небольшой клокъ сѣна, занявшись которымъ, лошадь не будетъ кататься по деннику; если же послѣ чистки ее нужно напоить, то конюхъ сначала даетъ ей воды, а потомъ уже клокъ сѣна.

О служащихъ при конномъ заводѣ.

Дѣло коневодства, какъ всякому извѣстно, есть дѣло довольно сложное, а потому при каждомъ конномъ заводѣ всегда находится болѣе или менѣе значительный штатъ служащихъ разнаго рода, начиная отъ смотрителя завода и кончая конюхами. Каждому изъ этихъ служащихъ поручается какая-либо часть этого дѣла, а потому между ними должны соблюдаться полнѣйшее согласіе и взаимная помощь другъ другу какъ словомъ, такъ и дѣломъ, чтобы всѣ ввѣренныя имъ надзору, труду и наблюденію отдѣльныя части коневодства составляли всегда стройное цѣлое. Въ виду весьма

важнаго значенія, какое имѣетъ составъ служащихъ при конномъ заводѣ на его преуспѣваніе, считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о выборѣ людей для завода и руководствѣ ими.

Въ послѣднее время перѣдко приходится слышать отъ владѣльцевъ заводовъ и охотниковъ жалобы на недостатокъ людей, понимающихъ дѣло, и такимъ недостаткомъ въ нихъ они даже часто оправдываютъ сравнительный упадокъ нашего коннозаводства. *Нѣтъ людей*,—говорятъ они,—*дайте людей*; а люди, готовые служить дѣлу и исполнѣе понимающіе его, кричатъ въ свою очередь: *нѣтъ дѣла*,—*дайте дѣла*. Какимъ же образомъ нужно объяснить это взаимное ненахожденіе—хозяевами служащихъ, а служащими хозяевъ? Объясняется это, какъ намъ кажется, излишнимъ пренебреженіемъ хозяевъ къ людямъ, находящимся безъ мѣста, и нежеланіемъ хорошенько разспросить и узнать ихъ. Какъ только является къ хозяину человѣкъ, ищущій мѣста, то перваго начинаетъ неотвязно преслѣдовать слѣдующее соображеніе: „почему этотъ человѣкъ ходитъ просить мѣста и не живетъ гдѣ-нибудь? Мнѣ нужно человѣка дѣлающаго дѣло, а не ходящаго безъ него и предлагающаго свои услуги“. Въ силу этого соображенія, онъ говоритъ приходшему, что ему нуженъ человѣкъ въ другомъ родѣ, и отпускаетъ его *искать дѣла*, а самъ начинаетъ опять *искать людей*. Ясно, что если хозяинъ завода считаетъ дѣльными людьми только тѣхъ, которые служатъ гдѣ-нибудь въ данное время, то ему не скоро придется ихъ найти; а если онъ и сманитъ кого-нибудь, то навѣрное сманитъ тѣмъ, что дастъ болѣе значительное жалованье, чѣмъ бы онъ далъ приходившему къ нему, незнающему дѣломъ, человѣку. Люди же ищущіе мѣстъ, когда, наконецъ, находятъ какое-нибудь и имъ предлагаютъ его занять, начинаютъ въ свою очередь раздумывать: „какъ я поступлю на это мѣсто, когда такой-то тутъ жилъ, да не сошелся съ хозяиномъ, такому-то отказали, да и сейчасъ никто нейдетъ,—ужь еслибъ было хорошее мѣсто, то давно бы заняли“, и т. д. Къ этому еще прибавляется недовольство порядками, строгостью житія, невысокимъ жалованьемъ, отсутствіемъ подарковъ и т. п. мелочами, въ концѣ концовъ побуждающими его отказаться отъ поступленія на это мѣсто. Онъ долго не хочетъ попробовать пожить нѣсколько времени у этого хозяина, чтобы *посмотрѣть*, какъ говорится, *его да и себя пока-*

затѣ. А можетъ-быть они сошлись бы отлично, и тогда поступившій на мѣсто смотритель или наѣздникъ порекомендовалъ бы хозяину другіе порядки, если прежніе были плохи, отдался бы съ любовью дѣлу и постарался бы поставить его на хорошую ногу. Быть-можетъ и хозяинъ сошелся бы съ нимъ и оцѣнилъ его по достоинству,—*попытка не шутка*, тогда и жалованье могъ бы увеличить, и подарками наградить; да еслибы, послѣ всѣхъ трудовъ, этого и не случилось, все-таки раскayваться нечего,—по крайней мѣрѣ совѣсть будетъ чиста, что дѣло исполнилъ по чести, да и больше узналъ его, равно какъ и тѣхъ, для кого старался. Кажется, въ самомъ дѣлѣ, отчего бы не попробовать поступить?.. А предубѣжденіе-то?—оно, вѣдь, важнѣе всего.... Многимъ изъ читателей, быть-можетъ, ссылка на такіа предубѣжденія покажется невѣроятной или преувеличенной; но мы положительно увѣрены, что они во многомъ мѣшаютъ дѣлу коннозаводства, и мы говоримъ это на основаніи многочисленныхъ фактовъ и примѣровъ *).

Наконецъ, послѣ долгаго исканія, хозяинъ находитъ служащаго, а служащій—хозяина и мѣсто. Хозяинъ немедленно, по поступленіи новаго завѣдующаго своимъ заводомъ, долженъ объяснить ему всѣ порядки, у него принятые, также какъ и свои взгляды на дѣло и свои цѣли. Затѣмъ онъ показываетъ ему заводъ, знакомитъ со служащими и сдаетъ все на руки. Затѣмъ, въ послѣдующіе дни, предоставивъ новому управляющему нѣкоторую свободу или хоть развязность въ дѣйствіяхъ, хозяинъ долженъ тщательно слѣдить за нимъ и взвѣсить его способности. Если хозяинъ найдетъ этого человѣка подходящимъ для дѣла и пожелаетъ высказать ему свои дальнѣйшія замѣчанія или въ чемъ-нибудь поправить его, въ такомъ случаѣ несравненно лучше, если онъ выскажетъ то, что нужно, не въ формѣ безусловнаго приказа, чтобы чрезъ это не отнять у управляющаго заводомъ возможности высказать и свой взглядъ. Такой обоюдный обмѣнъ воззрѣній въ дѣлѣ, въ высшей степени сложномъ, не нарушаетъ почтительности служащаго къ хозяину, а служить только поводомъ для взаимнаго стремленія къ улучшенію

*) Понятно, что мы говоримъ все это про служащихъ, такъ-сказать, 1-го разга, т. е. про лицъ, которыхъ владѣлецъ намѣренъ сдѣлать своими помощниками по управленію заводомъ и которымъ онъ могъ бы поручить самостоятельное управленіе имъ въ какомъ-нибудь случаѣ.
Н. Т.

завода. При такихъ отношеніяхъ дѣло идетъ гораздо успѣшнѣе и веселѣе, а потому и достигаетъ блестящихъ результатовъ; а если хозяинъ будетъ отдавать одни безирекословныя повелѣнія, тогда все будетъ дѣлаться исключительно только для показа и для на-ружнаго лоска. Вообще *излишняя* взыскательность со стороны владѣльца, безъ всякаго снисхожденія къ ошибкамъ и промахамъ служащихъ, отзовется на дѣлѣ скорѣе вредно, чѣмъ полезно, потому что приучитъ служащихъ къ большей скрытности. Притомъ снисходительный коннозаводчикъ всегда лучше знаетъ состояніе хода дѣла на своемъ заводѣ, какъ съ лицевой, такъ и съ изнаночной стороны, нежели черезчуръ взыскательный, передъ которымъ всѣ стараются показать въ полномъ блескѣ одного только *орла*, а *рѣшетку* зажать какъ можно лучше пальцемъ.—Служащіе же, съ своей, стороны всѣми мѣрами должны стараться поддержать хорошее съ ними обращеніе хозяина и не обращать его во зло, перешагнувъ ту ступень, которая неминуемо должна отдѣлять хозяина отъ служащаго. Всѣ они—отъ смотрителя до конюха—должны употреблять всѣ усилія, чтобы дѣло шло возможно лучше и правильнѣе,—словомъ, такъ, чтобы доставляло хозяину удовольствіе и увлекало его, а не наталкивало на каждомъ шагу на непріятности всякаго рода, наприм., хоть нижеслѣдующую.

На всемірной выставкѣ въ Вѣнѣ нашъ русскій рысакъ *Грозный*, имѣя всѣ шансы взять призъ и тѣмъ поддержать передъ глазами Европы славу нашего орловскаго рысака, не взялъ этого приза единственно только потому, что ѣхавшій на немъ наѣздникъ не выдержалъ и напился пьянъ. Если принять во вниманіе, сколько хлопотъ было сопряжено съ подготовкой этой лошади ко всемірному призу, съ ея отправкой въ Вѣну и т. д., то можно судить о горѣ и разочарованіи владѣльца лошади, потерявшей призъ не потому, чтобы выиграть его было ей не подъ силу, а потому только, что наѣздникъ вздумалъ вспрыскивать призъ ранѣе того, чѣмъ онъ его взялъ. Одно или два такихъ разочарованія—и прощай охота.

Г. Гишпаторъ очень вѣрно замѣтилъ въ своей книгѣ, что послѣ такого казуса никто не станетъ держать этого напившагося не во-время наѣздника, а тѣмъ болѣе владѣлецъ *Грознаго*. Но мы не согласны съ дальнѣйшими разсужденіями г. Гишпаторъ-

ва, помещенными въ той же статьѣ „О наѣздникѣ и конюхахъ“, гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: обязанность каждаго коннозаводчика на первое время—показать, что дѣлать; если онъ училъ гонять лошадей на кордѣ, *то почему же не поучить (наѣздника), какъ выпъзжать лошадь и какъ пролетѣть на бѣгу?*— Намъ кажется, что не много найдется охотниковъ, которые могли бы учить наѣздника и тому, какъ гонять на кордѣ, и какъ ѣхать на бѣгу, такъ какъ настоящій наѣздникъ въ этомъ, во-первыхъ, не долженъ нуждаться, а во-вторыхъ и понимаетъ по своей практикѣ гораздо больше рекомендуемыхъ ему г. Гиппіатровымъ учителей. За каждымъ изъ служащихъ должна быть непременно сохранена свобода дѣйствій по ихъ специальностямъ, а хозяину должны принадлежать только общій надзоръ надъ всѣми и за всѣмъ; если же онъ будетъ заниматься *обученіемъ* всѣхъ уже учившихся (неучившагося наѣздника не стоитъ и брать), въ такомъ случаѣ, по справедливой русской пословицѣ, будетъ ихъ только портить, а главное—неминуемо всѣхъ перенукаетъ. Если же владѣлецъ начнетъ готовить подъ своимъ руководствомъ какого-нибудь конюха или кучера въ наѣздники, то это будетъ только напрасный и мѣшкательный трудъ, никогда не могущій дать хорошихъ результатовъ.

Да, наконецъ, если на всей Руси и найдется 5—6 владѣльцевъ, основательно знающихъ и понимающихъ призовую ѣзду, то рождается вопросъ: хватить ли у нихъ умѣнья, терпѣнія и, главное, времени преподавать эту ѣзду неучу? По всей вѣроятности, кромѣ коневодства у нихъ есть и другія дѣла; да хоть бы ихъ и не было, то и тогда владѣлецъ принесетъ несравненно больше пользы своему заводу, если онъ свободное время посвятитъ не обученію доморожденных наѣздниковъ, а надзору за правильнымъ и сообразнымъ скрещиваніемъ лошадей, пополненію завода матками, выбору хорошихъ производителей и т. п. серьезнымъ и лично отъ него и его средствъ зависящимъ дѣламъ.

Какъ примѣръ пониманія владѣльцами призовой ѣзды и ихъ искусства въ этомъ дѣлѣ, г. Гиппіатровъ указываетъ на гг. Энгельгардта и Щедрова и говоритъ, что прошлой зимой (1874 г.) *они намъ показали, какъ надо ѣздить на рысакахъ*. Мы лично видѣли эту ѣзду и, положивъ руку на сердце, говоримъ, что не нашли въ ней ровно ничего особеннаго и блестящаго. Проѣхали эти лю-

бители недурно—вотъ и все, и при томъ проѣхали на приготовленныхъ для нихъ наѣздниками же лошадяхъ. Мы рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ изъ одного только неопровержимаго факта, что гг. Энгельгардтъ и Щедровъ, поѣхавъ послѣ звонка отъ призоваго столба, сдѣлали три круга, послѣ чего благополучно вернулись опять къ столбу,—г. Гиппіатровъ могъ вывести заключеніе о томъ, что хозяева ѣздятъ лучше специалистовъ-наѣздниковъ, а слѣдовательно и должны учить ихъ?... Да позволено намъ будетъ замѣтить г. Гиппіатрову, что хорошо проѣхать одинъ разъ можно, вѣдь, и случайно, а случайно научить другаго ѣздѣ невозможно, такъ какъ тутъ нужны и знаніе, и практика. Кромѣ того, не столь важно проѣхать на призѣ на готовой лошади, сколько важно умѣть выпъздить лошадь и подготовить ее на призѣ; а могутъ ли это сдѣлать гг. Энгельгардтъ, Щедровъ и всѣ другіе російскіе любители—это вопросъ не разрѣшенный и самимъ г. Гиппіатровымъ. Наконецъ, предположимъ, что нѣкоторые владѣльцы умѣютъ выпъзжать лошадей; но тутъ опять-таки вопросъ—могутъ ли они быть истолкователями этого искусства другимъ, невѣжественнымъ людямъ. Но г. Гиппіатровъ идетъ далѣе и кромѣ учителей-находить для наѣздниковъ и учительницъ. Въ примѣчаніи къ вышеприведенной статьѣ онъ упоминаетъ о г-жѣ Масловой, ѣхавшей въ Саратовъ на лошади *Принцъ-Летунъ* и выигравшей серебряный чайный сервизъ. Отдадимъ и мы, въ свою очередь, полную справедливость г-жѣ Масловой за этотъ небывалый подвигъ, но пожелаемъ ей на будущее время ѣздить на своихъ лошадяхъ съ большею рѣзвостью: быстрота, съ которою былъ выигранъ этотъ призъ (3 версты—въ 6 минутъ 32 секунды), такая, съ какой въ настоящее время могутъ ѣздить развѣ только благородные ѣздоки *), а наѣздники-специалисты возмущаются проѣхать такую дистанцію и во столько времени—сидя на дрожкахъ спиною къ лошади.

Вообще, г. Гиппіатровъ за что-то очень сердитъ на наѣздниковъ и доказываетъ даже, что такимъ *сиволапымъ пентюхамъ* очень достаточно 150 р. жалованья въ годъ. Слушаемъ, но не

*) Хвала ѣзду гг. Энгельгардта и Щедрова, г. Гиппіатровъ не упомянулъ, съ какой быстротой они проѣхали,—должно-быть, не много шибче г-жи Масловой.

внемлемъ. Неужели, г. Гиппіатровъ, коннозаводчикъ, положившій столько трудовъ и денегъ на устройство завода, перенесшій столько беспокойствъ и непріятностей, неразрывно связанныхъ съ хлопотами по формированію такого сложнаго дѣла, и, въ концѣ концовъ, благополучно устроивъ все,—долженъ думать о томъ, какъ бы сберечь копѣйки, когда онъ не жалѣлъ рублей,—словомъ, начать, по поговоркѣ, *шиломъ нагрѣвать море*? Неужели коннозаводчикъ рѣшится не имѣть при заводѣ настоящаго наѣздника изъ-за какихъ-нибудь лишнихъ 500 руб. жалованья въ годъ и захочетъ вѣбритъ свой драгоценный разсадникъ, рекомендуемому г. Гиппіатовымъ, сиволапому мужику съ сто-пятидесяти-рублевымъ годовымъ окладомъ жалованья?—Г. Гиппіатровъ можетъ намъ возразить, что за 150 р. въ годъ можно найти наѣздника (какого—это вопросъ),—это мы знаемъ, также какъ и всѣ коннозаводчики; но, признаемся, мы мало знаемъ такихъ наѣздниковъ, которымъ бы не жалко было заплатить 150 руб. въ мѣсяцъ: вотъ такихъ-то много ли у насъ, г. Гиппіатровъ, и если вы знаете ихъ, то не откажитесь назвать; тогда, если мнѣніе ваше относительно ихъ достоинствъ оправдается на дѣлѣ, повѣрьте, что всѣхъ рекомендованныхъ вами наѣздниковъ возьмутъ на-расхватъ на такое жалованье, да и вамъ-то скажутъ искреннее спасибо за указаніе на такихъ людей.

Мы знаемъ нѣсколько коннозаводчиковъ и охотниковъ, которые дѣйствительно понимаютъ превосходно дѣло и знаютъ въ немъ толкъ; но мы не знаемъ примѣра, чтобъ эти люди сами выучивали наѣздниковъ для своего завода. Правда, что, въ интересахъ дѣла, они даютъ свои, всегда вѣскія и заслуживающія полнаго уваженія, указанія какъ наѣздникамъ своимъ, такъ и зрителямъ заводовъ, но всѣ эти указанія попадаютъ на очень благодарную почву, такъ какъ дѣлаются людямъ также понимающимъ дѣло, а слѣдовательно и способнымъ ихъ оцѣнить. У служащихъ не отнимается даже права мыслить и взвѣшивать эти указанія и, въ интересахъ дѣла, представлять на нихъ возраженія, для того чтобъ общими силами возможно-правильнѣе разработать возникшій вопросъ, который равно занимаетъ служащихъ и хозяина и который вызвалъ эти указанія со стороны послѣдняго. Такія отношенія служатъ лучшимъ залогомъ для преуспѣянія столь сложнаго дѣла и, отнюдь не на-

рушая почтительности служащихъ къ хозяину, дѣлаютъ ихъ людьми вполне преданными какъ ему лично, такъ и его интересамъ.

Страсть къ коннозаводству и къ лошадямъ вообще есть одна изъ широкихъ страстей, столь свойственныхъ натурѣ русскаго человѣка, и, заражаясь иногда при незначительныхъ обстоятельствахъ, при незначительномъ толкѣ и поводѣ, ова развивается въ послѣдствіи въ сердцѣ охотника почти до болѣзненной потребности. Коль скоро появилась въ человѣкѣ подобная страсть, то, само собой разумѣется, должны вмѣстѣ съ нею появиться мысли и объ ея осуществленіи, а далѣе—желаніе осуществить ее какъ можно лучше. Подобное желаніе должно быть основою всего дѣла, такъ какъ составляетъ (разумѣется, при достаточности средствъ) самый лучший для него фундаментъ. Безъ всякаго упованія на различныя случайности, на единичные примѣры, охотникъ долженъ задаться и руководствоваться при началіи дѣла однимъ справедливымъ правиломъ: *жить только то, что имъ поспѣяно*, и не предполагать, что, въ силу какой-либо случайности и ухода, изъ поспѣяннаго имъ лука вырастутъ ананасы и что отъ плохихъ производителей родятся хорошія лошади. Поэтому, желая открыть заводъ и въ послѣдствіи получать отъ него и выгоды, и удовольствіе, охотникъ прежде всего долженъ, разумѣется, сообразить, хватитъ ли у него средствъ на это дѣло: если окажется въ нихъ недостатокъ, такъ лучше и не начинать; если же окажется достатокъ, то не надо уже жалѣть ни на покупку производителей, ни на устройство завода и наемъ служащихъ при немъ. При этомъ открывающій заводъ никакъ не долженъ разсчитывать на быстрый возвратъ хоть части капитала, такъ какъ при погонѣ за этими копѣйками легко можно потерять потраченные рубли и испортить дѣло, а лучше пусть онъ прежде будетъ считать и записывать одни только расходы, а о приходахъ думать подождетъ, и тогда приходы эти не замедлятъ явиться сами собою, своимъ чередомъ.

Вотъ если всю, изложенную здѣсь съ полнымъ безпристрастіемъ, теорію начинающій владѣлецъ пожелаетъ примѣнить на практикѣ и, открывая заводъ, купить въ производители дѣйствительно хорошихъ лошадей, отъ которыхъ будутъ благополучно подростать дѣти, тогда, любуясь на нихъ, онъ и самъ скоро сознаетъ, что его заводу не достаетъ чего-то. Чего же именно? — Человѣка, ко-

торомъ бы можно поручить уходъ за молодыми лошадьми, ихъ выдержку и выѣзку, а въ случаѣ благоприятныхъ условій и подготовку къ приѣзду. — Что же, г. Гивпіатовъ, по-вашему воскликнетъ владѣлецъ въ ту минуту, когда онъ додумается до этой настоятельной потребности въ подходящемъ человѣкѣ: *дайте мнѣ за 150 р. в годъ сиволанаго мужика, я ему ввѣрю все и доучу его, или: дайте мнѣ понимающаго и способнаго человека, которому я готовъ заплатить какое онъ самъ захочетъ жалованье, лишь бы только поддержалъ мое дѣло и лишь бы оно не рухнулось?* Полагая, что послѣднее восклицаніе скорѣе сорвется съ устъ охотника.

Для желающихъ ближе ознакомиться съ дѣломъ устройства коннаго завода и со средствами достигнуть лучшихъ результатовъ, — расскажемъ здѣсь въ краткихъ словахъ исторію одного изъ образцовыхъ, какъ по своему порядку, такъ и по разсаднику заводовъ — завода покойнаго М. С. Мазурина, нынѣ въ полномъ составѣ перешедшаго къ П. Г. Миндовскому. Къ устройству своего завода, какъ было можно предположить, Митрофанъ Сергѣевичъ приступилъ съ полною любовью, что называется „по охотѣ“, и не считалъ ни на какіе барыши, которые могло сулить ему это дѣло развѣ только въ далекомъ будущемъ. Въ первые три года по основаніи завода г. Мазуринъ только и заботился о томъ, чтобы узнать, не продаются ли гдѣ хорошія матки или знаменитые, достойные производители, и, найдя ихъ, приобрѣталъ, не страшась цѣны, только бы было за что ее дать. Конечно, все это стоило немало денегъ, но г. Мазуринъ, видя, что тратитъ ихъ на дѣло столь полезное и столь пріятное ему, и зная, что безъ затратъ оно и идти правильно не можетъ, — не жалѣлъ десятковъ тысячъ для того, чтобы основать его на самомъ прочномъ фундаментѣ. Что же вышло изъ того, что онъ въ первое время все только расходовалъ деньги и не старался какъ можно скорѣе вернуть затраченное? — А вышло то, что заводъ его въ самомъ скоромъ времени имѣлъ и отличныхъ матокъ, и знаменитыхъ производителей, — словомъ, сформировался вполне прочно, какъ нельзя лучше, и далъ питомцевъ, которые прославились не въ одной только Москвѣ, но и въ Европѣ, да и въ матеріальномъ-то отношеніи заводъ въ послѣдствіи давалъ барышъ, а не убытокъ, и начинаетъ отдавать затраченный на него капиталъ.

Всѣмъ, конечно, болѣе или менѣе извѣстны питомцы завода М. С. Мазурина, не разъ покрывшіе славой себя и заводъ, на ипподромахъ обѣихъ столицъ, поэтому мы не станемъ перечислять ихъ здѣсь и указывать на болѣе знаменитыхъ изъ нихъ, равно какъ и не станемъ распространяться о продажѣ лошадей г. Мазуринымъ внутри Россіи, такъ какъ всякій, кто имѣетъ лошадей его завода или видѣлъ ихъ, вполне безпристрастно сознаетъ ихъ превосходныя качества и красоту. Но г. Мазуринъ не удовольствовался внутреннимъ сбытомъ своихъ лошадей, а задался мыслию — положить починъ для сбыта ихъ и за границу. Сознывая вполне пользу для русскихъ *) коннозаводчиковъ отъ открытія подобной торговли, Митрофанъ Сергѣевичъ не пожалѣлъ съ своей стороны никакихъ трудовъ и издержекъ для правильного и лучшаго осуществленія этой полезной идеи. Прежде всего надо было показать въ лучшемъ свѣтѣ этотъ нашъ живой товаръ предъ лицомъ всей заграничной публики, поэтому г. Мазуринъ послалъ своихъ лошадей на 1-ю всемірную выставку въ Парижѣ, гдѣ ихъ могла видѣть вся Европа, и продалъ императору Наполеону III. Затѣмъ, мало-по-малу, упрочилась и продажа его лошадей въ Парижѣ. На всемірной выставкѣ въ Вѣнѣ, когда *Грозный* потерпѣлъ фіаско по милости пьянаго наѣздника и когда репутація російскаго рысака могла отъ этого пострадать во мнѣніи заграничной публики, — лошади завода М. С. Мазурина: жеребецъ *Серьезный* и *Краса*, самымъ блистательнымъ образомъ спасли эту репутацію и быстрою своего бѣга, также какъ и красотою привели въ восторгъ европейцевъ. Кто же изъ насъ, русскихъ, не скажетъ искренняго спасибо почтенному охотнику М. С. Мазурину за эту поддержку славы нашего орловскаго рысака, такъ какъ безъ его лошадей неудача *Грознаго* могла бы, повторяемъ, сильно уронить во мнѣніи иностранной публики славу русскихъ лошадей?!

*) Многие находятъ продажу нашихъ лошадей за границу дѣломъ вреднымъ для нашего коннозаводства. Вѣрно или нѣтъ подобное предположеніе — предоставляемъ рѣшить будущему. Но дѣло въ томъ, что сбытъ рысистыхъ лошадей внутри Россіи далеко не обезпеченъ, и въ послѣдніе годы у насъ замѣчается такой упадокъ на нихъ цѣны, который лишаетъ возможности владѣльцевъ вознаграждать тѣ убытки, съ которыми сопряжено воспитаніе лошади. Поневоѣ приходится прокладывать новые пути для болѣе вѣрнаго сбыта. Н. Т.

Посрамившій *Грознаго* наѣздникъ, Семенъ Терентьевъ Герасевъ, жилъ за нѣсколько времени передъ этимъ печальнымъ происшествіемъ довольно долго у М. С. Мазурина и бралъ на его лошадахъ неоднократно призы какъ въ Москвѣ, такъ и въ С.-Петербурѣ, и мы не знаемъ примѣра, чтобъ онъ когда-нибудь позволилъ себѣ выѣхать въ нетрезвомъ видѣ на лошади г. Мазурина. А не случалось этого потому, что вмѣстѣ съ хорошимъ устройствомъ своего завода относительно производителей г. Мазуринъ позаботился ввѣрить управленіе имъ не „сиволапымъ пептюхамъ“, а людямъ, понимающимъ въ этомъ дѣлѣ толкъ, умѣющимъ за всѣмъ и за всѣми присмотрѣть и внушить къ себѣ уваженіе. Такъ, напр., отправивъ на состязаніе въ Вѣну *Серьезнаго* и *Красу*, г. Мазуринъ поручилъ надзоръ за ними главному управляющему своимъ заводомъ, Митрофану Илларионовичу Крылову, подъ надзоромъ котораго былъ уже разъ отправляемъ г. Боткинымъ на 1-ю Парижскую выставку знаменитый рысакъ *Бедуинъ*. Этотъ рысакъ не только не посрамилъ въ Парижѣ славы русскихъ лошадей, но и увеличилъ ее, пройдя дистанцію съ такою быстротой, въ которой (если считать по секундомеру) уступила ему даже знаменитая американская кобыла *Флора Тэмплъ*. Ѣхавшій на *Бедуинъ* наѣздникъ Ефимъ Ивановъ также оказался въ своемъ видѣ и много способствовалъ своимъ искуснымъ управленіемъ тому, что *Бедуинъ* пришелъ съ такою рѣзвостью. Вотъ что значить правильный и опытный надзоръ за людьми, — будь и наѣздникъ, Ѣхавшій на *Грозномъ*, подъ такимъ же присмотромъ, тогда ничего подобнаго не могло бы выйти, такъ какъ ѣздилъ же онъ у г. Мазурина на московскіе и петербургскіе призы всегда трезвый и не позволялъ себѣ, быть-можетъ, и подумать о томъ, чтобы напиться въ такія минуты.

Итакъ, вотъ какими прочными и фундаментальными рекомендаціями озаботился обставить Митрофанъ Сергѣевичъ начало торговли съ заграницей русскими рысакими, а потому и не мудрено, если она получила въ послѣдствіи и продолжаетъ получать все большее и большее развитіе, такъ что современемъ обѣщаетъ сдѣлаться одной изъ видныхъ отраслей вывозной торговли Россіи. А сколько хлопотъ и трудовъ было положено при отправкѣ изъ Россіи первыхъ транспортовъ съ этимъ живымъ товаромъ! Да и кромѣ того, непривычка людей къ обращенію съ посылаемыми въ столь

далекое путешествіе лошадьми; неизвѣстность относительно того, какъ, во время путешествія и по прибытіи на мѣсто, подѣйствуютъ на лошадей иной климатъ, иная вода и другія условія, связанные съ этой переменой; неизвѣстность относительно вкуса французской публики и ея требованій, — все это могло бы, кажется, остановить всякаго отъ подобнаго предпріятія. Но М. С. Мазуринъ, видя пользу для нашихъ коннозаводчиковъ, могущую произойти отъ сбыта лошадей за границу, рѣшился во что бы то ни стало сдѣлать начинъ этому дѣлу и предпочелъ идти на рискъ. Конечно, съ отправкой всякой новой партіи рискъ этотъ все болѣе и болѣе уменьшался: климатъ и вода не произвели пагубнаго дѣйствія, люди привыкли къ обращенію съ лошадьми, требованія и вкусы французской публики выяснились все болѣе и болѣе, такъ что явилась возможность усилить отправку. Послѣ новыхъ лавровъ, пожатыхъ лошадьми М. С. Мазурина на всемірной выставкѣ въ Парижѣ въ 1878 году, и взятія ими всѣхъ главныхъ призовъ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что парижане, и европейцы вообще, еще болѣе оцѣнятъ достоинства русскихъ рысаковъ и станутъ покупать ихъ еще съ большей охотой.

Лошади М. С. Мазурина, столь блистательно взявшія призы на Парижской выставкѣ, также находились тамъ подъ наблюденіемъ М. И. Крылова, который, въ качествѣ главного управляющаго заводомъ, завѣдуетъ не одной только отправкой за границу, но занимается продажей ихъ и въ Россіи. На послѣднемъ поприщѣ онъ заслужилъ себѣ почтенную извѣстность своею добросовѣстностью и знаніемъ дѣла, такъ что нѣкоторые иногородные охотники покупаютъ съ уявляемаго имъ завода лошадей за-глаза, указывая только въ своихъ письменныхъ требованіяхъ на то, какой сортъ лошадей для нихъ требуется и для какого назначенія. Соображаясь съ требованіями покупателя, г. Крыловъ дѣлаетъ выборъ изъ болѣе подходящихъ къ условіямъ и цѣнѣ лошадей и, какъ знатокъ этого дѣла, постоянно умѣетъ угодить вкусу покупателя, вслѣдствіе чего и заслуживаетъ отъ него на будущее время полное довѣріе.

Пожелаемъ же дальнѣйшаго процвѣтанія заводу М. С. Мазурина, перешедшаго нынѣ въ собственность не менѣе страстнаго любителя, П. Г. Миндовскаго, — и возможно большаго развитія торговли

его питомцами, какъ внутри Россіи, такъ и за границей. Пожелаемъ также, чтобъ у насъ, на Руси, какъ можно болѣе размножались такихъ разсадниковъ чистокровныхъ орловскихъ рысаковъ и чтобы драгоцѣнный типъ породы, завѣщанной намъ геніемъ графа Орлова, не стерся съ лица земли Русской ни во вѣки вѣковъ.

Послѣ проѣздки за чайкомъ.

Трактиры, находящіеся на Прѣснѣ, служатъ обыкновеннымъ мѣстомъ сбора, въ часы отдохновенія, какъ для наѣздниковъ, такъ и для всѣхъ причастныхъ къ бѣговому дѣлу. Это происходитъ, разумѣется, благодаря тому, что на Прѣсенскихъ улицахъ снимаются по большей части конюшни для призовыхъ лошадей. Въ этихъ трактирахъ можно наслушаться всякой всячинки про призовое дѣло и узнать всѣ новости, а подѣ-часъ даже и тайны. Приведемъ одинъ изъ подобныхъ разговоровъ, который, какъ надѣмся, хотя отчасти пригодится нашимъ читателямъ и предостережетъ ихъ относительно нѣкоторыхъ вещей.

За чайкомъ „съ угрызеньемъ“ сидятъ для „времени провожденія“ трое наѣздниковъ, какъ оказывается, только-что окончившихъ проѣзду лошадей, и ведутъ между собою слѣдующій разговоръ.

Первый (*обращаясь ко второму*). — Ну, что вашъ *Внтрономъ*? Вы, кажется, хотѣли записать его и надѣялись, что онъ будетъ ѣхать не тише своихъ одногродковъ?

Второй. — Время еще не пришло, — успѣемъ записать и по третьему сроку, а къ тому времени онъ скинетъ еще нѣсколько секундъ. Хозяинъ не пожалѣетъ заплатить излишекъ за просрочку, лишь бы только поѣхалъ.

Третій (*обращаясь къ первому*). — Они хотѣли записать его тогда, когда еще не видали, какъ ѣдутъ одногродки; а какъ посмотрѣли, такъ имъ послѣ этого и стало нездоровиться съ *Внтрономъ*-то, — желудкомъ должно-быть поразстроились.

Второй (*обращаясь къ третьему*). — Ужь не вы ли напугали? Видѣлъ, вѣдь, я, какъ ты прошлой-то зимой на своей *Невидимкѣ*

отличался... Даромъ-что все хвостомъ вертѣла, точно ее въ пятнадцати-градусный морозъ мухи кусали, а все-таки тише другихъ пришла.

Третій. — Удивительное, братцы, дѣло, отчего это стихла наша *Невидимка*! Когда мы покупали ее на заводѣ, такъ, вѣдь, она тамъ безъ 7-ми приходила, да еще осенью, въ дрожкахъ, по тяжелой дорогѣ.

Первый. — Да, вѣдь, здѣсь-то, въ кругу 500 саж., а въ заводѣ верста-то была поменьше — въ 450. Не васъ однихъ такъ проводили. Приѣдутъ покупатели на призовыхъ лошадей, — ну, и требуютъ, чтобы прикинули лошадей. Вотъ имъ и пустятъ пылъ въ глаза, проѣдутъ свою версту-то любехонько, а на московской-то верстѣ какъ прикинетъ ее купившій — и выйдетъ, что та же лошадь, да верста-то не та, — вѣдь, 50 саж. что-нибудь значать, надо ихъ пробѣжать, — ну, и стихла. Знаемъ мы эти проѣлки-то!...

Третій. — Насъ увѣрили, что вѣрная верста.

Продолженію этого разговора помѣшало появленіе какого-то довольно хорошо одѣтаго господина, который, проходя мимо разговаривавшихъ, поздоровался съ ними на ходу.

Первый (*въ слѣдъ ему*). — Вы вчера, кажется, прикинули свою лошадку?

Господинъ (*скороговоркой, не останавливаясь*). — Первую съ приѣма безъ 6-ти, 2-ю безъ 13-ти. (*Уходитъ въ другую комнату*).

Первый (*къ собесѣдникамъ*). — Стало-быть, двѣ версты безъ 19-ти; да если третью положить, какъ вторую, безъ 13-ти, такъ выйдетъ безъ 32-хъ.

Второй. — Жаль только, что онъ не сказалъ, во сколько минутъ безъ 19-ти-то секундъ прошла его лошадь двѣ версты, — не въ пять ли вмѣсто четырехъ?

Третій. — Я и самъ такъ полагаю, потому что его лошади и маршъ-маршемъ-то дай Богъ проскакать двѣ версты въ 3 м. 41 с. (*Обращаясь къ первому*). — Ну, а ваша-то новопушка рѣзва ли?

Первый. — Не тиха бы, да вотъ бѣда — со сбою не скоро становится; затянули ее, что-ли, — проскакиваетъ, да и баста!

Третій. — Хорошій сбой много значить, да и постановъ съ него также; а коли лошадь протаскиваетъ, то или проскачку запишутъ,

или, если остановишь до 11-ти скачковъ, то сомнешь собой до шагу, и еще хорошо, если только пять секундъ потеряешь.

Второй.—Да вотъ Егору Куркину *) записали проскачку, когда ѣхалъ на *Върномъ* **),—не могъ скоро поставить его со сбоя.

Третій.—Ну, эта-то проскачка на водъ перомъ писанная!

Второй.—Какъ же такъ?

Третій.—Да очень просто: *Върный* сдѣлалъ сбой съ лѣвой ноги, а когда Куркинъ сталъ ставить его на рысь, то и высвободилъ немного другую сторону такъ, что *Върный* перемѣнилъ ногу и сдѣлалъ второй сбой съ правой ноги. Вышло, стало-быть, два сбоя, а *Върному* записали проскачку, такъ какъ въ двухъ этихъ сбояхъ было болѣе 11-ти скачковъ.

Второй.—Стало-быть, членъ-судья ошибся?

Третій.—Видно, что такъ,—за всѣмъ не углядишь. Куркинъ-то какъ лихо ѣхалъ послѣ этого на *Върномъ* на Императорскій призъ—любо было глядѣть!

Второй.—Что и говорить, Куркинъ — ѣздецъ хорошій, изъ первыхъ учениковъ Тихона Петрова вышелъ, да только сбоевъ-то онъ дѣйствительно побаивается, — руки стали слабы; а отчего?—все отъ троичныхъ призовъ. Сколько онъ ихъ побралъ, живши у Колесова и у Кони—и не перечесть!

Третій.—Да, и лошадей молодыхъ не мало выѣздилъ на своемъ вѣку.

Первый.—Охъ, ужъ эти молодые лошади — просто жаль глядѣть на нихъ, бѣдняжекъ, какъ ихъ это безъ поры—безъ времени заѣзжать начинаютъ!

Третій.—А теперь вотъ все почаще стали поговаривать, что надо бросить раннюю заѣздку, для этого даже уничтожить зимніе призы для трехлѣтокъ, а увеличить призы для вполне взрослыхъ лошадей, нигдѣ до этихъ призовъ не бѣжавшихъ.

Первый.—Дай-то Богъ, чтобъ это случилось, тогда бы общество много посодѣйствовало этимъ сохраненію въ надлежащемъ видѣ нашихъ орловскихъ рысаковъ, — тогда не зачѣмъ бы было ихъ и вытягивать въ молодыхъ лѣтахъ.

Поговоривъ еще немного, пріятели разошлись, предварительно поспоривъ между собою о томъ, кто долженъ заплатить за угощеніе.

*) Извѣстный московскій наѣздникъ.

**) Завода г. Охотникова.

Дополненія

КО 2-му ИЗДАНІЮ.

Василій Ивановичъ Коптевъ, въ своей книжкѣ, въ 1874 году, говорить, что всякая теорія есть ничто иное, какъ многовѣковая практика, provato тысячами опытовъ, а не собраніе вымышленныхъ правилъ, взятыхъ изъ воображенія. Между прочимъ, онъ говоритъ: въ Англіи тренировка скаковая лошадей была предметомъ серьезнаго занятія цѣлаго сословія людей, а во Франціи есть также нѣсколько печатныхъ руководствъ о тренированіи. Въ Россіи же наѣздка рысаковъ всегда имѣла и имѣетъ особенное значеніе, потому что русскій рысакъ, совмѣщая въ себѣ условія сильной, изящно-красивой упряжной лошади, отличается еще особенно нарядными движеніями, которыя неправильная и неумѣлая выѣздка можетъ исказить и измѣнить къ худшему.

Особенность нашей наѣздки рысаковъ еще заключается въ томъ, что въ нашей рысистой ѣздѣ никогда не употреблялся бичъ, и врожденная пылкость и благородство крови были единственнымъ побужденіемъ къ достиженію высшей степени рѣзвости.

Выработка же рта рысаковъ искусными наѣздниками регулировала бѣгъ ихъ и побуждала, при блестящихъ и изящныхъ движеніяхъ, достигать той крайней и высшей степени быстроты, какую самыя благородныя лошади по породѣ, т. е. чистокровныя англійскія и арабскія, достигали при помощи кровавыхъ итязаній бичами и глубоко вонзаемыми шпорами.

Первымъ основателемъ школы и наѣздки рысаковъ былъ знаменитый гр. А. Г. Орловъ-Чесменскій, создавшій рысистую орловскую породу и оставившій ее въ наслѣдство русскому коннозаводству. Создавая изъ различныхъ элементовъ восточныхъ и европейскихъ породъ задуманнаго имъ рысака, онъ же самъ слѣдилъ за видоизмѣненіемъ, которое производило слияніе этихъ разнородныхъ элементовъ, и приспособлялъ ихъ къ практическому примѣненію въ рысистую ѣздѣ.

Сохраняя крутой махъ голландской лошади въ своемъ рысакѣ, онъ придавалъ ему стальную упругость мускуловъ англійскаго скакуна и съ тѣмъ вмѣстѣ облагораживалъ все это кровью идеальнаго первообраза лошади,

арабскимъ «Сметанкою», котораго поставилъ во главѣ родословныхъ имъ произведенныхъ лошадей, какъ рысистыхъ, такъ и верховыхъ.

Графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій самъ первый показалъ собственно имъ созданнаго и выѣжаннаго имъ рысака, и съ того времени весь свѣтъ узналъ и знаетъ эту новую особую породу лошадей, называемую орловскою рысистую!—Далѣе продолжаетъ г-нъ Коптевъ такъ: въ довольно обширной статьѣ моей, гдѣ я изложилъ подробно сохранившіеся преданія о графѣ А. Г. Орловѣ-Чесменскомъ и о Хрѣновскомъ его заводѣ, напечатанной въ № 3 журнала «Коннозаводства», за 1872 г., я подробно говорилъ о наѣзdnикахъ графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, бывшихъ его непосредственныхъ ученикахъ—Кабановѣ, Вавилѣ Кузьминѣ и трехъ Семенахъ: бѣломъ, черномъ и Мочалкинѣ, которые, въ свою очередь, образовали своихъ учениковъ, и такимъ образомъ въ Хрѣновой между ними сохранялось ученіе о наѣздкѣ и ѣздѣ на рыскахъ и преемственно передавалось ими другъ другу. Такъ, вторымъ поколѣніемъ учениковъ были: Никита, Григорій и Афанасій Кондратьевы (племянники и ученики Семена бѣлаго), Миронъ Ивановъ и Иванъ Чижовъ (ученики Семена Мочалкина).

Извѣстные уже въ наше время лучшіе наѣзdnики и составившіе славу нашихъ рысаковъ на ипподромахъ были также ученики хрѣновскихъ наѣзdnиковъ, бывшіе крѣпостные люди, которыхъ наши коннозаводчики отдавали въ ученіе къ хрѣновскимъ наѣзdnикамъ; такъ напр.: Иванъ Алексѣевъ Шуваевъ (И. Н. Дубовицкаго), Федоръ Московкинъ (П. П. Воейкова), Сергѣй Долматовъ (А. А. Болдарева), Василій Александровъ (С. И. Терпигорева), Петръ Ивановъ (И. Д. Ознобишина), Ефимъ Ивановъ (И. П. Петровскаго) *) и многіе другіе были всѣ ученики хрѣновской школы, учившіеся во время управленія Хрѣновою В. И. Шишкинымъ и П. И. Кремешнымъ.

Но чѣмъ болѣе надобно сожалѣть, что уже въ настоящее время не существуетъ подобной школы и что уже теперь состоятъ у многихъ охотниковъ весьма искусные, но уже, такъ сказать, самоучки-наѣзdnики, на лету схватившіе нѣкоторые приемы у извѣстныхъ прежнихъ мастеровъ-наѣзdnиковъ, тѣмъ болѣе надобно дорожить записанными наставленіями

*) Къ числу этихъ наѣзdnиковъ прибавимъ: Егора Московкина, сына Федора Московкина; Павла Чернова—внука Семена чернаго; Ивана Иванова Кочеткова и Егора Куркива.
Н. Т.

о рысистой ѣздѣ, и мы въ этомъ отношеніи желаемъ посылать содѣйствовать этому дѣлу, указавъ на источники сохранныхъ руководствъ.

Чувствительность рта. Нажевъ *).

Занимствуемъ изъ рукописи, составленной по порученію П. И. Кремешнаго (управ. Хрѣновскимъ заводомъ), со словъ наѣзdnиковъ графа А. Г. Орлова-Чесменскаго. Рукопись эта подарена Дмитріемъ Ивановичемъ Баранчевымъ Вас. Иван. Коптеву, которымъ извлечено изъ журнала «Коннозаводство», № 12, 1873 г., и перепечатано въ 1874 г. Въ ней говорится о чувствахъ рта: отъ должнаго чувства рукъ наѣзdnика лошадь всегда будетъ жевать удила и пѣнить, что представляетъ признакъ хорошаго управленія и цѣлости рта; дурно ѣзанная запуганная лошадь никогда пѣнить удила не будетъ.

Н ѣ с б о ю.

При семъ нужно замѣтить, что не должно ни подѣ какимъ видомъ называть рысакъ за собой, ибо онъ вмѣсто того, чтобы привыкать быстро, легко и скоро направляться со скаку на рысь и рѣзвѣ отъ сбоя ѣхать, будетъ носить и совершенно ѣздой испортится; нужно, чтобы лошадь совершенно безъ страха и сбивалась, и направлялась, тѣмъ болѣе, что сбой рысакъ, особенно при выѣздкѣ, не только не портитъ, но есть необходимое средство для приданія ему быстроты, и когда проскакиваніе производится съ благоразуміемъ и пониманіемъ, то оно служитъ прямымъ средствомъ для приданія лошади духа горячности, исправляя порочный механизмъ движенія на рыси и даже исправляя дурную наѣздку лошадей, какъ это будетъ видно ниже въ разныхъ случаяхъ; особенно проскакиваніе весьма полезно въ такихъ лошадяхъ, кои жмутся и не довольно растягиваются на бѣгу; таковыхъ для размаханія и развязки плечъ, ногъ и движеній вообще непрѣмѣнно нужно нарочно проскакивать.

Обращеніе съ пылыми лошадьми на ѣздѣ.

Горячую пылкую лошадь никогда не должно наѣзжать до усталости, и особенно если такую ѣздохъ будетъ чрезъ силу понуждать, стегать, пе-

*) Съ своей стороны, мы съудовольствіемъ печатаемъ въ своей книгѣ эти правила, тѣмъ болѣе, что они нисколько не противорѣчатъ нашимъ.
Н. Т.

редергивать возжами отъ нетерпѣнія, то она начнетъ вертѣть хвостомъ, что весьма порочно и трудно отъѣздить; вообще до усталости никогда не должно рысака наѣзжать: нужно, чтобы бѣгъ былъ ему, какъ говорится, въ охоту и лошадь съ ѣзды всегда возвращалась бы веселою.

Извлечено изъ журнала «Коннозаводство», № 12-й 1873 г., Васил. Иванов. Коптевымъ:

Постепенность правилъ наѣзжанія рысистыхъ лошадей отъ первой заѣздки до окончанія,—и лѣта рысака, ранѣе коихъ настоящей рѣзвости отъ него требовать нельзя.

Проходя краткимъ повтореніемъ методу наѣздки рысистыхъ лошадей для лучшаго понятія и объясненія, должно раздѣлить наѣздку на четыре періода.

I. Молодую лошадь заѣзжать за телѣгой съ поддужнымъ до тѣхъ поръ, пока будетъ ходить совершенно спокойно; времени опредѣлить нельзя, такъ какъ оно зависитъ отъ свойствъ ея.

II. Когда узнала повороты, ходить не заминаясь и безъ верховаго, то ее самой малой рысью ѣздить и болѣе шагомъ до тѣхъ поръ, пока совершенно хорошо будетъ ходить, никакъ не прибавляя рыси; времени также опредѣлить нельзя.

III. Къ сему періоду ѣзды въ надолбахъ относится возможность позволять пылкой лошади прибавленіе, а отъ тупой требованіе рыси нѣсколько усиленной, на коей и держать терпѣливо лошадь до тѣхъ поръ, пока правильный разборъ на рыси совершенно въ ней укоренится;—сей есть самый долговременный періодъ наѣздки.

IV. Къ сему относятся нѣкотораго рода форсированіе къ усиленію рыси, посыланіе лошади и употребленіе поддужнаго исключительно уже съ цѣлю приданія быстроты; здѣсь должны случаться сбои и направленія съ оныхъ, и сія степень наѣздки есть самая трудная, требующая не столько уже терпѣнія, сколько искусства, понятія, тонкости чувства рукъ и совершеннаго познанія правилъ рысистой ѣзды и сложенія лошадей,—сіе есть, такъ сказать, полировка оконченной вещи. Вообще же можно положить на всѣ эти 4 періода не менѣе двухъ лѣтъ регулярной, чрезъ день, ѣзды, и хотя бывають рѣзво-бѣгущіе четырехлѣтніе рысаци, но сіе весьма рѣдко,

и обыкновенныя лѣта рѣзвости наѣзжанныхъ рысаконъ суть: 5—6 и даже бывали иныя, кои первую настоящую быстроту оказали съ 7-ми лѣтъ.

Къ возжамъ.

Изъ журнала «Коннозаводства», № 12, 1883 г., С. Шашкина:

Отвѣтъ на возжи.

Достигнуть отвѣта на возжи есть искусство сдѣлать ротъ лошади чувствительнымъ къ удиламъ, т. е. приучить ее, чтобы она въ нихъ не упиралась и не скидывала, и, чтобы совершенно выѣздить лошадь, наѣздки необходимо долженъ знать, что такое отвѣтъ на возжи, потому что отъ этого зависитъ совершенная выѣздка лошади.

Приучать лошадь къ отвѣту слѣдуетъ такимъ образомъ: придержать возжи, но не тянуть, чтобы лошадь голову вмѣстѣ съ шеей подала назадъ и освободила удила во рту; при этомъ надо наблюдать, чтобы ни правое, ни лѣвое удило не было туже одно другаго, а были бы придержаны ровно.

Если лошадь при требованіи отвѣта упирается въ удила, то значитъ, что она тянетъ, а если слишкомъ освобождаетъ удила, то—скидываетъ ихъ.

Когда лошадь тянетъ, то, не отпуская возжей, должно голосомъ останавливать, и если она по первому звуку не отвѣтитъ, то повторить.

Если лошадь скидываетъ удила, то мызгнуть на нее, дабы подалась впередъ и влегла въ удила.

Переводъ удила или строгій отвѣтъ.

Переводъ удила есть умѣнье освободить во рту удила, т. е. перевести ихъ справа на лѣво, или слѣва на право. Это дѣлается въ тѣхъ случаяхъ, когда лошадь сильно упирается въ удила, слѣдовательно, не отвѣчаетъ, или не чувствуетъ во рту удила.

Переводъ дѣлается такимъ образомъ: взять лѣвую возжу къ себѣ, потомъ правую, каждую порознь, нисколько не отпуская ихъ—тогда лошадь непремѣнно должна отвѣтить; дѣлать же это надо, сколько воз-

можно, проворнѣе, наблюдая, чтобы голова была въ правильномъ положеніи. Если съ одного перевода удила лошадь не отвѣтитъ, то надо повторять до тѣхъ поръ, пока лошадь сдѣлается чувствительною къ этимъ требованіямъ, посредствомъ находящихся у ней во рту удила, и будетъ отвѣчать.

Случается иногда, что лошадь послѣ нѣсколькихъ переводовъ удила не только не отвѣчаетъ, но еще крѣпче вляжетъ въ возжи, тогда надо, отпустивъ совсѣмъ возжи, тотчасъ повторить переводку и уже начинать съ слабыхъ или тугихъ возжей, смотря по характеру лошади.

П о с ы л к а.

Посылка или понужденіе лошади состоитъ въ томъ, чтобы заставить ее бѣжать рѣзвѣе. Это дѣлается на ровной рыси тогда уже, когда лошадь хорошо знаетъ отвѣтъ, т. е. когда хорошо чувствуетъ удила.

Посылка дѣлается слѣдующимъ образомъ: возжи должны быть ровны; ихъ надо принять къ себѣ мягко, плавно и отнюдь не туго, такъ чтобы лошадь на пріемъ возжей нѣсколько отвѣтила; въ это мгновеніе мызгнуть на нее, чтобы подалась впередъ, но въ тѣхъ же самыхъ возжахъ, нисколько въ нихъ не упираясь и не скидывая удила; также наблюдать, чтобы она не вздергивала головы, не прискакивала задомъ, а бѣжала ровно и правильно. Если отъ этой посылки лошадь не прибавитъ бѣгу, то крикнуть на нее, а если и это окажется безуспѣшнымъ, то слегка ударить возжей. Случается, что отъ такого удара лошадь, будучи на ровныхъ возжахъ, подниметъ или опуститъ голову и вляжетъ въ правое или лѣвое удило, или совсѣмъ въ нихъ упрется, тогда непремѣнно должно сдѣлать переводку и, буде смѣшается въ рысь, то прежде выравнять рысь, а тогда уже посылать впередъ.

С б о й.

Когда лошадь съ рыси поскачетъ, то это называется сбилась; а когда наѣздникъ со скаку поставитъ лошадь на рысь, то это называется сбой.

Когда лошадь съ рыси поскачетъ, то это называется сбилась; а когда наѣздникъ со скаку поставитъ лошадь на рысь, то это называется сбой.

Чтобы сдѣлать сбой, надо заставить лошадь сбиться отъ посылки, но такъ, чтобы она не потеряла отвѣта и чувства удила, т. е. не упира-

лась въ нихъ и не скидывала. Тогда придержать возжи сильнѣе, чтобы лошадь сдѣлала отвѣтъ еще болѣе, и отъ этого она непремѣнно направится на рысь.

Лучшій способъ есть тотъ, когда наѣздникъ заставляетъ лошадь скакать во весь скакъ и на этомъ скаку направляетъ ее на рысь, нисколько не задерживая.

Въ правильномъ сбѣ голова у лошади не должна быть вздернута или опущена; удила должны быть ровно натянуты, чтобы одно не было туже другаго; скакъ правильный, не задержанный, и чтобы лошадь, при направленіи на рысь, еще рѣзвѣ подалась впередъ рысью.

Когда лошадь сбивается отъ какой нибудь причины, то она почти всегда или упирается, или скидываетъ удила; если упирается, то надо сдѣлать переводку, остерегаясь, впрочемъ, чтобы не задержать лошадь; если же скидываетъ удила, то принудить ее влечь въ удила, т. е. если удила бьются, заставить лошадь потянуть ихъ и тѣмъ привести ихъ на свое мѣсто, отчего она и будетъ чувствовать ихъ; затѣмъ уже сдѣлать отвѣтъ и направить на рысь.

Отъ оплошности наѣздника можетъ случиться, что лошадь получитъ привычку часто и безъ причины сбиваться и отъ того скидывать удила; въ этомъ случаѣ наѣздникъ долженъ ее наказать бичемъ, а иногда сдѣлать въ наказаніе и сильную переводку.

По поводу ранней заѣздки жеребятъ.

За послѣднее время все чаще и чаще стали писать и говорить о ранней заѣздкѣ жеребятъ, которая едва-ли можетъ быть желательна въ интересахъ коннозаводства. Такъ, напр., въ № 1-мъ «Газеты Конноз. и Люб. лошадей», за 1881 г., была помѣщена статья г. Алифатова: *Заѣздки жеребятъ полуторниками*. Статья эта, безъ сомнѣнія, обратитъ на себя вниманіе коннозаводчиковъ и, вѣроятно, соблазнитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ примѣнить къ дѣлу всю систему г. Алифатова, а другихъ хоть только часть ея. Найдутся, конечно, и такіе, которые, подобно намъ, скептически отнесутся къ блестящимъ выводамъ автора статьи, не согласятся съ ними и найдутъ предлагаемую имъ раннюю заѣздку жеребятъ не только полезной, но и прямо вредной.

Г. Алифатовъ началъ практиковать заѣздку полуторниковъ только за два года до появленія своей статьи, а потому вполне ясно, что въ то

время, когда она была напечатана, г. Алифатовъ и самъ еще не могъ рѣшить утвердительно и вѣрно того вопроса: какое дѣйствіе будетъ имѣть на лошадей впослѣдствіи эта ранняя заѣздка? А вопросъ этотъ, нельзя не сознаться, самый важный.

Говорить же авторъ про лошадей г. Сенявина, — практиковавшаго такую заѣздку, — что онѣ въ трехлѣтнемъ возрастѣ смотрѣли уже вполне сложившимися; въ четырехлѣтнемъ проявляли крайнюю рѣзвость и затѣмъ — по характеристичному выраженію самаго г. Алифатова, — уже *больше не подавались впередъ*. Словомъ, карьера ихъ кончилась: рано заѣздили, рано и отъѣздили.

Г. Алифатовъ винить, впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ не заѣздку, а форсировку, но винить едва ли основательно; что же касается до самой заѣздки полуторниковъ, то онъ увѣряетъ, что она пришлась г. Сенявину такъ по душѣ, что онъ продолжалъ практиковать ее до самой смерти. — Мы сильно сомнѣваемся въ этомъ и болѣе склонны думать, что, выѣздивъ по такому способу десятокъ или два *скоростюлокъ*, Л. И. Сенявинъ еще при жизни убѣдился въ непригодности этого способа и бросилъ его.

Думаемъ же мы это главнымъ образомъ потому, что большая часть заводовъ г. Сенявина послѣ его смерти перешла во владѣніе супруги его, Надежды Ивановны Сенявиной, которая въ исходѣ 1875 г. и въ 1876 году снимала въ аренду имѣніе въ Клинскомъ уѣздѣ, по сосѣдству съ нами, гдѣ временно и помѣстила заводъ, состоявшій изъ 20 лошадей съ знаменитымъ «Ларчикомъ» во главѣ. Мы нѣсколько разъ имѣли случай бывать у г-жи Сенявиной и можемъ утвердительно сказать, что полуторниковъ у ней на заводѣ не заѣзжали и, вѣроятно, потому, что опыты такой заѣздки, сдѣланные ея покойнымъ мужемъ, оказались неудачными. Еслибъ было иначе, то, безъ сомнѣнія, такая заѣздка практиковалась бы на заводѣ и послѣ смерти г. Сенявина.

Г. Алифатовъ ссылается еще на заводъ А. И. Охотникова, на которомъ также пробовали заѣзжать полуторниковъ, но какіе получились результаты — г. Алифатову неизвѣстно.

Мы знаемъ, что заводъ г. Охотникова, въ составъ котораго вошелъ также и заводъ В. И. Шишкина, былъ однимъ изъ первоклассныхъ и произвелъ, не принимая заѣздки полуторниковъ, много превосходныхъ рысаковъ и въ томъ числѣ «Вѣрнаго», такъ что намъ остается только подождать и посмотреть на то, что прибавитъ къ славѣ завода г. Охотникова

столь ранняя заѣздка лошадей, если только она дѣйствительно практикуется на немъ.

Г. Алифатовъ объясняетъ себя врагомъ всякихъ истязаній лошади и требуетъ, чтобъ жеребенокъ, въ какомъ бы возрастѣ онъ ни былъ заѣженъ, остался бы *цѣлымъ и невредимымъ*. — Это, конечно, только указаніе на задачу, а не рѣшеніе ея, такъ какъ, повторимъ, по кратковременности своихъ опытовъ надъ заѣздой полуторниковъ г. Алифатовъ и самъ не можетъ сказать навѣрное: останутся ли они впослѣдствіи цѣлыми и невредимыми или нѣтъ?

Мы не будемъ брать исключительныхъ случаевъ, а взглянемъ на дѣло съ общей точки зрѣнія.

Нельзя не согласиться, что у жеребенка — какъ и у всѣхъ животныхъ — понятливость и инстинкты развиваются по мѣрѣ его возраста и идутъ рука объ руку съ общимъ развитіемъ организма. Поэтому жеребенокъ въ 2½ года имѣетъ несравненно больше шансовъ для успѣшнаго дебюта въ заѣздкѣ, чѣмъ полуторникъ; да и кромѣ того, даже простыя случайности, неизбѣжныя при воспитаніи, сами собою подготавливаютъ и нѣсколько осваиваютъ его съ предстоящей заѣздой. Жеребенокъ въ 2½ года болѣе чѣмъ полуторникъ свыкся съ людьми, съ ихъ ласками и обращеніемъ, болѣе привыкъ къ недоуздку, на которомъ его выводили на варокъ или въ корридоръ, при чемъ эти выводки, конечно, не обходились безъ приключеній: то метла упадетъ и надѣлаетъ шуму, то изъ-за угла внезапно выскочитъ ротозѣй-мальчишка, то собака бросится подъ ноги, то самъ жеребенокъ задѣнетъ корпусомъ за не совсѣмъ отворенную дверь и т. д. — Все это сначала пугаетъ его, но потомъ онъ постепенно привыкаетъ къ этимъ случайностямъ. Затѣмъ, жеребенокъ въ 2½ года болѣе полуторника свыкается съ чистой скребницей и щеткой, съ расчисткой копытъ и т. п. приемами, которые невольно приучаютъ его къ терпѣнію, дѣлаютъ его менѣе щекотливымъ и служатъ поэтому какъ бы подготовкою къ заѣздкѣ.

Изъ этихъ простыхъ соображеній ясно видно, что заѣздка жеребенка въ 2½ года представляетъ несравненно меньше хлопотъ и затрудненій, а слѣдовательно и меньшимъ *истязаніямъ* подвергаетъ жеребенка. Да и кромѣ того, очевидно, что и самую заѣздку взрослого жеребенка можно вести болѣе правильно и опредѣленно, тогда какъ заѣздка полуторника — дѣло вполне случайное и далеко не серьезное, такъ какъ полуторника правильно заѣздить нельзя, и послѣ такой заѣздки онъ въ 2½

года опять-таки не избѣгаетъ болѣе серьезной и правильной заѣздки, изъ которой переходитъ въ выѣзку, а потомъ въ форсировку.

Г. Алифатовъ не отрицаетъ всего этого и предлагаетъ раннюю заѣзку жеребятъ только для того, чтобы, во-первыхъ, *пріучить жеребятъ къ сбруи*, которой будто бы много рвется при заѣздкѣ 2½ годовалыхъ жеребятъ, если ихъ не заѣздить полуторниками и, во-вторыхъ, чтобы *развить скорѣе путемъ такой заѣздки всѣ сочлененія организма жеребенка*.

На первый вопросъ мы замѣтимъ только, что, при правильномъ и терпѣливомъ отношеніи къ дѣлу наѣздника или смотрителя завода, сбруя рвется вовсе не такъ много, а если что и порвется, то починить и исправить всегда будетъ дешевле, чѣмъ завести вновь полный комплектъ сбруи для полуторниковъ, въ которой, какъ извѣстно, безъ заѣздки, они не нуждались. Слѣдовательно, экономія тутъ не при чемъ. Что же касается втораго вопроса, то о немъ мы поговоримъ основательнѣе.

Прежде всего напомнимъ читателю, что г. Алифатовъ, желая приступить къ заѣздкѣ полуторника по хорошей саинной дорогѣ, даетъ ему еще съ 1-го сентября по 2 гарнца овса, а когда начинается заѣзка, то по *три* гарнца. Такой пропорціей овсянаго корма и обуславливается раннее развитіе и форсировка жеребенка, а вовсе не ранней заѣздой, такъ что г. Алифатовъ ошибочно считаетъ ее виновницей этого развитія.

Пусть г. Алифатовъ попробуетъ давать какому нибудь изъ жеребятъ, безъ заѣздки, такую же порцію овса и выѣстѣ съ тѣмъ предоставить ему полную свободу движеній, т. е. въ хорошую погоду будетъ пускать его въ ливаду, а въ ненастную слегка гонять безъ корда въ манежѣ,—при чемъ для пріученія можно надѣвать сначала недоуздокъ, а потомъ уздечку,—и черезъ одну гонку на другую доводить жеребенка до легкаго пота, чтобъ послѣ лучше прочищалась на немъ шерсть. Мы убѣждены, что если послѣ такой выдержки г. Алифатовъ сравнитъ этого жеребенка съ заѣзжаными ровесниками, то навѣрно не замѣтитъ разницы въ общемъ развитіи, а если и замѣтитъ, то эта разница, вѣроятно, окажется въ пользу не заѣзженнаго, такъ какъ ходъ его будетъ вполне свободенъ, да и самъ то онъ представитъ менѣе измученнымъ. Если г. Алифатовъ непремѣнно желаетъ достичь ранняго развитія жеребятъ, то пусть попробуетъ поступить такимъ образомъ, и мы увѣрены, что онъ убѣдится, что ранняя заѣзка тутъ не причемъ.

Заѣзка жеребятъ полуторниками неудобна по многимъ причинамъ; во-первыхъ, привязкою къ запрягѣ рабочей лошади и прицѣпленною постромкою невольно сдерживается природный ходъ столь юнаго рысака; во-вторыхъ, на поводѣ у подлужнаго повторяется тоже самое, такъ какъ подлужная лошадь только въ очень рѣдкихъ случаяхъ идетъ однимъ шагомъ съ жеребенкомъ; въ-третьихъ, дѣтскія движенія жеребенка не могутъ имѣть и получить правильнаго, свободнаго развитія подъ давленіемъ значительнаго балласта, преждевременно прицѣпленнаго къ плечамъ полуторника: балластъ этотъ тѣснитъ его, давитъ на плечи и щекотитъ.

Если какіе нибудь 20 фунтовъ лишняго вѣса способны—какъ это вполне дознано и доказано—замедлить ходъ совершенно выѣзженной, выработанной и втянутой въ дѣло лошади, то понятно, что балластъ сбруи и везомыхъ саней неминуемо долженъ собрать и сократить природный ходъ полуторника. Не даромъ же хорошіе наѣзтники опасаются даже на опытныхъ лошадяхъ ѣздить по тяжелому, песчаному грунту, гонять ихъ въ манежѣ, если въ немъ насыпано слишкомъ много песку, или ѣздить въ тяжелыхъ дрожкахъ по грязной дорогѣ... и опасаются именно потому, что такая трудная работа сокращаетъ природный ходъ лошади. Опасность эта, конечно, не столь серьезна относительно взрослой лошади, такъ какъ ее не трудно, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, вновь поставить на прежній ходъ.

Г. Алифатовъ можетъ замѣтить намъ на это, что для мастера-наѣздника также представляется возможность исправить собранный ходъ полуторника при вторичной заѣздкѣ его въ 2½ года.—Все это такъ, но сколько труда и терпѣнья долженъ положить наѣзтникъ на то, чтобъ сначала ранней заѣздой испортить ходъ полуторника, а потомъ черезъ годъ вновь исправлять его. Надѣмся, что для всякаго опытнаго и хорошаго наѣздника найдется при заводѣ болѣе солидная работа, чѣмъ совершенно бесполезная возня съ полуторниками. Не всякій даже самый лучший наѣзтникъ бываетъ вооруженъ такимъ продолжительнымъ терпѣніемъ, да и чье терпѣніе не лопнетъ при такой вознѣ съ одною и тою же лошадью и бѣда если это терпѣніе лопнетъ именно при заѣздкѣ какого нибудь полуторника... Только послѣ сообразить наѣзтникъ: что, молъ, вотъ тутъ-то и нужно было терпѣніе, а я какъ на грѣхъ хватилъ съ сердцовъ!... Но объ этомъ послѣ, сначала перейдемъ къ самой системѣ заѣздки полуторниковъ, излагаемой г. Алифатовымъ.

«Какъ только устанавливалась хорошая санныя дорога», — говоритъ онъ, — «жеребенка запрягали на пристяжку, сначала на одну постромку, мѣняя ее черезъ разъ къ смирной, старой лошади, и такимъ образомъ вываживали на двухъ возжахъ».

Надо думать, что разъ закладывали жеребенка вмѣсто правой, а въ другой разъ вмѣсто лѣвой пристяжной и т. д.

«Когда жеребята хорошо узнавали посылъ впередъ, мы запрягали ихъ въ маленькія санки».... Но позвольте, г. Алифатовъ, какъ же можетъ вашъ жеребенокъ *узнать* посылъ, да еще *хорошо узнать*, когда онъ все время былъ привязанъ къ запрягу и прицѣпленъ на постромки—слѣдовательно, находился въ полномъ подчиненіи у коренной лошади? Если ее пошлютъ, то и онъ идетъ;—откуда же тутъ можетъ произойти для жеребенка самостоятельный посылъ? Если такъ смотрѣть на дѣло, то тогда можно назвать посылкомъ и то, если лошадь поведутъ на поводъ и она пойдетъ. «Въ теченіи первыхъ двухъ недѣль»,—продолжаетъ г. Алифатовъ,—«дистанція не должна превышать полуверсты, безъ всякихъ при томъ посыловъ (тутъ уже безъ посыловъ?), наблюдая только, чтобъ жеребенокъ не останавливался (а если остановится—нуженъ же будетъ посылъ), затѣмъ можно прибавить дистанцію до версты съ проходкою шагомъ, но болѣе уже во всю зиму не увеличивать».... Такъ и хочется сказать: а лучше бы не закладывать!

Рецептъ г. Алифатова составленъ съ аптекарской точностью и въ немъ не предусмотрѣны никакія случайности и отступленія отъ него—а это большая ошибка: надо бы было и ихъ поставить на видъ, такъ какъ они неизбѣжны, особенно при заѣздѣ полуторника.

Напримѣръ, наѣздникъ ѣдетъ аккуратно по рецепту полверсты и уже думаетъ повернуть, а тутъ какъ на грѣхъ на 249 сажени жеребенокъ *подыгрываетъ* или, испугавшись чего либо, бросится впередъ и такимъ образомъ пробѣдетъ лишнее пространство. Но тутъ дѣло не въ одномъ пространствѣ, а въ томъ, что такая, весьма возможная, случайность какъ испугъ, совершенно должна будетъ измѣнить всю систему г. Алифатова. Жеребенокъ отъ испуга бросится впередъ, и поддужный, замѣтивъ это, натянетъ поводъ, отчего свѣситъ голову жеребенка на одну сторону, а наѣздникъ въ то же время, для того, чтобъ удержать жеребенка, долженъ будетъ—при всемъ своемъ нежеланіи сдѣлать это—принять его на возжи. Каково же дѣтскому организму жеребенка выносить такіе приемы и ощущать одновременно: въ челюсти боль отъ повода, а въ раз-

рѣзахъ рта—отъ удилъ. Къ этому нужно прибавить еще и то, что, при приѣмѣ жеребенка на возжи, санки будутъ напирать на него, отчего подбрюшникъ потащитъ его впередъ, жеребенокъ, конечно, совсѣмъ собьется съ толку и не пойметъ, что ему нужно уступить давленію повода и возжей, какъ это сдѣлалъ бы его болѣе взрослый собратъ, основательнѣе освоившійся передъ заѣздкой не только съ человѣкомъ и его покровительственную надъ нимъ ролью, но даже съ значеніемъ голосоваго звука *тпру*. Можно сказать утвердительно, что въ такихъ случаяхъ болѣе возможно повалить жеребенка, чѣмъ укротить его рвеніе подаваться впередъ, а если послѣ такой муштровки ему дать опять свободу, онъ непременно поскачетъ и, пожалуй, проскачетъ вдвое большую дистанцію, чѣмъ та, которая ему назначена въ рецептѣ.

Если намъ скажутъ на это, что можно держать жеребятъ и не въ такомъ духѣ, а добиться сначала, чтобъ они были менѣе энергичны, то мы отвѣтимъ тою простою истиной, что безъ энергіи не можетъ развиться въ жеребенкѣ ни правильной, хотя бы и самой тихой рыси, ни даже шаговаго правильнаго хода.

Далѣе г. Алифатовъ говоритъ: «читатели могутъ вообразить нашу радость, когда жеребята на ѣздѣ начали *подыгрывать*».—Радость, конечно, очень хорошее чувство, но не надо забывать, что отъ нея до печали одинъ только шагъ. *Подыгрываніе* жеребятъ дѣло весьма естественное—попривыкли къ продѣлыванію надъ ними правилъ заѣздки, почувствовали себя свободнѣе и подыграли на радость своимъ учителямъ. А ну какъ во время таксго *подыгрыванія* жеребенокъ вздумаетъ вскинуть задомъ, да такъ вскинетъ, что, того гляди, либо нога очутится за оглоблей, либо поймаетъ ногою возжу;—опытный наѣздникъ сразу догадается, что такое подыгрываніе очень опасно и можетъ даже обратиться въ привычку.... ну, и опять волею-неволею долженъ будетъ сдѣлать сильный приѣмъ на возжи, чтобъ вскинуть голову жеребенка и тѣмъ поприсадить его назадъ, а такіе приемы достаются полуторнику очень и очень сильно.

Хотя г. Алифатовъ и подсмѣивается надъ кабинетными дѣятелями, не благосклонно отнесшимися къ его проекту, хотя онъ этимъ названіемъ и желаетъ указать на непрактичность этихъ людей, тѣмъ не менѣе и сама статья г. Алифатова представляетъ на нашъ взглядъ мало практичнаго. За это убѣжденіе, вынесенное нами изъ его статьи, мы готовы извиниться передъ г. Алифатовымъ съ тою-же искренностью, съ какою онъ извинялся передъ не понявшими его проектовъ кабинетными дѣятелями. Лучше принеси

это извиненіе, чѣмъ признать, напр., практичнымъ и желательнымъ, очень опасное подыгрываніе жеребятъ. Радоваться этому можетъ только тотъ, кто не видалъ какъ отъ этого подыгрыванія лучкомъ сгибаются оглобли у саней и дрожекъ, потому что наѣзднику сильно приходится брать на возжи.

Все это г. Алифатовъ предписываетъ продѣлывать съ полуторниками, т. е. съ такими лошадьми, которыхъ стараются всеми мѣрами уберечь отъ всякаго насилія; такъ, напр., если полуторника выведутъ въ недоузкъ на ворокъ и онъ бросится, не дождавшись, чтобъ съ него сняли недоуздокъ, и потащить конюха, такъ и то приказываютъ послѣднему: бросить жеребенка, не ломать его, а поймать послѣ и снять недоуздокъ!

Поѣздивъ на полуторникахъ сначала полверсты, а потомъ версту съ проходкою шагомъ, г. Алифатовъ на цѣлыхъ семь мѣсяцевъ освобождаетъ жеребятъ отъ заѣздки. По прошествіи этого отдыха жеребята подрастаютъ и вступаютъ въ 2½-лѣтній возрастъ. Тогда, прогнавъ предварительно нѣсколько разъ въ манежѣ, ихъ вновь запрягаютъ для заѣздки и... о чудо!... они идутъ уже какъ «давно выѣзженные лошади»! Не правда ли, читатель, въ какой восторгъ отъ этого можно придти каждому охотнику? Вѣрно, у г. Алифатова есть не одно *магическое* слово, которое онъ сказалъ какому то спортсмену, а нѣсколько... на подобный то случай эти слова очень хороши. Помилуйте, жеребята, кое-какъ заѣзженные полуторниками и семь мѣсяцевъ послѣ того не бывшіе въ запряжкѣ, идутъ какъ давно выѣзженные лошади. Тогда какъ у людей, не знающихъ *магическихъ* словъ, и совершенно то выѣзженные лошади, не бывъ 7 мѣсяцевъ въ запряжкѣ, идутъ въ первый разъ, послѣ такого промежутка, какъ жеребята. Вообще у г. Алифатова все идетъ какъ по бархату—нигдѣ «ни сучка, ни задоринки», чего у человѣка, незнакомаго съ магіей, быть рѣшительно не можетъ, въ чемъ согласится съ нами всякій практикъ.

По нашему мнѣнію, опять таки и тутъ ровно нечему радоваться. Положимъ, что жеребенокъ, заѣзженный еще полуторникомъ, въ 2½ года пойдетъ какъ давно выѣзженная лошадь... но какъ отнесется къ этому управляющій имъ наѣздникъ? Не прельстила бы его эта правильность,—какъ прельщаетъ она г. Алифатова,—не забылъ бы онъ, что ѣдетъ на 2½ лѣткѣ, на которой онъ ѣздилъ еще въ прошломъ году, и не блеснула бы у него мысль поставить ее изъ молодыхъ пря-

мо въ раннія—на это вынче эпидемія.—Вотъ и начнется преждевременная форсировка, о которой бы и не подумалъ никто, еслибъ жеребенокъ въ это время, сообразно съ своимъ возрастомъ, ходилъ бы еще за кряквами или на поводѣ у подлужнаго, постепенно привыкалъ бы къ труду и вмѣстѣ съ тѣмъ росъ бы и складывался на славу нашей Орловской породѣ, какъ добрый и могучій ея представитель, а не какъ съ позаранка заѣзженный для скоротечной карьеры—скороспѣлка-бѣгунокъ.

Каждый коннозаводчикъ и охотникъ имѣютъ широкую свободу мыслить и дѣйствовать по своему усмотрѣнію... жаль только, что большинство такихъ дѣйствій направлено у насъ именно къ созданію скороспѣлки, которыхъ развелось въ послѣднее время видимо-невидимо, тогда какъ настоящую рысистую орловскую лошадь теперь приходится искать и днемъ то—съ огнемъ. Предлагаемая г. Алифатовымъ ранняя заѣзка, безъ сомнѣнія, поможетъ еще большому разведенію скороспѣлокъ и вырожденію настоящихъ *орловскихъ* лошадей, что далеко не желательно каждому истинному любителю этой породы.

Да не подумаетъ г. Алифатовъ, что статья эта написана нами ради личной полемики—самая важность и общее значеніе затронутого г. Алифатовымъ вопроса можетъ исключить подобное предположеніе. Мы писали все это единственно только изъ желанія предотвратить неминуемый вредъ, который несомнѣнно можетъ нанести ранняя заѣзка столь совершенному типу орловскаго рысака и при томъ нанести безъ всякой нужды и пользы. Съ тѣхъ поръ какъ написана статья г. Алифатова прошло уже два года; тогда онъ свидѣтельствовалъ объ ея успешности съ тою оговоркою, что еще недостаточно испыталъ эту заѣзку и не ознакомился съ ея конечными результатами.—Быть можетъ, теперь и самъ авторъ статьи, испытавъ все на практикѣ, отрекся отъ своего метода, какъ отреклись бы, быть можетъ, и мы отъ своихъ доводовъ, еслибъ вздумали четыре года пробовать заѣзку полуторниковъ.

Графъ А. Г. ОРЛОВЪ
и
ВЫВЕДЕННАЯ ИМЪ ПОРОДА ЛОШАДЕЙ.

Гр. А. Г. Орловъ-Чесменскій и выведенная имъ порода лошадей.

Послѣднія страницы своей книги я счелъ долгомъ посвятить памяти графа А. Г. Орлова-Чесменскаго и въ краткихъ чертахъ коснуться исторіи созданнаго его гениемъ орловскаго рысака.

Съ разрѣшенія почтеннаго В. И. Коптева, я пользуюсь его трудами и преимущественно двумя его сочиненіями: *Василій Ивановичъ Шишкинъ и Столѣтній юбилей основанія графомъ Орловымъ-Чесменскимъ рысистой и верховой породы лошадей.*

Въ этихъ двухъ книгахъ В. И. Коптевъ собралъ многіе изъ рѣдкихъ документовъ, имѣющихъ высокій интересъ для коннозаводчиковъ и исторіи орловской породы вообще. Кромѣ того, обѣ книги не находились въ продажѣ, а потому представляютъ собою новостъ для многихъ изъ читателей нашей книги.

Приводимъ прежде всего: описаніе хрѣновскаго завода, — поступившаго во владѣніе дочери гр. А. Г. Орлова-Чесменскаго, графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ послѣ кончины ея знаменитаго родителя, — составленное управлявшимъ онымъ столь извѣстнымъ всѣмъ гг. коннозаводчикамъ Василиемъ Ивановичемъ Шишкинымъ въ 1845 г. Описаніе это знакомитъ и съ исторіей орловской рысистой породы и съ тѣми трудами, при помощи которыхъ она была выведена графомъ Орловымъ, равно какъ даетъ понятіе о тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ велось имъ это дѣло.

Описаніе Хрѣновскаго завода, принадлежащаго ея сіятельству графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-Чесменской.

Означенный заводъ основанъ отцомъ графини, покойнымъ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ-Чесменскимъ, Воронежской губерніи, Бобровскаго уѣзда, въ имѣніи своемъ, селѣ Хрѣновомъ, въ 1778 году; до основанія котораго, графъ Алексѣй Григорьевичъ имѣлъ прежде конный

заводъ, Московской губерніи, въ селѣ Островѣ, разстояніемъ отъ Москвы въ двадцати верстахъ. И когда былъ главнокомандующимъ надъ флотомъ, противъ Оттоманской Порты, тогда при соженіи турецкаго флота, подъ Чесмою, взято было въ плѣнъ главнокомандующаго турецкаго бея семейство; за безопасное и скорое доставленіе оного турецкому главнокомандующему бею, по окончаніи войны и по заключеніи мира съ турками, графъ Алексѣй Григорьевичъ отъ турецкаго султана и отъ бывшаго главнокомандующаго бея, имѣвшаго свой конскій заводъ, получилъ въ подарокъ настоящихъ первоклассныхъ арабскихъ жеребцовъ. Между тѣмъ, російскій флотъ, подъ командою его, графа Орлова, долгое время стоялъ при берегахъ полуострова Морея; тамъ чрезъ морейцевъ, съ пособіемъ турецкаго правительства, онъ посылалъ покупать арабскихъ лошадей въ Египетъ и Аравію и за все это платилъ большія деньги, за подаренныхъ же отдавался дорогими мѣхами.

Полученныхъ въ подарокъ и купленныхъ въ Аравіи выведено всѣхъ тридцать жеребцовъ, изъ числа коихъ больше половины представилъ покойной императрицѣ Екатерины второй, для казенныхъ заводовъ; а двѣнадцать жеребцовъ и девять кобылъ отосланы имъ въ свой заводъ въ подмосковное село Островъ. Арабскіе жеребцы имѣли названіе: бурый Салтанъ, бѣлый серебристой шерсти Сметанка, сѣрый Арабъ *), гнѣдой Старикъ, гнѣдой Алибей, сѣрый Горностаѣ, темногнѣдой Кокліанъ, сѣрый Фениксъ, гнѣдой Цесарей, гнѣдой Арабской, темно-гнѣдой Дервишъ и гнѣдой Бородавкинъ, который въ послѣдствіи тоже возвращенъ въ казенные заводы. Выведенныя съ тѣми арабскими жеребцами кобылы въ заводѣ назывались: бѣлая Краля, гнѣдая Гульливая, бурая Волчья-Хватка, гнѣдая Уланиха, свѣтло-гнѣдая Мытарка, сѣрая Измѣнница, гнѣдая Щеголиха, рыжая Сайга и гнѣдая Арабка. Прежде же привода вышенисанныхъ жеребцовъ и кобылъ арабскихъ графъ Алексѣй Григорьевичъ въ подмосковномъ своемъ селѣ Островѣ имѣлъ уже въ заводѣ англійскаго жеребца, подъ названіемъ Балобана, и нѣсколько англійскихъ кобылъ; сверхъ оныхъ были: голландскій жеребецъ, при немъ семь кобылъ голландскихъ же; одна кобыла датская **).

*) Сѣрый Арабъ въ 1781 году отправленъ въ Кіевъ, къ кому неизвестно.

**) Которыя лошади до основанія хрѣтискаго завода находились въ означенномъ островскомъ заводѣ.

Изъ приведенныхъ арабскихъ жеребцовъ оказались лучшими бурый Салтанъ и сѣрый Сметанка, сильными, правильныхъ статей и отличной красоты. Отъ которыхъ произошло потомство: отъ перваго, бураго Салтана, бурый Салтанъ, родившійся въ 1777 году, отъ кабой матки по описямъ не отыскано, а значитъ, что былъ съ большою силою и съ необыкновенными способностями въ верховой и манежной ѣздѣ, отъ чего и былъ подведенъ Его Императорскому Величеству, котораго Его Величество имѣлъ подъ своимъ сѣдломъ болѣе десяти лѣтъ; потомъ по старости лѣтъ присланъ былъ обратно въ заводъ. Второго сына Салтана, гнѣдой Салтанъ, родился тоже въ 1777 году отъ кобылы гнѣдой арабской Гульливой, отъ котораго бѣли дѣти: гнѣдой Добровольной, гнѣдой Свирѣпый, свѣтло-сѣрый Салтанъ, рыжій Салтанъ, гнѣдой Постоянный, гнѣдой Свирѣпый Графскій и сорокъ одна кобыла, бывшія всѣ въ заводѣ. Изъ вышеозначенныхъ дѣтей гнѣдаго Салтана, Свирѣпый Графскій былъ отличный въ верховой ѣздѣ, на которомъ самъ графъ Алексѣй Григорьевичъ ѣздитъ нѣсколько лѣтъ, былъ пущенъ въ заводъ; отъ него произошли дѣти, бывшія тоже всѣ въ заводѣ; Свирѣпый хромой, сѣрый Визирь, гнѣдой Прибылой, гнѣдой Собинка, гнѣдой Ашонокъ, гнѣдой Алибей и гнѣдой Пархай. Всѣ семь жеребцовъ способнѣйшіе были для верховой ѣзды; но изъ нихъ Ашонокъ былъ во всѣхъ правильныхъ статьяхъ и болѣе способнѣйшій въ верховой и манежной ѣздѣ. Отъ коего произошелъ, извѣстно многимъ охотникамъ и заводчикамъ, гнѣдой Яшма, который былъ нѣсколько лѣтъ заводскимъ жеребцомъ, произвелъ много отличныхъ дѣтей, и нынѣ въ хрѣтискомъ заводѣ есть отъ него три жеребца; гнѣдой Яшма, Ашонокъ и рыжій Гекторъ, какихъ едва ли у кого въ заводахъ увидѣть можно.

Сметанка, серебристо-сѣрый, имѣлъ ростъ два аршина два съ половиною вершка, съ девятнадцатью ребрами на сторонѣ. Въ подмосковномъ селѣ Островѣ хранился его скелетъ до 1812 г.; онъ былъ въ томъ Островскомъ заводѣ одинъ только годъ и оставилъ послѣ себя дѣтей четырехъ жеребцовъ и кобылу. Дѣти его жеребцы назывались, родившіеся въ 1778 году, первый свѣтло-сѣрый Фелькерзамъ *) отъ кобылы

*) Жеребецъ Фелькерзамъ названъ потому, что знакомый графу Алексѣю Григорьевичу, генералъ Фелькерзамъ, будучи охотникомъ, увидѣвъ чрезвычайно красивую и правильную арабскую лошадь, просилъ графа, чтобы жеребца этого назвать Фелькерзамомъ.

Англійской Охотничей; второй, сѣрый Любимецъ, отъ кобылы англійской Сайги; третій, сѣрый Бовка, отъ кобылы англійской Главной; четвертый сынъ Сметанки, сѣрый Полканъ, отъ датской кобылы. Изъ коихъ Бовка проданъ былъ въ Англію, а Фелькерзамъ, Любимецъ и Полканъ—остались въ заводѣ. Отъ Фелькерзама произошло отличныхъ красотою и силою семь жеребцовъ—именно: молодой Фелькерзамъ, Пригожайка, Любимецъ 2-й, сѣрый Веселый, бурый Фелькерзамъ, хромой Фелькерзамъ, Досужей, и пятьдесятъ девять кобылъ, которыя были всѣ въ заводѣ. Отъ Любимца дѣти въ заводѣ не оставались. Отъ Полкана родилось семь жеребцовъ и двадцать одна кобыла; жеребцы имѣли названіе: сѣрый Барсъ, сѣрый Мраморной, сѣрый Полканъ, вороной Великанъ, буланый Полканъ, сѣрый Полканъ, сѣрый въ половѣ Полканъ, сѣрый въ яблокахъ Полканъ. Но изъ нихъ Барсъ, родившійся отъ голландской № 2 кобылы, въ особенности былъ большаго роста, всѣ части имѣлъ соотвѣтствующія росту, правильныя, имѣлъ легкость, большую силу и бѣжалъ рысью отлично рѣзко. Находился въ заводѣ семнадцать лѣтъ; отъ него произошла уже настоящая рысистая порода лошадей, которая и нынѣ существуетъ въ хорошемъ значеніи. Всѣ выходившія лошади крѣпки и сильны. Изъ первыхъ родившихся Барса дѣтей графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ подаренъ въ 1743 году г. Чесменскому Барсикъ большой; графу Григорію Владиміровичу Орлову—Барсикъ маленькій; г. Лопухину—Барсикъ сѣрый; лучшія же отъ Барса дѣти—бывшіе въ заводѣ жеребцы: вороной Любезной, сѣрый Силинской, гнѣдой Безымянка и сѣрый Усанъ, отлично былъ рѣзокъ и силенъ, подведенъ въ 1807 году для ѣзды покойному Императору, Александру Павловичу и названъ былъ Богатыремъ. Въ числѣ коихъ темно-сѣрый Добрый, отъ котораго былъ сынъ рѣзвѣйшій и сильный Кроликъ, а послѣдній сынъ Барса, Лебедь первый, отъ Невинной Фелькерзамовой дочери, жеребецъ былъ широкій въ особыхъ мускулистыхъ крѣпкихъ статьяхъ, отъ котораго и понынѣ ведется порода рысистыхъ лошадей.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ, по достиженіи двухъ означенныхъ породъ главнѣйшую и способнѣйшую къ *верховой* ѣздѣ, сильныхъ, крѣпкихъ, рѣзвыхъ *рысистыхъ*, имѣлъ уже при первомъ началѣ въ заводѣ и англійскихъ лошадей; сверхъ того выписывалъ изъ разныхъ мѣстъ и разныхъ породъ, для испытанія силы и рѣзвости производи скачки, на малыя дистанціи и большія двадцатипятиверстныя; но изъ всѣхъ породъ преимущественнѣе оказались англійскія, и потому

онъ, какъ чрезвычайный и постоянный охотникъ и заводчикъ, посылалъ въ Англію своихъ людей подъ покровительство посланника, бывшаго тамъ, графа Семена Романовича Воронцова, покупать тамошнихъ лошадей. Въ первую посылку привели ему двухъ жеребцовъ, отличныхъ Эклипсовыхъ дѣтей, *Акута* и Гоннаудера, съ ними же и другихъ лучшихъ породъ: Монсрія, Тандема и рыжаго Тромпета. Во вторую приведены Гайфляеровы дѣти: Скайларкъ, Эскѣль; съ ними приведены Синобаръ, Дедалюсъ; и въ третію посылку приведенъ Кубъ. При означенныхъ жеребцахъ въ разное время было куплено и поступило въ заводъ пятьдесятъ три кобылы лучшихъ англійскихъ породъ. Какія же цѣны были плачены—неизвѣстно, да и знать кромѣ графа никто не могъ, ибо онъ на покупку деньги посылалъ къ посланнику графу Семену Романовичу Воронцову. А всѣхъ англійскихъ жеребцовъ было въ Хрѣновскомъ заводѣ двадцать два и служили по нѣскольку лѣтъ. Порода Эклипсовыхъ и Гайфляеровыхъ дѣтей, также отъ Синобора и Дедалюса, была въ особенности хороша, какъ видно изъ описей: отъ Акута, сынъ Ахъ, рѣдкой правильности въ статьяхъ и красоты, былъ подаренъ тогда въ заводъ графу Петру Ивановичу Завадовскому. Прочія дѣти англійскихъ жеребцовъ отправлялись въ Москву на продажу и въ заводѣ продавались кому и какъ неизвѣстно, ибо, за отсутствіемъ графа Алексѣя Григорьевича въ 1796 году за границу, оставался заводъ нѣсколько лѣтъ безъ особеннаго вниманія и весь приплодъ отъ знаменитыхъ жеребцовъ и другихъ многихъ оставался безъ всякой пробы и въ неизвѣстности. По возвращеніи же графа изъ за границы въ 1801 году при немъ оказались: отъ приплода означенныхъ знаменитыхъ англійскихъ жеребцовъ молодые дѣти, были въ скачкахъ, отъ Скайларка, Синобара; лучшія же скакали отъ Дедалюса, отъ котораго нынѣ есть въ Хрѣновскомъ заводѣ жеребецъ рыжій состязатель, примѣрной правильности статей и красоты.

Послѣ кончины графа Алексѣя Григорьевича чрезъ два года, въ 1811 году, Хрѣновской заводъ принялъ въ управленіе Шишкинъ нѣсколько съ уменьшеніемъ количества, состоящаго при графѣ. Шишкинъ управлялъ заводомъ двадцать лѣтъ, довелъ въ лучшее состояніе, и во время его управленія болѣе ста жеребцовъ продано въ казенные заводы, ежегодно по нѣскольку лошадей посылалось въ придворныя конюшни для верховой и упряжной ѣзды и отправляемы были въ Москву жеребцы, мерена и кобылы въ аукціонную продажу. Въ послѣдніе же годы

управленія заводомъ Шишкина ежегодно отправлялось въ Москву на продажу и въ заводѣ продавалось болѣе двухъ сотъ пятидесяти лошадей на сумму триста пятьдесятъ тысячъ. Въ 1831 году заводъ поступилъ въ управленіе московскому мѣщанину Сѣдину.

Шешкинымъ сдано:

Арабской чистой породы жеребцовъ . .	6	Число лошадей:	
	матокъ 60	съ молод.	236
Арабской съ англійскими жеребцовъ . .	6		
	матокъ 29	съ молод.	135
Англійской чистой породы жеребцовъ . . .	11		
	матокъ 86	съ молод.	413
Англійской съ арабскими жеребцовъ . . .	10		
	матокъ 57	съ молод.	173
Рысистыхъ жеребцовъ . .	26		
	матокъ 338	съ молод.	1,161
Итого жеребцовъ . .	59		
	матокъ 569	всего всѣхъ	2,121

Потомъ вскорѣ число лошадей въ семь заводѣ уменьшилось, какъ извѣстно, во-первыхъ, отъ незаботливости и нераденія принявшаго въ управленіе мѣщанина Сѣдина, въ незаготовленіе имъ хорошаго фуража; ибо въ 1831 году лѣто было дождливое, сѣно и овесъ убранны были большею частію прѣлое, гнилое и негодное къ употребленію, отъ чего въ заводѣ послѣдовали болѣзни и падежи въ большомъ количествѣ. Во вторыхъ, еще отъ того, что самыя лучшія чистокровныя лошади продавались за дешевыя цѣны, чѣмъ самымъ едва не уничтожилъ породу, въ особенности верховую.

Копія съ записки, списанной Иваномъ Дмитріевичемъ Озно-
бишинымъ, съ составленной Васи́ліемъ Ивановичемъ
Шишкинымъ.

ДОЧЕРИ БАРСА,

отъ которыхъ произошли значительныя породы:

1. Амазонка { Сестры отъ Цецарбейхи, дочери арабскаго Салтана,
 2. Арфа { бабка мекленбургская; дѣдъ арабскій Цесарбей.
- Амазонка примѣчательна рѣзвымъ бѣгомъ, красотою, рѣз-
выми дѣтьми; она была за границею съ графомъ.
3. Постоянница { отъ Чернички, дочери Араба 2 и голландской
 4. Черничка { выписной.
 5. Рында { сестры Постоянницы.
6. Уборная отъ Бережливой, дочери Фелькерзама, бабка Чернички,
сестра Постоянницы.
7. Мамзель отъ Полканихи голландской, дочери...
8. Бѣлянка отъ Преклонной Полкана I; бабка мекленбургская.
9. Угрюмая сестра Бѣлянки.
10. Непобѣдная отъ Обманщицы Мраморнаго; бабка Обманщица пода-
рена ханомъ; отъ Непобѣдимой сынъ Любезнаго I, Непобѣ-
димый—отъ Непобѣдимаго, въ Москвѣ былъ мерень
рѣзвѣйшій и красивѣйшій у Бородина.
11. Натужная отъ Пеструхи Цвѣтнаго (Цвѣтной отъ Арабскаго Старика),
Пеструха отъ Сухой Надежновой (Надежный отъ Алибея
арабскаго).
12. Хозяинка отъ Струнки Фелькерзамовой; бабка Змѣйка не отыскана.
13. Молодецкая отъ Гордой Свирѣпвой; бабка Госпожа отъ Надежнаго,
сына арабскаго Алибея.
14. Лебедка отъ Невинной Фелькерзамовой, сестра Лебеда 1.
15. Молодецкая отъ глѣдой Свирѣпвой, бабка Огромная отъ арабскаго
Салтана; пробабка изъ Испаніи и отъ шаха; Молодецкая
мать Молодецкаго, сына Полкана 3.

ОТЪ АНГЛІЙСКИХЪ МАТОКЪ:

16. Противная отъ Англійской Охотничьей оставила породу сильныхъ лошадей отъ случки съ Любезнымъ; а отъ прочихъ жеребцовъ ничего не произвела.
17. Прусачка отъ англійской Прусачки {отъ обѣихъ порода весьма незначи-
тельна, хотя Ловкая сестра Доброму
18. Ловкая отъ англійской Ловкой {и видно въ Кроликѣ виновата араб-
ская кровь Удалой.
19. Ахтырка отъ Нѣжоны Акутовой (Акутъ сынъ Эклита), Нѣжена отъ арабскаго Араба I. Составъ англійской крови лучшей, но ничего послѣ себя не оставили.

Эта записка В. И. Шишкина какъ нельзя лучше указываетъ на то, что орловскій рысакъ выведенъ далеко не случайно, — какъ многіе предполагали и предполагаютъ до сихъ поръ, — а выведенъ благодаря гениальнымъ и неуныннымъ усиліямъ и заботливости гр. А. Г. Орлова. Послѣдующія строки, взятая нами изъ книги В. И. Коптева: «Столт- ній юбилей основанія гр. Орловымъ Чесменскимъ рысистой и вер- ховой породы лошадей», яснѣе всего укажутъ, сколько труда, умѣнія и гениальной сметливости было употреблено графомъ на созданіе этого совершеннѣйшаго типа лошади.

«Заслуги графа Орлова, какъ слуги царскаго, какъ гражданина, какъ сына отечества, уже достойно оцѣнены продолжателемъ великихъ дѣлъ Екатерины II Александромъ II, и изображение героя Чесмы красуется на подножіи памятника величайшей изъ державныхъ правителей, которыми гордится не только Россія, но и все человѣчество. Намъ же предстоитъ теперь указать на заслуги графа Орлова какъ дѣятеля на поприщѣ русскаго коннозаводства, которое ему обязано за улучшеніе почти всей массы лошадей въ нашихъ заводахъ *); всѣ почти производители и матки рысистыхъ лошадей восходятъ по родословнымъ линіямъ до арабскаго *Сметанки*; а равно его же потомство черезъ казенныя депо улуч- шаетъ массы верховыхъ и крестьянскихъ лошадей **). И въ настоящее

*) Правильно организованныхъ заводовъ считается 2,932 и въ нихъ 7,223 жеребца и 81,113 матокъ. См. *Журналъ Коннозаводства*, № 11 за 1873 годъ.

**) Изъ 1,095 случныхъ жеребцовъ, находящихся въ казенныхъ депо, не менѣе половины верховой породы (орловской), и приплодъ ихъ поступаетъ въ ремонты кавалеріи.

время можно рѣшительно сказать, что всѣ улучшенныя упряжныя городскія лошади въ Россіи, отъ Варшавы до Тобольска, отъ Архангельска до Одессы, происходятъ непосредственно отъ орловскаго рысака. Такимъ образомъ усиліями и трудами одного человѣка, достигшаго столь плодотворныхъ результатовъ своей дѣятельности въ созданіи двухъ совершеннѣйшихъ типовъ лошадей: рысистыхъ и верховыхъ, увеличена цѣнность улучшеннаго коннозаводства во всей Россіи. Конецкое же населеніе Россіи превосходитъ 20 милліоновъ головъ, а по свидѣтельствамъ иностранцевъ простирается до 26 милліоновъ, *) между тѣмъ какъ въ Германіи Австріи и Франціи оно равняется только 3 милліонамъ въ каждой **). Итакъ не милліонами, а десятками, а можетъ быть и сотней милліоновъ можно оцѣнить *поднятый уровень* цѣнности лошадей въ Россіи произведеніями гениальнаго коннозаводчика.

И этотъ громадный плодотворный результатъ достигнутъ былъ имъ не случайно, а вслѣдствіе глубоко обдуманной идеи и постоянного и послѣдовательнаго преслѣдованія оной.

Просвѣщенный коннозаводчикъ нашъ П. А. Дубовицкій, этотъ мужъ науки, всю жизнь свою посвятившій ученому поприщу, изучая при свѣтѣ научныхъ воззрѣній коннозаводскую дѣятельность графа Орлова, торжественно заявилъ, что созданіе орловскаго рысака совершенно было имъ по строго обдуманному плану, и доказалъ это фактами, ссылаясь на другіе заводы нашихъ вельможъ, и особенно на обширный Серебряно-Прудскій заводъ графа Шереметева, имѣвшіе тѣ же богатые и разнообразные матеріалы всѣхъ европейскихъ и азіатскихъ породъ лошадей и хотя производившіе весьма хорошихъ лошадей, но не имѣвшіе опредѣленнаго типа, какой выработалъ нашъ гениальный коннозаводчикъ, и потому всѣ произведенія этихъ громадныхъ заводовъ исчезли безслѣдно ***). Профессоръ московскаго университета Петръ Илларионовичъ Страховъ свидѣтельствуетъ, что: «Едва ли какое изъ свѣдѣній человѣческихъ ускользнуло отъ его любознательности; тончайшія подробности предметовъ, представ- лявшихся его просвѣщенному вниманію, примѣчалъ онъ быстро и раз-

*) *Deutsche Pferde-Zeitung* за 1873 годъ.

**) Въ Австро-Венгріи считается 3,298,934 лошади, въ Германіи 3,210,000 лошадей, во Франціи 3,300,000, въ Италіи 1,286,000, въ Великобританіи 2,256,000, въ Даніи 350,000, въ Греціи 23,000.

***). *Взглядъ на рысистое отдѣленіе Хриновскаго завода П. А. Дубовицкаго.* 1861 г.

судительно *). Чѣмъ бы онъ ни занимался, все изслѣдовалъ обстоятельно, изучалъ въ совершенствѣ, читалъ, все соображалъ и извлекалъ все полезное и съ удивительною вѣрностью примѣнялъ къ самому дѣлу **).

Проникнемъ теперь въ художественную хрмину, въ которой выработанъ орловскій рысакъ, и прослѣдимъ, такъ сказать, процессъ его созданія.

Признавая идеальнаго арабскаго коня самостоятельнымъ, совершеннѣйшимъ первообразомъ лошади, гр. А. Г. желалъ, не утрачивая его красоты, благородства, силы и энергіи, приспособить его къ потребностямъ европейской жизни, увеличить объемъ его корпуса, усилить мускулатуру и, наконецъ, одѣть его нѣжные, изящные члены болѣе твердою броней плотныхъ наружныхъ формъ противъ суровости сѣвернаго климата.

Такъ онъ раздвинулъ сперва костякъ арабскаго *Сметанки* широкимъ строеніемъ костей сухой датской матки, поднявъ ростъ его при произведеніи *Полкана I*, отъ котораго произвелъ *Барса I* (родоначальника), облекши этотъ новый создаваемый экземпляръ объемистою мускулатурой голландской матки, отъ которой и заимствовалъ крутое нарядное движеніе рысью славившихся тогда фрисландскихъ рысаковъ (*Harldräber*).

Достигнувъ этого результата, графъ началъ снова облагораживать, округлять, подсушивать формы *Барса*, подлітіемъ крови англійской и арабской въ произведеніи *Добраго*, *Любезнаго*, *Лебедя* и т. д., такъ что созданные имъ рысаки стали походить на изящнаго арабскаго коня, на котораго смотреть въ увеличительное стекло.

*) Графъ А. Г. имѣлъ превосходную псовую охоту для истребленія волковъ, тревожившихъ его хрѣновскіе табуны, и самъ велъ собственноручно родословныя своихъ собакъ; у него также были почтовые голуби, летавшіе съ письмами въ его Хатунскую волость за 70 верстъ изъ Москвы. Извѣстны еще теперь орловскіе бойцовые гуси, а также и канарейки съ особеннымъ наѣвомъ. Не говоримъ уже объ огромномъ скотоводствѣ и улучшенномъ овцеводствѣ въ его обширныхъ имѣніяхъ. Ему также каждаго доставлялись въ Москву рукописныя тетради учениковъ Хрѣновской школы дворовыхъ мальчиковъ, и онъ присылалъ прилежнымъ награды.

**) П. Илл. Страховъ родной племянникъ профессора физики московскаго университета П. Ив. Страхова, который былъ врачомъ графа и пользовался его дружбой и былъ постояннымъ его собесѣдникомъ по вопросамъ естественныхъ наукъ, которыми интересовался гр. А. Г.

Составивъ такимъ образомъ наружныя формы, соответственныя потребностямъ и условіямъ европейской жизни для возки тяжелыхъ и обширныхъ экипажей, уловливаемыхъ комфортомъ современной цивилизаціи, онъ зналъ, что формы эти надобно упрочивать и развивать къ лучшему, дабы онѣ не ухудшились*) (предоставленные сами себѣ), и для сего ввелъ постоянное упражненіе въ рысистой ѣздѣ, которому повѣркой было основательное испытаніе на различныя разстоянія, и притомъ съ строжайшею правильностью движеній и быстротой, провѣряемою по секундомѣру.

Такъ, бѣгъ на короткія дистанціи (четыре конца по двѣсти сажень, при чемъ завороты проѣзжались шагомъ) обезпечивалъ стройность, правильность и изящество движеній; а поѣздки въ село Островъ (за 18 верстъ отъ Москвы), имѣ самымъ въ сопровожденіи наѣзтниковъ и учениковъ предпринимаемыя, подвергали испытанію силу и устойчивость въ работѣ производимыхъ имъ лошадей.

Такимъ образомъ испытанія черезъ постоянную ѣзду на разныхъ дистанціяхъ играли весьма важную роль въ дѣлѣ образованія рысистой породы, ибо имъ подвергались не только заводскіе жеребцы, но и кобылы, на которыхъ онъ особенно любилъ ѣздить самъ; такъ, напримѣръ, кобылы *Арфа* и *Амазонка* не только были извѣстны московскимъ охотникамъ, но графъ ѣздилъ на нихъ, проживая въ Дрезденѣ съ 1796 по 1801 годъ **).

Не умолчимъ и о томъ соображеніи, которымъ, вѣроятно, руководился графъ А. Г., избравъ для завода своего степи Воронежской губерніи. Охотнику до лошадей, каковъ онъ былъ, конечно пріятнѣе бы было вести свой заводъ у себя подъ глазами, въ селѣ Островѣ, дабы любоваться постоянно своими произведеніями; но онъ принесъ это удовольствіе въ жертву пользамъ создаваемой имъ лошади.

Мы видѣли на Парижской выставкѣ 1867 года крошечныхъ, слабосильныхъ лошадей съ острова Сіама (росту 1 арш. 6 верш.), этихъ,

*) Очевидный сему примѣръ: конный заводъ оберъ-штабмейстера графа Кутайсова, состоявшій изъ лошадей лучшихъ породъ и въ который поступилъ рысакъ *Богатырь* (сынъ *Барса I*), подведенный графомъ Орловымъ императору Павлу I и имъ подаренный гр. Кутайсову, но заводъ графа Кутайсова скоро упалъ.

**) Такъ въ 1801 году гр. А. Г. писалъ къ Кабанову: «Твой *Любимецъ* такъ учтиво былъ пріѣзженъ, что *Амазонка* заплатила три калачика, которые Сеня битючкой и поднесъ Сенѣ въ дрезденскому, въ которомъ числѣ и я получилъ одинъ калачикъ».

такъ-сказать, колибри лошадиной породы, съ тонкимъ складомъ, и знаемъ, что вообще экваторіальныя страны производятъ лошадь нѣжную, миниатюрную и слабосильную.

Исключеніе изъ сего дѣлаетъ страстная привязанность араба къ своей лошади, который постояннымъ упражненіемъ, поддерживаемымъ наѣгами и вообще хищническимъ образомъ его жизни, спасаетъ отъ вырожденія своего коня, укрѣпляя въ немъ силу и благородство породы.

Съ другой стороны, мы знаемъ, что въ сѣверномъ климатѣ та же лошадь, при обильномъ питаніи, разрастается до громадныхъ размѣровъ, и слонообразные англійскіе суффолки являются антиподами лошадей южныхъ странъ.

Графъ А. Г. избираетъ питательныя, но отнюдь не сырыя ковыль-ныя залежи умѣреннаго климата средней Россіи, и выращенные имъ рысаки на берегахъ Вятки соответствуютъ задуманному имъ плану, и вся Россія черезъ столѣтіе имѣетъ такую породу лошадей, которой по изяществу и красотѣ формъ и движенія, а равно и по силѣ, нѣтъ подобной въ мірѣ и которая завоевала себѣ пальму первенства и на международныхъ состязаніяхъ.

Здѣсь кстати отстранить то обвиненіе, которое дѣлаютъ нѣкоторые графу А. Г. въ томъ, что онъ выпускалъ изъ своего завода въ продажу рысаковъ не иначе какъ меренамъ, и это приписываютъ эгоистическому чувству зависти, дабы созданная имъ порода не распространялась у другихъ коннозаводчиковъ *). Но съ искреннимъ убѣжденіемъ мы готовы отвергнуть это обвиненіе, не сообразное ни съ его благодушнымъ характеромъ, ни съ его доброжелательствомъ и щедростью, указавъ на родословныя таблицы его завода, изъ которыхъ видно, что онъ достигъ только до четвертаго поколѣнія имъ создаваемыхъ рысаковъ, въ составѣ которыхъ еще онъ измѣнялъ входившіе элементы разныхъ породъ лошадей. Слѣдовательно, онъ не почиталъ еще свою задачу оконченною и создаваемую имъ породу установившеюся.

Мы не сомнѣваемся, что въ послѣдствіи были бы имъ продаваемы и жеребцы для приплода, ибо дарилъ же онъ ихъ съ этою цѣлію; такъ, онъ

*) Продавались же ежегодно рысистыя кобылы его завода какъ при немъ, такъ и послѣ него, а сдвали кобылы имѣютъ меньшее вліяніе чѣмъ жеребцы на достоинство приплода.

подарилъ *Барсика большаго* А. А. Чесменскому, *Барсика маленькаго* *) своему племяннику графу Григорію Владиміровичу Орлову, Д. Н. Лопухину *Барсика стараго*, а *Богатыря* подвелъ императору Павлу Петровичу, который пожаловалъ его своему оберъ-штальмейстеру графу Н. П. Кутайсову. Всѣ эти жеребцы поступили же въ заводы и были родоначальниками обширнаго потомства.

При жизни же своей графъ А. Г. поступалъ съ приплодомъ своего завода такъ, какъ нынѣ поступаютъ во всей Европѣ, то-есть всѣхъ не поступающихъ въ заводскіе производители дѣлаютъ меренами, какъ болѣе способными и покойными для ѣзды. Такъ и графъ А. Г. употреблялъ въ ѣзду мереновъ и кобылъ, а жеребцовъ по основательномъ испытаніи отсылалъ въ заводъ **).

Приобрѣтеніе же арабскихъ лошадей было произведено имъ во время командованія имъ флотомъ въ Турецкую войну съ 1770 года по 1774 и по заключенія мира, при содѣйствіи турецкаго правительства и въ особенности благодарнаго ему паши Гассанъ-бея за челоѣколюбивое обращеніе съ его семействомъ, взятымъ въ плѣнъ ***). Императрица въ письмѣ своемъ къ Вольтеру называла обращеніе гр. А. Г. съ плѣнными рыцарскими ****), а Вольтеръ сравнивалъ Орлова съ Фемистокломъ.

Упомянемъ здѣсь и о гуманномъ или, точнѣе сказать, истинно-отеческомъ обращеніи его съ его крѣпостными людьми, которые были столь равностными пособниками въ его дѣйствіяхъ, вслѣдствіе безграничной къ нему преданности *****). Ихъ усердіе къ нему было основаніемъ того про-

*) Въ заводѣ Д. П. Голохвастова были сыновья его *Барсъ* и *Любезный*, и у П. П. Воейкова внукъ его *Любезный*, и у многихъ другихъ коннозаводчиковъ.

**) Такъ писалъ онъ къ Кабанову въ 1801 году: «Я же жеребцовъ твоихъ къ тебѣ отправлю и оставляю *Усана* и мереновъ. Этотъ *Усанъ*, по свидѣтельству В. И. Шипилина, былъ подведенъ въ 1807 году императору Александру I, и названъ *Богатыремъ*».

***). Такимъ образомъ приобрѣтено было изъ Аравіи 30 жеребцовъ и 9 кобылъ, за которыхъ графъ платилъ огромныя деньги, а за подаренныхъ ему отдаривалъ драгоценными сибирскими мѣхами. 12 жеребцовъ и 9 кобылъ поступили въ его заводъ, а прочіе подведены императрицѣ и поступили въ казенные заводы.

****). Императрица въ другомъ письмѣ къ Вольтеру же отъ 17-го декабря 1769 года сравнивала «храбраго великодушнаго Орлова съ героями древнихъ Римлянъ».

*****). Напечатанныя мною въ «*Журналъ Коннозаводства*», № 3-й, за 1872 годъ, выдержки изъ писемъ графа къ Кабанову, управляющему его с. Хрѣноваго, лучше всего живописуютъ то ласковое слово, дружеское обращеніе съ крѣпостными людьми,

цвѣтанія и усовершенствованія всѣхъ его заведеній, хотя заочно и въ отдаленіи отъ него находившихся.

Дабы вполне очертить высокую, симпатичную, любезную сердцамъ москвичей личность гр. А. Г., живущаго еще въ семейныхъ преданіяхъ здѣшнихъ старожилонъ, заимствуемъ слова современниковъ и заставимъ ихъ говорить вмѣсто себя; ибо, какъ бы ни были восторженны наши похвалы, онѣ слабы и безцвѣтны предъ живымъ словомъ современниковъ, писавшихъ подъ тѣмъ обаяніемъ, которое окружало этого богатыря Великой Екатерины *).

Такъ, даровитый С. П. Жихаревъ, еще тогда пылкій юноша, писалъ въ 1805 году, слѣдовательно ровно за 70 лѣтъ предъ симъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ имъ видѣннаго и слышаннаго:

„Вдругъ толпа зашевелилась, и радостный крикъ „ѣдетъ, ѣдетъ!“ пронесся по окрестности, и вотъ началось шествіе необыкновеннаго торжественнаго поѣзда, безъ котораго, говорили, гулянье 1-го мая было бы не въ гулянье народу. Впереди, на статномъ фаворитномъ конѣ своемъ *Свирьпомъ*, какъ его называли, ѣхалъ графъ Орловъ въ парадномъ мундирѣ и обвѣшанный орденами. Азіатская сбруя, сѣдло, мунштрукъ и чапракъ были буквально залиты золотомъ и украшены драгоценными камнями. Немного поодаль, на прекраснѣйшихъ сѣрыхъ лошадяхъ ѣхали дочь его и нѣсколько дамъ, которыхъ сопровождали А. А. Чесменскій, А. В. Новосильцевъ, князь М. П. Хилковъ, Д. М. Полтавскій и множество другихъ особъ. За ними слѣдовали берейторы и конюшіе графа, не менѣе сорока человекъ, изъ которыхъ многіе имѣли въ

которымъ онъ умѣлъ ихъ привязать къ себѣ. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ своемъ къ Кабанову, отъ 17-го сентября 1807 года, онъ заканчиваетъ оное словами: „Дочь твоя здорова, весела и зачала верхомъ ѣздить, и очень радуется, и все ей хочется чтобы поскорѣе, но ей воли не даютъ. Служить же она графинѣ усердно и очень благодарна. Дай Боже, чтобы вы здоровы были. Доброхотный тебѣ гр. А. Орловъ-Чесменскій.“

*) Д. П. Голохвастовъ разсказывалъ мнѣ, что у гр. А. Г. ежедневно къ обѣду могли пріѣзжать находившіеся въ Москвѣ дворяне, хотя бы съ нимъ и незнакомые, но для этого они должны были быть въ дворянскомъ мундирѣ. Если же пріѣхавшій (незнакомый) былъ въ партикулярномъ платьѣ, тогда графъ спрашивалъ у него: „отъ кого вы батюшка присланы“, и когда незнакомецъ называлъ себя, тогда графъ извинялся, что не разглядѣлъ, ибо по старости уже плохо видитъ. Этимъ графъ давалъ разумѣть, что всякій, но только русскій дворянинъ, имѣетъ право на его хлѣбосольство. По воскресеньямъ у него обѣдало отъ 150 до 300 человекъ.

поводу по заводной лошади въ нарядныхъ пополахъ и богатой сбруѣ. Наконецъ потянулись и графскіе экипажи, запряженные цугами и четверками одномастныхъ лошадей. Этотъ поѣздъ графа Орлова, богатаго, знатнаго, тучнаго и могучаго вельможи, съ такою блестящею свитой, съ такимъ количествомъ нарядныхъ служителей, съ такимъ множествомъ прекрасныхъ лошадей и разнородныхъ экипажей, представляетъ точно необыкновенно великолѣпное зрѣлище и не можетъ не дѣйствовать на толпу народную. Впрочемъ, сказываютъ, что гр. Орловъ и не однимъ своимъ богатствомъ и великолѣпіемъ снискалъ любовь и уваженіе москвичей, что онъ доступенъ, радушенъ и, какъ настоящій русскій баринъ, пользуясь любимыми своими увеселеніями—скачками, бѣгами, цыганскими пѣснями, плясками и прочимъ, обращаетъ ихъ также въ потѣху народа, и какъ будто раздѣляетъ съ ними преимущества, судьбой ему предоставленныя“.

Черезъ 37 лѣтъ, именно въ 1842 году, тотъ же С. П. Жихаревъ снова заговорилъ о гр. Орловѣ, и время имъ пережитое и отдалившее его отъ свѣжести современныхъ впечатлѣній нисколько не ослабило красокъ, которыми онъ, будучи уже старцемъ, живописуетъ нашего героя:

„Герой Чесменскій доживалъ свой громкій славой вѣкъ въ древней столицѣ. Какое-то очарованіе окружало богатыря Великой Екатерины, отдыхавшаго на лаврахъ въ простотѣ частной жизни, и привлекало къ нему любовь народную. Неограниченно было уваженіе къ нему всѣхъ сословій Москвы, и это общее уваженіе было данью не сану богатаго вельможи, но личнымъ его качествамъ. Гр. А. Г. былъ типомъ русскаго человека: могучій крѣпостью тѣла, могучій силой духа и воли, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ былъ доступенъ, радушенъ, доброжелателенъ, справедливъ, велъ образъ жизни на русскій ладъ и вкусъ имѣлъ народный. Эти плѣнительныя свойства гр. Орлова необходимо должны были покорить ему сердца всѣхъ его окружавшихъ, а окружавшими его были всѣ московскіе граждане; они нечувствительно приняты его направленіе какъ въ образъ жизни, такъ и во вкусахъ. Со времени удаленія графа отъ дѣлъ государственныхъ, любимымъ его занятіемъ была конская охота, и вотъ всѣ московскіе обыватели *сдѣлались конскими охотниками* *).

*) *Журналъ Коннозаводства и Охоты* за 1842 годъ, № 2 за февраль, стр. 45 и 46.

Извѣстный историкъ нашъ Д. Н. Бантышъ-Каменскій говоритъ о гр. Орловѣ: «Военную службу считалъ онъ своею стихіею, и будучи кавалергардомъ, превосходилъ товарищей мужественною красотою; спокойная важность на лицѣ, греческіе глаза, умная лаконическая улыбка, пріятная рѣчь, колоссальный видъ, являли въ немъ человека удивительнаго, долженствовавшего выдти изъ ряда обыкновенныхъ... Онъ избралъ послѣднимъ жилищемъ своимъ Москву, гдѣ по самую кончину проводилъ время въ благотвореніяхъ, занимаясь воспитаніемъ единственной дочери и увеселяя каждое воскресенье согражданъ: зимой лошадинымъ бѣгомъ устроеннымъ предъ его домомъ, а лѣтомъ скачкой» *).

Приведемъ еще рассказъ очевидца-современника, дабы по возможности еще полнѣе воскресить предъ нами величественный образъ воспоминаемаго нами нынѣ героя **):

«И вотъ молва въ полголоса бѣжитъ съ губъ на губы: ѣдетъ, ѣдетъ, изволить ѣхать. Всѣ головы оборачиваются въ сторону къ дому гр. А. Г. Орлова-Чесменскаго, множество любопытныхъ зрителей всякаго званія и лѣтъ разомъ скидаютъ шапки долой съ головы; а такъ бывало, тихо и медленно опять надѣваются на головы, когда графъ объѣдетъ кругъ. Какой ростъ, какая вельможная осанка, какой важный и благородный и вмѣстѣ добрый, привѣтливый взглядъ! Такое-то почтеніе привлекалъ къ себѣ любезный москвичамъ бояринъ, щедро надѣленный всѣми дарами: и красотой, и силой тѣлесной, и силой разума, и благодушіемъ».

Наконецъ, какъ трогательно описываетъ тотъ же очевидецъ кончину графа и ту любовь москвичей, которая его окружала:

«Преобразователь русскаго коннозаводства скончался въ Москвѣ 1808 года, въ самый рождественскій сочельникъ, и день отпѣванія тѣла его былъ днемъ сѣтованія цѣлой столицы. При выносѣ гроба, сотни тысячъ людей, съ открытыми головами и со слезами на глазахъ, смиренно творили молитву о вѣчномъ покоѣ доброму человеку; крѣпостные же люди его плакали навзрыдъ. Такъ-то покойный былъ ото всѣхъ почитаемъ, уважаемъ и любимъ за его добродѣтели и ласковость ко всѣмъ. Такъ

*) *Словарь достопамятныхъ людей Русской земли*, т. IV, стр. 44—47.

**) Статья въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* № 153, 23-го декабря 1854 года, заслуженнаго профессора и почетнаго члена Московскаго Университета, Петра Илл. Страхова.

преставился въ вѣчность православный по разуму и сердечному убѣжденію набожный христіанинъ... Даже и надъ земнымъ благосостояніемъ усопшаго навсегда простерлось благословеніе небесъ: дома графа сохранились въ цѣлости отъ непріятельскаго разоренія въ 1812 году; старый домъ, гдѣ всегда покойный жилъ и благодѣтельствовалъ гражданамъ Москвы, уступилъ мѣсто свое Городской больницѣ; другой новый домъ содѣлался царскимъ дворцомъ; его любимыя имѣнія, село Островъ и село Хрѣновое, поступили въ составъ государственныхъ имуществъ, его конскій заводъ не только не рушился по его кончпѣ, но и возросъ сугубо и навсегда утвердился подъ кровомъ правительства».

Послѣ этихъ теплыхъ, душевныхъ отзывовъ современниковъ-очевидцевъ, знавшихъ лично гр. А. Г., скажемъ и мы съ чувствомъ самодовольства, что настоящее собраніе наше свидѣтельствуешь, какъ живо сохранилась и живетъ между нами память о немъ, какъ достойно цѣнятся плоды трудовъ его, коими мы наслаждаемся, какъ гордимся мы ими, и заключимъ очеркъ его высокой личности словами, сказанными съ высоты престола Великою Екатериной, наведя такимъ образомъ яркій лучъ безсмертной славы на его любезный для насъ образъ: «Графу Орлову одолжена я частію блеска моего царствованія» *). И вотъ проходитъ столѣтіе, и снова слышится царское слово, соизволяющее на торжественное признаніе заслугъ его сооруженіемъ ему памятника **).

Да свидѣтельствуешь же воздвигаемый гр. А. Г. Орлову-Чесменскому признательными согражданами памятникъ предъ грядущими поколѣніями о томъ, какъ помнятъ русскіе люди добро, имъ сдѣланное, какъ оцѣни-

*) *Записки о вѣдѣ императрицы Екатерины Великой* ст. секр. Грибовскаго, стр. 40.

**) Москвѣ особенно дорого имя гр. Орловыхъ по сохранившимся въ ней преданіямъ. Старшій изъ семьи этихъ *Екатерининскихъ Орловъ*, по выраженію Державина, ян. Григ. Григ. съ высокимъ самоотверженіемъ христіанина и мудростью государственнаго мужа явился въ Москву въ время чумы и устройствомъ больницъ и дѣятельными мѣрами прекратилъ ее, и на Триумфальныхъ прѣлкахъ, воздвигнутыхъ въ Царскомъ Селѣ въ честь его, надпись гласила «Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва». Два другіе брата его, Федоръ и Владиміръ Григорьевичи, также жили въ Москвѣ и пользовались общою любовью. Графъ Владиміръ Петровичъ Орловъ-Давыдовъ, родной внукъ сего послѣдняго, наследовалъ это славное имя. Внукъ гр. Федора Григорьевича, кн. Николай Алексѣевичъ Орловъ, носитъ нынѣ княжескій титулъ, заслуженный его отцомъ княземъ Алексѣемъ Федоровичемъ.

ваютъ труды предковъ имъ оставленные, какъ благодарно и съ любовью вспоминаютъ заслуги истинныхъ сыновъ отечества и какъ хранятъ въ благодарныхъ сердцахъ своихъ *вѣчную* о нихъ память.

Въ высшей степени отрадно сознавать, что мы могли на призъ, состоявшійся въ честь столѣтія орловскаго рысака, представить достойныхъ потомковъ этой породы, какъ Крутой 2-й и друг. Это служить лучшимъ, по нашему мнѣнію, почитаніемъ памяти гр. А. Г. Орлова и вѣрнѣйшимъ доказательствомъ, что мы свято хранимъ чистоту завѣщанной имъ породы.

Этотъ торжественный юбилей воскресилъ въ памяти, вмѣстѣ съ гр. Орловымъ, и нѣкоторыхъ типичныхъ представителей выведенныхъ имъ рысаконъ, воспитанныхъ при другихъ условіяхъ, а потому и развившихся пышнѣ нашихъ призовыхъ знаменитостей, но даже и эта разница въ выдержкѣ не уничтожила съ лица русскаго рыскаго ипподрома типа орловскаго рыска. По поводу этого В. И. Коптевъ говоритъ слѣдующее:

„Въ виду испытаній на значительныя разстоянія, какія производятся у насъ въ настоящее время, рысаконъ подвергаютъ постепенно усилившему упражненію, при особенномъ гигиеническомъ въ отношеніи корма и даже питья содержаніи, при потнѣнн, часто, по мѣрѣ надобности, съ употребленіемъ нѣсколькихъ попонокъ во время проѣздовъ; потому по окончаніи бѣговаго сезона рысаконъ имѣютъ необходимость пользоваться отдыхомъ и освѣжающимъ кормомъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и потомъ снова усиленную выдержкой приготавливаются къ будущимъ бѣгамъ.

Рысаконъ же графа Орлова-Чесменскаго бѣжали безъ всякой искусственной подготовки, находясь въ нормальномъ состояніи обыкновеннаго способа конюшеннаго содержанія *).

Если наши современные рысаконъ утратили ту густоту формъ, которою отличались орловскіе прежняго времени, то это зависитъ отъ искусственной выдержки, которой подвергались въ продолженіе уже нѣсколькихъ

*) Современникъ графа Алексѣя Григорьевича, профессоръ Страховъ, пишетъ: Я никогда ни отъ кого не слыхивалъ, чтобы на конюшнѣ графа употреблялось предвѣтельное выдерживаніе, подготовка его лошадей къ бѣгу. „Моск. Вѣд.“ 1854. № 153.

поколѣній рысаконъ послѣдняго времени. Не даромъ же говорилъ нашъ знаменитый коннозаводчикъ, современникъ графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, Ѳеодоръ Семеновичъ Мосоловъ: „не выдерживайте кровную скаковую лошадь, а воспитывайте ее какъ верховую, и вы получите лошадь верховую“. Арабская не большая, *) миниатюрная, на короткихъ низкихъ ногахъ, съ крутою, дугой поставленною шею, съ округленными изящными граціозными формами, передѣланная въ Англіи въ чисто-кровнаго скакуна, превращается же нерѣдко въ плоскаго, долгоногаго **), узкогрудаго, угловатаго, съ прямою, низко-поставленною шею побѣдителя на Сентъ-Леджерскихъ скачкахъ, не разъ обсакивавшего всѣхъ восточныхъ скакуновъ въ Каирѣ. Такъ и усиленное развитіе бѣговаго дѣла на большія дистанціи требуетъ отъ призовыхъ рысаконъ болѣе облегченныхъ формъ, противоположныхъ тѣмъ объемистымъ, капитальнымъ формамъ, которыя представляютъ болѣе устойчивости при возкѣ тяжелыхъ экипажей, и потому мы уже мало видимъ прежнихъ громадныхъ, широкихъ орловскихъ рысаконъ съ правильными формами. Не даромъ американецъ Уильксъ говоритъ, что излишне длинная шея обременяетъ *передъ* рысаконъ и потому затрудняетъ быстроту его движенія. А какъ часто видимъ мы теперь у рысаконъ (равно какъ и у скакуновъ), что переднія ноги ниже колѣнъ раскинуты врозь и копыта направлены въ разныя стороны, что на языкѣ гиппологовъ называется *оленьими* ногами! Олень же есть животное быстроты чрезвычайной, и потому это сходство не только вредно, но и выгодно для призовой лошади, а между тѣмъ считается недостаткомъ для лошади общепотребительной. Называли же одну изъ рѣзвѣйшихъ призовыхъ кобылъ *Гостью* (зав. А. В. Головина) лосемъ; мы не погрѣшимъ, если сравнимъ и извѣстнаго побѣдителя на всѣхъ большихъ призахъ минувшимъ лѣтомъ въ Москвѣ, *Кролика* (Г. Ѳ. Теглера), съ этимъ неуклюжимъ, но тѣмъ не менѣе сильнымъ и рѣзвымъ животнымъ.

Прибавимъ, что употребляемая нынѣ выдержка рысаконъ, необходимая при увеличенныхъ разстояніяхъ въ 3, 5 и 6 верстѣ, есть уже искусственная, а искусство есть уже дѣло человѣка, къ которому одинъ чело-

*) Но болѣе 2 арш. 2 вершковъ росту,

**) Получившій на настоящей 4-й Всероссійской выставкѣ первую премію *Громобой*, 2-хъ арш. 6 верш. росту, не отличается ни правильностію, ни изяществомъ формъ.

вѣкъ способенъ болѣе, другой менѣе, сообразно съ данными ему отъ Бога способностями, и потому лошадь отодвигается уже на второй планъ: искусный и опытный наѣздникъ-тренеръ доводитъ лошадь до состоянія высшаго развитія ея силъ и способностей, а бездарный губить превосходнѣйшихъ лошадей и окончательно уничтожаетъ ихъ способности. Мы не говоримъ здѣсь объ искусствѣ ѣзды, которая есть способность, не требующая особеннаго умственнаго развитія со стороны наѣздника; но выдержка, основанная на разумной и отчасти научной гигиенѣ, конечно, не доступна нашимъ наѣздникамъ, и они дѣйствуютъ большею частію какъ бы ощупью, часто наугадъ, по урывочно схваченнымъ нѣкоторымъ приемамъ скаковой выдержки, о которыхъ они случайно слышали“.

Сравнивая выдержку и быстроту нашихъ рысаковъ съ рѣзвѣйшими въ мірѣ американскими рысаками, В. И. Коптевъ, описывая лѣтние бѣга 1877 г., говоритъ слѣдующее:

«1-го іюня разыграна московская премія 12-го трехлѣтія и, послѣ упорной борьбы двухъ рѣзвѣйшихъ пятилѣтокъ когда-либо бывшихъ, Полотеръ (гр. Волкова), послѣ трехъ блистательныхъ схватокъ, побѣдилъ Летуна (І. І. Дациаро), обѣжавъ послѣдняго два раза на 3-верстномъ бѣгу, совершенномъ въ 5 м. 8 сек., и на второй перебѣжкѣ въ 5 м. 16 сек., опередивъ Летуна оба раза на 2 секунды. Первая же перебѣжка можетъ считаться мертвымъ гитомъ, ибо оба совершили въ 5 мин. 8 сек., причемъ Летунъ опередилъ Полотера только на голову, что почти неуловимо.

Участвовавшіе въ состязаніи на первомъ заѣздѣ Туча (гр. И. И. Воронцова-Дашкова), пришедшая въ 5 мин. 16 сек., и Заноза (Н. В. Хрущева)—въ 5 мин. 17 сек., остались за флагомъ.

Этотъ бѣгъ особенно замѣчателенъ по чрезвычайной своей быстротѣ для пятилѣтковъ и невольно наводитъ насъ на мысли, которыя должны высоко поднять въ насъ скромное доселѣ убѣжденіе наше, что мы не можемъ съ успѣхомъ состязаться съ нашими американскими соперниками, которые въ прошломъ году вызывали насъ на состязаніе съ собою въ Америкѣ, на призъ въ 15,000 долларовъ, вѣроятно заручившись убѣжденіемъ, что наши рысаки не бѣгали еще рѣзвѣе 5 мин. 3 версты, тогда какъ извѣстная Флора-Темплъ бѣжала въ 4 мин. 50½ сек., а Декстеръ въ 4 мин. 51 сек.

Но за то ни одинъ рысакъ въ Америкѣ не показывалъ еще своей

высшей степени рѣзвости ранѣе 12 и 14 лѣтъ, а многіе показывали высшую степень рѣзвости только въ 18-лѣтнемъ возрастѣ.

Еслибы наши Летунъ и Полотеръ были такъ берегаемы, то неизвѣстно, что было бы, еслибъ и они продолжали учиться до 20-лѣтняго возраста, какъ у американцевъ; ибо Георгъ Уилксъ говоритъ, что «рысакъ долженъ долго (лѣтъ 7 или 8) учиться дабы стать мастеромъ».

Судя по рѣзвости нашихъ пятилѣтковъ можно смѣло предполагать, какой быстроты могли бы мы достигнуть съ нашими рысаками; но для сего, конечно, нужно перемѣнить всю нашу систему выѣздки, наѣздки и наконецъ самаго состязанія на призы.

Съ тѣхъ поръ, какъ у насъ введены двухколесныя американки, мы имѣли достаточно времени убѣдиться, что накатъ трехъ-аршинныхъ колесъ, устройство самаго экипажа, а равно и запряжки въ него, дѣлаютъ то, что рысакъ все время бѣга едва прикасается къ оному и все время постромки, такъ-сказать, не только не натянуты, но болтаются, и рысакъ бѣжитъ совершенно свободно, съ полнымъ отсутствіемъ вѣса, отъ одного импета, по которому катится американка, довольствуясь изрѣдка прикосновеніемъ рысака къ сбруѣ, очевидно только иногда подергивая чрезсѣдельникомъ. Такимъ же образомъ хомутъ, который все-таки у насъ употребляется, въ Америкѣ замѣняется очень тонкимъ и узкимъ ремнемъ, и потому размахъ лопатки подобенъ просторно движущемуся маятнику, между тѣмъ какъ лежащій у насъ на плечахъ лошади оголовокъ все-таки и стѣсняетъ, и обременяетъ хоть нѣсколько плечо рысака. Къ тому же, при нашей запряжкѣ въ бѣговыхъ дрожжахъ, гдѣ центръ тяжести несравненно ниже уровня плечъ лошади, хомутъ лежитъ на широкихъ мускулистыхъ отлогихъ плечахъ, и, препятствуя ихъ развязности, дѣлетъ возможность везти значительную тяжесть, чего нѣтъ у американцевъ.

Американскихъ же рысаковъ можно сравнить съ итальянскими скакунами, которые во время карнавала на улицѣ Корсо обгоняютъ другъ друга, имѣя вмѣсто ѣздоковъ и экипажей привязанныя къ троканъ крылья со шпильками, которыя отъ быстроты бѣга приходятъ въ движеніе и тѣмъ подгоняютъ скачущихъ состязателей.

И такъ, какъ ни страшна должна быть для насъ рѣзвость нашихъ американскихъ соперниковъ, 2 м. 14 сек. на милю, т. е. на 1 версту 254 сажени, но мы можемъ утѣшиться, принявъ въ соображеніе, что наши рысаки обладаютъ сверхъ сего способностію везти при семъ зна-

чительную тяжесть, къ чему уже рѣшительно не способны рысаки американскіе, ибо графъ Пурталесъ, три года предъ симъ путешествовавшій въ Америкѣ и тамъ изучавшій рысистый спортъ, говорить: «въ Америкѣ требуютъ для рысака роста въ 15 гендовъ, и чѣмъ легче лошадь, тѣмъ болѣе ее предпочитаютъ; къ чему послѣ этого должна служить маленькая лошадь не тяжеле жеребенка, какъ только для бѣга? Рысакъ не пріучаютъ возить тяжесть, потому что опасаются, чтобъ это не повліяло на его быстроту. Слѣдовательно, то, что порода выигрываетъ относительно скорости, она теряетъ въ другомъ отношеніи. Въ Америкѣ невозможно найти настоящихъ экипажныхъ лошадей и едва можно отыскать такую лошадь, которая могла бы скоро и продолжительное время везти легкой экипажъ».

И потому, если-бы, по тщательномъ испытаніи и производствѣ у насъ опытовъ, мы устроили рысистые бѣга съ соблюденіемъ условій бѣговъ американскихъ и убѣдились, что наши рысаки не могутъ совершить мило, какъ Гольдемитъ-Медъ, въ 2 мин. 14 сек., но обладаютъ силою для везенія нѣкоторой тяжести, что есть капитальное достоинство, а слѣдовательно и несомнѣнное превосходство, тогда мы могли бы вступить съ ними въ состязаніе, предложивъ и съ своей стороны условія для насъ выгодныя, а для нихъ стѣснительныя, то-есть назначивъ болѣе тяжелый вѣсъ.

Между тѣмъ, мы еще не рѣшаемся отказаться отъ мысли соперничать съ ними въ быстротѣ и на ихъ условіяхъ; ибо они сами сознаютъ, что до того какъ знаменитый ихъ тренеръ Хайрамъ Вудруфъ не занимался выдержкой и наѣздкой ихъ рысаковъ, т. е. 20 лѣтъ тому назадъ, ни одинъ рысакъ въ Америкѣ не проходилъ мили рѣзвѣ 2 мин. 40 сек.

У насъ же Орловскій призъ въ 1875 г. былъ выигранъ Потѣшнымъ (Г. Г. Волкова) по грязи, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, 1½ версты въ 2 мин. 35 сек.; а Крутой (І. І. Дацаро) и Грозный (Г. Д. Янкова) пришли въ 2 мин. 36 сек.

Когда же Вудруфъ въ Америкѣ приложилъ къ выѣздкѣ и выдержкѣ своихъ рысаковъ научныя гигиеническія данныя, то быстрота увеличилась на 22 секунды, и рысаки въ его рукахъ стали приходить въ 2 мин. 18 сек., а потомъ, въ 1875 году, еще рѣзвѣе, а именно въ 2 мин. 14 сек.

Наши же наѣзники, они же и тренеры, не только не имѣютъ никакихъ научныхъ познаній, но многіе изъ нихъ даже неграмотны, и вся выдержка, прилагаемая ими къ рысакамъ, состоитъ нерѣдко въ томъ, что они томятъ ихъ голодомъ и жаждой или неумѣренно изнуряютъ ихъ безтолковою и утомительною, неумѣстною гонкой на проѣздахъ.

И потому мы въ правѣ ожидать, что когда и у насъ отнесутся рациональнѣе и на научныхъ началахъ гигиены къ выдержкѣ и наѣздкѣ нашихъ рысаковъ, тогда и мы, при болѣе совершенныхъ по устройству тѣлосложенія и физическихъ свойствахъ нашихъ рысаковъ, достигнемъ равной съ американскими рысакими рѣзвости и, увеличивъ на 22 секунды рѣзвость нашихъ рысаковъ, сравнимся съ американскими.

Въ заключеніе, не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести слѣдующую прекрасную характеристику прежнихъ орловскихъ рысаковъ, сдѣланную В. И. Коптевымъ:

«Русскій орловскій рысакъ есть созданіе гениальнаго коннозаводчика, выработанное по опредѣленному плану человекомъ, задумавшимъ произвести новый видъ животнаго изъ противоположныхъ, разнообразныхъ элементовъ, заключающихся въ благороднѣйшихъ, а также и улучшенныхъ породахъ лошадей земнаго шара, съ тѣмъ, чтобы произведенная такимъ образомъ лошадь была возможнымъ совершенствомъ животнаго, полезнаго по своимъ способностямъ и пріятнаго по виѣшнему виду и изяществу формъ, удовлетворяющаго современнымъ требованіямъ комфорта и обстановки великолѣпнаго склада жизни богатыхъ вельможъ того времени.

Въ созданнаго такимъ образомъ гр. Орловымъ рысакъ вошли рослая и капиталныя породы сѣверныхъ нѣмецкихъ лошадей, т. е. голландскія, датскія и жекленбургскія, давшія имъ широкій костякъ, большой ростъ, крупную мускулатуру, высокій, крутой ходъ и нарядную рысь, и все это было украшено, облагорожено, сглажено, уравновѣшено прилитіемъ чистой крови арабской и англійской. Эта же кровь дала ему легкость, быстроту, силу и энергію.

Современники гр. А. Г. Орлова-Чесменскаго такъ описывали въ своихъ живописныхъ разсказахъ рысаковъ, имъ созданныхъ *):

«Нельзя было довольно налюбоваться на красоту этихъ громаднхъ коней: прямой, длинный, круторебрый станъ на толстыхъ и сухихъ ногахъ, шея, какъ тонкая лента, подымалась высокою дугою и оканчивалась прекрасною головою, съ огненными глазами на выкатѣ и пышными ноздрями. Движеніе этихъ громаднхъ коней было такъ

*) Это описаніе составлено мною подъ свѣжими еще впечатлѣніями разсказовъ очевидцевъ и напечатано въ „Журн. Конноз.“, въ 1860 г., въ № 5.

правильно, что топотъ ихъ копытъ представлялъ слуху правильно размѣренный *) тактъ, а на крестецъ рысака можно бы, кажется, было поставить стаканъ воды, и онъ не расплескался бы,—такъ спокойна была поза летящаго рысака, и одиѣ только ноги быстрыми и правильно размѣренными махомъ уносили его впередъ. Очевидцы рассказывали, что движеніе ногъ Потѣшнаго, любимаго мерина гр. Орлова, какъ болѣе другихъ его потѣшавшаго, было такъ быстро, что смотрѣвшему на его бѣгъ представлялись въ одинъ и тотъ же моментъ всѣ четыре блестящія подковы какъ бы стоящими въ воздухѣ подлѣ летящую массу рысака».

Притомъ рысакъ гр. Орлова, какъ говоритъ преданіе, съ неизмѣрною быстротою пробѣгали пространство въ 200 саж. **) въ 30 секундъ, потомъ заворотъ въ 25 сажень пробѣжали въ размаху и снова проходили полнымъ ходомъ 200 сажень и такимъ образомъ совершали четыре конца, причемъ всѣхъ вѣлможнаго ѣздока виѣстѣ съ саними и дрожками доходило до 15 пудовъ; почти съ такимъ же вѣсомъ ѣздили рысакъ и впоследствии. Только въ послѣднее двадцатипятилѣтіе стали рѣзко уменьшать вѣсъ экипажей при испытаніяхъ, и онъ уже доходитъ до 7 и 8 пуд. Вотъ причина, по которой изъ созданныхъ гр. Орловымъ рысаконъ выходили великолѣпныя упряжныя лошади, возившія въ городской упряжи двухъ сѣдоковъ съ кучеромъ (до 25 пудовъ). Съ уменьшеніемъ же вѣса при испытаніяхъ замѣтно, что контингентъ нынѣшнихъ рысистыхъ лошадей значительно скуднѣе формами, чѣмъ были орловскіе рысакъ первой половины нынѣшняго столѣтія».

*) Лучшій изъ русскихъ мастеровъ-наѣздниковъ былъ извѣстный козловскій купецъ, Иванъ Николаевичъ Роговъ, который, ослѣпнувъ въ старости, продолжалъ ходить на бѣгъ, на которомъ наѣзжалъ рысаконъ его сына, Иванъ Ивановичъ, тоже искусный наѣздникъ; тѣмъ не менѣе старикъ, прислушиваясь къ топоту копытъ, узнавалъ, когда рысакъ бѣжалъ неправильно, и приговаривалъ: „вретъ, вретъ“.

**) И въ настоящее время знаменитый американскій тренеръ Нирамъ Вадруфъ въ своей книгѣ при выѣздѣ лошадей совѣтуетъ „давать кончики полнымъ ходомъ каждый не болѣе 150 саж.; такимъ образомъ получится просторный махъ безъ утомленія“.

Въ заключеніе, съ полнѣйшимъ уваженіемъ и благодарностью помянемъ имена тѣхъ почтенныхъ коннозаводчиковъ, которые сохранили и размножили въ своихъ расадникахъ до нашихъ дней чистую кровь орловскаго рысака; къ числу такихъ лицъ нельзя не причислить гг. Ознобишина, Дубовицкаго, Тулинова, Ершова, Павловыхъ, Воейкова, Болдырева, Молоцкаго, кн. Черкасскаго, Мазурина, Голохвастова, гр. Воронцова-Дашкова, Шипова, Энгельгардта, Молоствовыхъ, Коробкина, Охотникова, Миндовскаго и высокоуважаемаго вице-президента московскаго рысистаго общества А. В. Колубакина—и ми. другихъ.

Чтобы дать понятіе о томъ высокомъ уваженіи, съ которымъ относились и относятся почтенные коннозаводчики къ памяти геніальнаго графа Орлова и къ совершеннѣйшему типу выведеннаго имъ рысака, я позволю привести здѣсь слѣдующій примѣръ, о которомъ я слышалъ изъ достовѣрнаго источника.

Извѣстный нашъ коннозаводчикъ В. П. Охотниковъ предполагаетъ предоставить послѣ себя свой, столь прославленный заводъ, состоящій изъ 60 матокъ и 10 жеребцовъ, въ собственность правительства, съ тѣмъ только *единственнымъ условіемъ, чтобы къ крови его орловскихъ рысаконъ не было примѣшиваемо никакой другой*. Можно ли лучше и выше этого закончить свою коннозаводскую дѣятельность и воздать благодарность геніальному творцу тѣхъ лошадей, размноженіе которыхъ служило отрадой и утѣхой для почтеннаго В. П. Охотникова?

О Г Л А В Л Е Н І Е

Предисловіе къ 1-му изданію.	III
Предисловіе ко 2-му изданію.	V
Время жеребости и уходъ за матной	1
Содержаніе матки и жеребенка	8
Отниманіе жеребятъ отъ матокъ	13
Уходъ за отъемышами до двухъ лѣтъ	16
Гонка жеребятъ въ маненѣ	20
Гонка въ уздечкѣ	22
С б о й	24
Смѣшанный галопъ	25
Смѣна ноги	26
Общія правила гонки	27
Постановка на вѣрный ходъ	28
Лежка на передѣ	29
Крученіе передомъ	30
Неправильный ходъ зада	30
Время выѣздки	31
Гонка лошади въ сбруѣ	32
Выводка на возжахъ	33
Накидываніе дуги	35
Выводка за кряквами	35
Закладка въ первый разъ за кряквами	37
Подпусканіе къ оглоблѣ	38
Поддужная лошадь	39
Выѣздка за кряквами безъ армана.	40
Съ поддужной на поводѣ	42
Закладка въ сараѣ за кряквами	44
Закладка въ сараѣ безъ кряквъ	45
Посадка на дрожжахъ	48
К о в к а	51
П о д к о в ы	52
Г в о з д и	54
Общія понятія о ковкѣ	56
Постановка на вѣрный шагъ.	57
Чувствительность рта и нажевъ	60

У д и л а	61
П о в о р о т ы	64
К о л ь ц а	66
В о з ж и	71
С б о й	78
П р о с к а ч к а	85
П р і е м ы	90
П о с ы л ь	94
Поддужный и поддужная лошадь	101
Ѣзда хладнокровной и Ѣзда энергичной лошади	113
Ѣзда лошади съ тяжелымъ дыханіемъ	122
Забой заднихъ и переднихъ ногъ	133
Выдержна лошади	138

ПОДГОТОВКА КЪ ПРИЗУ

Подготовка къ призу	151
Потнѣніе рысака	159
Чистка лошадей	161
О служащихъ при конномъ заводѣ	164
Послѣ проѣздки за чайкомъ	176

Дополненія ко 2-му изданію

Чувствительность рта. Нажевъ	5
Къ с б о ю	5
Обращеніе съ пыльными лошадьми на Ѣздѣ	5
Постепенность правильнаго наѣзжанія рысистыхъ лошадей отъ первой заѣздки до окончанія, — и лѣта рысака, ранѣе конихъ настоящей рѣзвости отъ него требовать нельзя	6
Къ возжамъ	7
Отвѣтъ на возжи	7
Переводъ удиль или строгій отвѣтъ	7
П о с ы л к а	8
С б о й	8
По поводу ранней заѣздки жеребятъ	9

Графъ А. Г. ОРЛОВЪ и ВЫВЕДЕННАЯ ИМЪ ПОРОДА ЛОШАДЕЙ

Гр. А. Г. Орловъ-Чесменскій и выведенная имъ порода лошадей . . .	21
Описание Хрѣновскаго завода, принадлежащаго ей сіятельству графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-Чесменской	21
Копія съ записки, списанной Иваномъ Дмитріевичемъ Ознобишинымъ, съ составленной Василіемъ Ивановичемъ Шишкинымъ	27

Другие книги нашего издательства:

Серия «Академия фундаментальных исследований: история»

- Жоини Г. Очерки военного искусства.
Меринг Ф. Очерки по истории войны и военного искусства.
Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь: XIII век.
Каргалов В. В. Свержение монголо-татарского ига.
Каргалов В. В. Конец ордынского ига.
Каргалов В. В. Народ-богатырь: История военных нашествий на Русь. IV—XIV вв.
Беляев И. Д. История военного дела от воцарения Романовых до Петра Великого.
Беляев И. Д. Земские соборы на Руси: От Ивана Грозного до Екатерины Великой.
Карпов Г. Ф. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. В 2 кн.
Павинский А. И. Полабские славяне в борьбе с немцами. VIII—XII века.
Васильев А. О древнейшей истории северных славян до времен Рюрика.
Погодин А. Л. Краткий очерк истории славян.
Погодин А. Л. Из истории славянских передвижений.
Буслаев Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык.
Собестянский И. М. Круговая порука у славян по древним памятникам.
Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории.
Кавелин К. Д. Основные начала русского судостроительства.
Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры.
Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода.
Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории.
Рожков Н. А. Обзор русской истории с социологической точки зрения: Киевская Русь.
Бестужев-Рюмин К. Н. О том, как росло Московское княжество и сделалось русским царством.
Миславский Н. Поземельная община в России.
Дьяконов М. А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве.
Советов А. В. О системах земледелия.
Гено А., Томич (сост.) Павел I: Собрание анекдотов, отзывов, характеристик, указов.
Веретенников В. И. История Тайной канцелярии Петровского времени.
История России
Пушкин А. С. История Пугачева: Замечания о бунте.
Даль В. И. (Казак Луганский). Об Уральском казачьем войске.
Кульпин Э. С. Путь России: Генезис кризисов природы и общества в России.
Кульпин Э. С. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства.
Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.
Ильичев А. Т. Справочник по русской истории. Киевская Русь.
Ильичев А. Т., Ляшенко А. Г. Справочник по русской истории: Южнорусские княжества; Владимирская Русь.
Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке (XI—XVII вв.)
Иллюстров И. И. Юридические пословицы и поговорки русского народа.
Даркевич В. П. Путешествие в древнюю Рязань.
Ельянов Е. М. Иван Грозный — создатель или разрушитель?
Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию.
Карнович Е. П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими.
Жизнь в свете, дома и при дворе. Правила этикета для России конца XIX века.

URSS